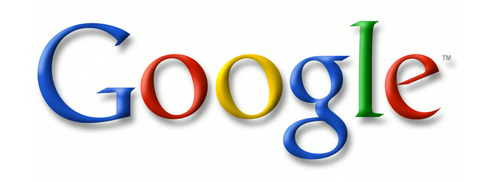

СБОРНИКЪ

„ИЗВѢСТІЙ КРЕСТЬЯНСКИХЪ ДЕПУТАТОВЪ"

и

„ТРУДОВОЙ РОССІИ".

Складъ изданій: Москва, Моховая, д. Бенкендорфъ, книжный магазинъ Д. П. Ефимова (А. Д. Друтманъ).
1906.

Типографія А. П. Поплавскаго, Ляллинъ пер., соб. домъ.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Сонъ.

Мнѣ снились обнаженныя,
Печальныя поля,
Деревни подожженныя,
Кровавая земля;
Убитыхъ лица блѣдныя,
Мольбы и плачъ дѣтей,
И возгласы побѣдные,
Пальба и свистъ плетей.

*
* *

Мнѣ снилось: толпы стройныя
Безчисленныхъ бойцовъ,
Какъ волны безпокойныя,
Неслись со всѣхъ концовъ,
Какъ ураганъ опасныя.
Съ собой онѣ несли
Знамена ярко—красныя
И шли, куда-то шли.

*
* *

Мнѣ снилась площадь шумная
И эшафотъ на ней,
Кончалась тутъ безумная
Игра минувшихъ дней;
Блеснулъ топоръ отточенный,
Раздался слабый стонъ,
И трупъ, въ крови омоченный,
Упалъ... Но то былъ сонъ.

О. Казанскій.

Кузнецы.

За лучшую долю, за землю и волю
Товарищей въ бой мы зовемъ;
Мы молоты взяли, изъ огненной стали
Мечи для борьбы мы куемъ.

Пусть горны пылаютъ, пусть искры мелькаютъ—
— Отъ нихъ разгорится пожаръ.
Насъ ждетъ не забава, въ борьбѣ наше право
Найдемъ. Будетъ страшенъ ударъ.

Мы долго томились, мы къ свѣту стремились,
Живя за тюремной стѣной;
Мы цѣпи разбили и стѣны сломили,
Въ послѣднiй готовимся бой.

Пусть красное знамя подниметъ, кто съ нами,
И къ общему дѣлу примкнетъ,
За землю и волю, за лучшую долю,
За вольно-свободный народъ.

О. Казанскiй.

Углекопы.

Мы землю родную, какъ черви, копаемъ,
И въ нѣдра ея мы зашли;
Мы солнца дневного не видимъ, не знаемъ
Въ глубокихъ пучинахъ земли.
Гнетутъ насъ тяжелые черные своды,
Ихъ мрачно-таинственый видъ,
Но дни и недѣли, недѣли и годы
Нашъ молотъ стучитъ да стучитъ.

Мы нашей работой весь міръ согрѣваемъ,
Тепло всѣмъ даемъ мы и свѣтъ,
А сами во мракѣ живемъ и страдаемъ,
И выхода къ свѣту намъ нѣтъ.
Болятъ наши плечи и руки устали,
И пѣсни не радуютъ насъ,
Но камень дробимъ мы ударами стали,
Судьбу проклиная не разъ.

Но если придутъ къ намъ желанныя вѣсти,
Что снова проснулась страна,
Мы бросимъ работу и съ жаждою мести
Поднимемся съ нашего дна.
Захватимъ мы кирки, мотыки съ собою,
И молоты наши возьмемъ,
Всѣхъ сильныхъ и смѣлыхъ къ великому бою,
Къ великой борьбѣ призовемъ.

Намъ выбора нѣтъ—или смерть, иль свобода!
Такъ лучше погибнуть въ борьбѣ,
Погибнуть за счастье родного народа,
Чѣмъ жить, покоряясь судьбѣ.

О. Казанскій.

Слава!..

Слава непокорнымъ,
Съ недругомъ упорнымъ
Враждовавшимъ смѣло
    Долгіе гөда;
Тѣмъ, кому въ неволѣ
Снилось брани поле,
Тѣмъ, о лучшей долѣ
    Грезилъ кто всегда!

* * *

Тѣмъ, кто въ душныхъ кельяхъ,
Въ темныхъ подземельяхъ,
Тосковалъ подъ звуки
    Тяжкихъ кандаловъ;
Кто служилъ народу,
Тѣмъ, кто за свободу
И за ближнихъ счастье
    Умереть готовъ!

* * *

Слава дерзновеннымъ,
Гордымъ, вдохновеннымъ
Рыцарямъ безъ страха,
    Въ комъ пылаетъ месть;
Жаждущимъ бороться,
Тѣмъ, кто въ битву рвется
Съ пѣсней бодрой,—въ жертву
    Чтобъ себя принесть!

* * *

Близокъ день расплаты:
Мщеніемъ объятый,
Кличъ могучій кликнетъ
    Возмущенный рабъ:
«Я зову—сразиться,
Съ недругомъ схватиться;
Кто силенъ—откликнись,
    Но молчи, кто слабъ!

* * *

Неравны пусть силы,
Пусть насъ ждутъ могилы,
Смерть пускай безумцамъ
    Суждена судьбой,
Намъ, дерзнувшимъ, болѣ
Жить нельзя въ неволѣ.
Я зову отважныхъ
    На послѣдній бой!..»

Михаилъ Пустынинъ.

Изъ пѣсенъ борьбы.

Нѣтъ силъ терпѣть, нѣтъ смысла ждать—
Довольно намъ молчать, страдать.
Пора, проснись, мой другъ и братъ,
Зажги огонь, ударь въ набатъ,
Возьми свой мечъ (вѣдь ты не слабъ),
Пусть знаетъ врагъ, что ты не рабъ.
Онъ мучилъ насъ, пилъ нашу кровь,
Онъ правду гналъ, онъ гналъ любовь...
Но сонъ прошелъ,—ударилъ часъ—
Пусть смертный бой разсудитъ насъ.
Что намъ терять?—мракъ позади.
А счастье—свѣтъ?—все впереди.
Пусть врагъ силенъ, пусть врагъ хитеръ—
Въ борьбѣ святой мы кончимъ споръ.
Вставай, проснись, мой другъ и братъ,
Зажги огонь, ударь въ набатъ!..

В. Ангарскій.

* * *

Стонетъ земля мать сырая,
Скорбнаго сына зоветъ:
Пахарь, сынокъ мой родимый,
Много страдали съ тобой!

* * *

Хищныя стаи грудь мою рвали,
Потомъ и кровью твоей поливали,
Хищники пили сокъ нашъ живой.
Ты уже выросъ, смѣлый, могучій.
Полно терпѣть и страдать!
Долго лились твои слезы горючи,
Некому было тѣ слезы унять.
Встань во весь ростъ свой, стряхни съ себя цѣпи,
Сбрось съ груди матери хищниковъ рой.
Сынъ мой желанный, пахарь родимый,
Будемъ мы оба свободны съ тобой!

Крестьянка *Ирина Г.*

Вмѣстѣ.

Наскоро размѣщенные на полу, на матрацахъ, наскоро перевязанные, чтобы остановить кровь, они лежали всѣ вмѣстѣ, въ одной палатѣ—рабочіе, двое дѣтей, манифестанты—солдаты и «врагъ», предательски стрѣлявшій изъ засады.

Ихъ стоны мѣшались. И кровь проступала на нихъ алыми пятнами поверхъ перевязокъ. И въ тоскѣ они метались головами по подушкамъ.

Но тѣ, остальные, всѣ, кромѣ *его*, лежали спокойнѣе, глядѣли мужественнѣе, какъ будто исполнили свой долгъ. Вотъ бравый саперъ съ прострѣленной грудью уставилъ глаза въ одну неподвижную точку на потолкѣ, рядомъ слесарь-рабочій: улыбка-ли, гримаса-ли боли прячется въ длинныхъ черныхъ усахъ, а лицо такъ серьезно, какъ будто даже немного сердиты его темные глаза.

А «онъ», этотъ «третій», врагъ между братьями, стоналъ громче, метался безпокойнѣе и быстро-быстро скользилъ его взглядъ по предметамъ, по лицамъ. Онъ былъ изъ молодыхъ пѣхотинцевъ, худой, длинный, какъ жердь. Желтое, ничего не выражающее кромѣ боли, лицо, безцвѣтные, съ мутью, глаза, наголо остриженная голова,—какъ будто это лежалъ деревянный солдатикъ, который, однако, жилъ и дышалъ и, очевидно, страдалъ...

Ихъ выносили и снова вносили—блѣдныхъ, дрожащихъ, трепещущихъ, послѣ операціи, и когда снимали холщевыя покрывала, въ глаза бросались кровавыя пятна, окровавленныя повязки, рубахи. Кровь, всюду кровь—запеклась, сочилась, жгла, какъ огнемъ.

«Его» выносили и тоже вернули обратно въ палату и опустили носилки на короткихъ ножкахъ на полъ. Онъ весь трепеталъ и быстро-быстро, какъ задыхающаяся рыба, хлебалъ воздухъ. И си-

няя кожа, какъ губка, морщилась въ углахъ мутныхъ, тоскующихъ глазъ и на лбу.

— Зза-мер за-ю... При-крыть-бы...—плакалъ—дребезжалъ онъ.

— Ладно, чейчасъ!—бросилъ хожатый, весь еще подъ впечатлѣніемъ этихъ криковъ, стоновъ, пролитой крови, запекшейся какимъ то нелѣпымъ пятномъ и на его бѣломъ фартукѣ.

— Дур-ра-ки... зачѣмъ... мы... стрѣ-ля ли!—шумно хлебая воздухъ, выбивая зубами частую дробь, простоналъ—выкрикнулъ раненый.

— Сестрица! больно!... Господи!.. Вспрыснуть бы опять...

— Нельзя сейчасъ, послѣ... потомъ, на ночь!— бросила на ходу «милосердная».

Они лежали серьезные, страдающіе.

И это чувствовали они всѣ—умирающіе, растерзанные, лежащіе на больничномъ полу, что кому то другому, кто теперь живъ, здоровъ и торжествуетъ побѣду, нужна была эта братская рознь, вражда, эта страшная кровь, а они—братья.

И въ этомъ было еще больше ужаса, чѣмъ въ самой смерти.

А опа стояла тутъ, эта безстрастная смерть, холодно отсчитывая мгновенья, какъ маятникъ часовъ, и протягивая холодныя руки къ нимъ, окровавленнымъ, сраженнымъ братской рукой.

— Братцы... простите!..

Петръ Левицкій.

МАЛЕНЬКІЕ РАЗСКАЗЫ.

Соловьи поютъ...

Весеннее утро, нѣжное, чистое. По степи весь въ дыму мчится поѣздъ. Бѣжитъ, шумно дышетъ спутанными клубами бураго дыма, задорно сыплетъ продолговатыми искрами. И оттого что поѣздъ быстро бѣжитъ, искры сливаются въ рѣдкую огненную сѣть изъ красныхъ пылающихъ лентъ...

Весело вторя радостному бѣгу, стучатъ звонкимъ стукомъ плоскія тарелки буферовъ и по свѣтлой спинкѣ стальныхъ рельсъ кружатся и пляшутъ въ бурной пляскѣ желѣзныя колеса вагоновъ.

Въ вагонахъ открыты окна, и въ ихъ свѣтлыя отверстія, кокетливо качая мохнатыми головками, глядятъ полевыя травы, цвѣты. Задумчиво машутъ молодые колосья ржи.

Въ вагонѣ, гдѣ я сижу, просторно. Кромѣ меня, тамъ помѣстилось еще два человѣка. Они сидятъ насупротивъ и о чемъ-то оживленно разговариваютъ. На скамью разостлали старую газету, положили на ней колбасу, ломти чернаго хлѣба.

Одинъ изъ нихъ, тотъ, кто ближе ко мнѣ, высокій, голубоглазый. На верхней губѣ еле пушатся усики.

На головѣ у парня фуражка телеграфнаго вѣдомства, старая, помятая. Доброе безкровное лицо съ мелкой рябинкой. На дряблыхъ щекахъ широкими полосами улеглась болѣзненная желтизна. Такой налетъ бываетъ у людей, долго просидѣвшихъ въ «одиночкѣ».

Телеграфистъ старательно бьетъ по дну «монопольки». Съ легкимъ трескомъ выскочила пробка. Осторожно налилъ стаканчикъ, дружески протягиваетъ собесѣднику:

— Пожалуйте!

Тотъ, коренастый, широкобородый, въ формѣ желѣзнодорожнаго рабочаго, степенно снимаетъ шапку.

— Будемъ здоровы! Того... за всѣхъ плѣнныхъ!—торжественно произнесъ и серьезно выпилъ.

— Вотъ-вотъ!.. Именно. За плѣнныхъ!..

— За заключенныхъ товарищей!..

Телеграфистъ возбужденно замахалъ руками. Чинно поѣли. Телеграфистъ оглянулся, пытливо осмотрѣлъ меня, онъ, повидимому, остался доволенъ результатомъ осмотра, потому что заговорили громче.

— Эта тираспольская тюрьма—такъ она прямо, какъ каторжная. Чтобы, напримѣръ, гулять вдвоемъ или намъ сидѣть вмѣстѣ съ товарищемъ—а ни Боже мой! Насчетъ этого такъ тамъ даже очень строго воспрещается. Да-а! Ну, извѣстно, мы подчинялись. Потому—ихъ сила.

«Ну, разъ это, знаете, возвращаюсь съ прогулки. Такой былъ хорошій день, и страшно захотѣлось мнѣ повидать, поговорить... хоть однимъ словомъ перекинуться со своимъ человѣкомъ. Такъ у меня тяжело на сердцѣ—стра-асть! Смотрю, «пастухъ» то мой—значитъ, тюремный надзиратель, который меня провожаетъ—отсталъ—заго-

ворился тамъ съ кѣмъ-то. Иду, знаете, и вижу въ двери, въ одной камерѣ политической форточка открыта. Застучало у меня въ сердцѣ... Не могу, чтобы не подойти. Подкрался, вижу—Аввакумовъ. Поздоровкались мы. Только что хочу его разспросить насчетъ его дѣла, а «пастухъ» мой наскочилъ.

— Вонъ отсюдова, скотина!

— Отъ скотины слышу!

«Только что я это ему высказалъ, а онъ—бацъ меня въ одно ухо! трра-аххъ—въ другое. Я упалъ. Онъ меня ногами. Ну, тутъ у меня сдѣлалось помутнѣніе въ мозгахъ. Ну, а наши, товарищи, подняли шумный протестъ. Кричатъ, бьютъ хвертки, стекла. Забрали ихъ въ карцеръ. И меня въ карцеръ. Въ темный. Понимаете, избили какъ какого нибудь сукинаго сына, и въ темный карцеръ. Бросили на голый полъ, безъ постели, безъ ничего.

— Тутъ тебѣ стоитъ парашка. И она открытая—крышки нѣтъ.

«Нарочно такъ — безъ крышки, чтобы, значитъ, мучить нашего брата вонью, вродѣ какъ пытка. Ну, а пища тамъ одна—вода и арестантскій хлѣбъ. И безъ табаку! Вотъ какіе сволочи!—Разсказчикъ гнѣвно двинулъ подбородкомъ.

— Дайте срокъ! И на нихъ погибель придетъ!—злобно утѣшаетъ телеграфиста рабочій.

— Мы тогда ихъ всѣхъ... Какъ собакъ!—Онъ угрюмо оборвалъ, тяжело поднялся и, грозно стуча сапогами, подошелъ къ окну. Долго смотритъ.

— Жито!

Онъ тихо испустилъ сдержанный вздохъ.

— Смотрите!

Порывисто обернулся и мозолистой рукой указываетъ на зеленые ряды созрѣвающихъ хлѣбовъ.

— Тутъ что?—телеграфистъ пренебрежительно повелъ согнутыми локтями.

— Вотъ на станціи Затишье—тамъ вотъ хорошо!

— Понимаете, соловьи поютъ!

Онъ недоумѣвающе вскинулъ глазами, сдѣлалъ небольшую паузу, потомъ сконфуженно улыбнулся съ оттѣнкомъ снисходительнаго покровительства. Снова примолкъ, неопредѣленно тряхнулъ

головой и вдругъ, неожиданно для самого себя, восторженно выбросилъ.

— Вели-колѣпно!

И сейчасъ же замолчалъ, весь съежился и скорбно поникъ головой...

Видно, вспомнился тираспольскій острогъ, темная яма карцера, зловонная парашка и слѣпая жестокость озвѣрѣлаго тюремщика.

. . . .

Поѣздъ протяжно свистнулъ и замедлилъ ходъ. Мы подъѣзжали къ станціи. Мелькнулъ семафоръ, тихо выплыла вокзальная площадка, а на ней станціонный жандармъ. У него за плечами на желтомъ ремнѣ—ружье.

Н. Осиповичъ.

Дѣтская кровь.

Онъ лежалъ также наскоро положенный на матрацѣ, на полу, безъ рубахи, съ туго подвязанной къ обнаженному туловищу раздробленной рукой, и все мерзъ и кутался съ головой въ одѣяло.

Онъ былъ такой маленькій, хрупкій, худой, съ непомѣрно большой, какъ у рахитика, головой, и желтая, какъ бронзовая, кожа обтягивала его тщедушное тѣло и рѣзко, отъ худобы, выдавались кости.

Лежалъ онъ тихо, безъ звука, спрятавшись, какъ улитка, отъ свѣта и людей, какъ будто спалъ или умеръ. На скорбномъ листѣ, брошенномъ на матрацѣ, у изголовья, значилось—«Степанъ Ведровъ, сынъ мастерового, 11 лѣтъ».

Ночь прошла, страшная ночь. Было утро.

Въ прихожей, на лѣстницѣ толпился народъ: со вчерашняго утра эти встревоженные люди искали своихъ и теперь ждали рокового отвѣта—тутъ ли? мертвый? живой?

Громко рыдая, вышла оттуда молодая, высокая женщина въ черномъ платкѣ и пошла куда то по больничному двору, должно быть, къ часовнѣ, протягивая впередъ дрожащія руки и въ какой то предсмертной тоскѣ шепча: «ми-лый, ми-и-лый!»

Одинъ за другимъ, тихіе, полные испуганнаго ожиданія, входили

они въ палату и блѣднѣющія лица ихъ вытягивались, а глаза такъ пытливо искали, встрѣчаясь съ неподвижно устремленными, колючими, скорбными, чужими глазами.

Двѣ фигуры остановились надъ нимъ, и одна осторожно стянула съ него одѣяло. На матрацѣ осталась съежившаяся, голая фигурка съ окровавленной перевязью.

— Сте-па..—шепнула, нагнувшись, сухая, черная женщина въ сѣрой шали.

— Сте па-а...

А рядомъ другая, мужская фигура, въ изношенномъ пальто, недоумѣло—растерянно рылась темными, какъ чугунные, пальцами въ жидкой, съ просѣдью, бородѣ и молчала.

— Вотъ гдѣ нашли тебя, Степа-а...

И глаза женщины замигали и словно затянулись слюдой.

— Узналъ мать-то, отца?

Степанъ Ведровъ, 11 лѣтъ, глядѣлъ на нихъ: они были въ полѣ его зрѣнія. Но роковыя слова не измѣнили его выраженія: такъ же тупо—тоскливо и безучастно смотрѣли глаза, какъ будто люди—фигуры стояли гдѣ-то въ молочномъ туманѣ, неясныя, какъ далекія тѣни.

А эта алая дѣтская запекшаяся кровь на повязкѣ такъ ярко горѣла на немъ. Оно росло, это кровавое пятно, и снова дробилось, кружась кровавыми пятнами въ воздухѣ, и кровавыя брызги, круги ложились на стѣны, на лица, на руки людей.

Онъ что то пробормоталъ невнятно: «стрѣляли, упалъ... хотѣлъ поднять ее, а ея нема, тутъ она, а нема»...

И его синеватыя губы вытянулись и задрожали и вся фигурка затрепетала, задрожала отъ холода. И опять онъ, какъ улитка, скрылся подъ одѣяломъ и не двигался, молчалъ, а глаза и тамъ не закрылись и смотрѣли на сѣрое одѣяло, только на сѣрое, волосатое одѣяло.

Тихо, словно пришибленныя, вышли изъ палаты обѣ фигуры.

И у одной въ мутныхъ, слезящихся глазахъ тоскливо метался вопросъ: «взыщется ли?»

А у другой угрюмо, до жути, горѣла непоколебимая увѣренность: «нѣтъ, она взыщется, дѣтская кровь! Не пропадетъ она! Нѣтъ!»

21 мая. *Петръ Левицкій.*

Народный учитель.

Два дня тому назадъ я вернулся съ областного съѣзда делегатовъ отъ народныхъ учителей.

Всѣмъ хорошо извѣстна та напряженная работа, которую приходилось выносить на своихъ плечахъ народному учителю въ дни «свободъ» 17-го октября, чтобы выяснить населенію сущность этихъ свободъ и народнаго представительства. Такъ же хорошо извѣстно, какъ за «возвѣщенными» свободами развернулся во-всю административный произволъ, одною изъ первыхъ жертвъ котораго былъ народный учитель.

А теперь—мы передъ лицомъ новой жизни; ея дыханіе чувствуется. Только слѣпые не видятъ.

И въ эти минуты, когда уже начинается переустройство всей жизни, мнѣ горячо хотѣлось видѣть народнаго учителя.

Я видѣлъ два дня тому назадъ.

Окна зала были закрыты; тамъ, на улицахъ двигалась жизнь,— но только слабый шумъ ея доносился къ намъ сквозь закрытыя окна.

Было тихо въ залѣ, гдѣ, на скамьяхъ, плотно прижавшись другъ къ другу, сидѣли товарищи-работники.

Въ залѣ было особенно тихо: говорилъ товарищъ тихимъ, груднымъ, мягкимъ голосомъ, говорилъ и часто закашливался.

«Будьте тише, товарищи», говорилъ онъ, начиная рѣчь: «у меня слабый голосъ».

У него была слабая грудь, разбитая побоями въ октябрьскіе черные дни. Но въ разбитой груди билось сердце, согрѣтое вѣрой въ народъ, горѣвшее любовью къ темному народу, а разбитая грудь полна была святымъ порывомъ вывести темный, угнетенный, безправный народъ къ великому свѣту и благу свободной и правой жизни.

«Мирными и для многихъ незамѣтными работниками просвѣщенія народа еще не такъ давно жили мы.

«Мы знали школу свою... Можетъ, быть была она тѣсна и неуютна, но для насъ была она и просторна, и свѣтла; голоса дѣтей оживляли школу, радость въ школу вносили ихъ лица, и сердце свое, любовь свою отдавали мы дѣтямъ.

Мы работали въ школѣ, а кругомъ, все сильнѣе и сильнѣе подтачивалась съ каждымъ годомъ народная жизнь. Остаться слѣпыми, быть безучастными мы не могли».

Страданіе пробѣжало по его лицу, онъ нѣсколько разъ откашлялся, но еще теплѣе зазвучала его рѣчь.

«Товарищи! Жить и работать—о, какъ хорошо! Жить и чувствовать, какъ ласкаютъ тебя лучи солнца, какъ смотрятъ на тебя яркія звѣзды съ далекаго неба... да, хорошо!.. Но другое солнце блеститъ передъ нами, другія звѣзды насъ манятъ къ себѣ: то воля и права народа; защита его гражданскихъ правъ, интересовъ его труда.

«Мы должны расширить дѣло свое за предѣлы школы—и мы уже сдѣлали это. Въ сознаніе народа мы старались провести понятія принадлежащихъ ему правъ и свободъ. Мы радовались и славословили дни свободъ; мы повѣрили,—и—пусть это къ нашему счастью!—похоронили вѣру свою подъ пепломъ и развалинами домовъ, въ крови нашей и близкихъ нашихъ, пролитой палачами и вершителями земныхъ судебъ нашихъ.».

Кажется, черные дни прошлаго болью сжали разбитую грудь; все страшно затихло кругомъ.

Но голосъ крѣпчалъ и дышалъ вѣрой.

«Нѣтъ, теперь не будемъ мы говорить: ей, приди, Господи! ей, приди, свобода желанная!

«Нѣтъ: предъ нами—взять эту свободу цѣною всѣхъ нашихъ усилій, достойныхъ великаго дѣла освобожденія народа. Товарищи! не просто уже просвѣщеніе народа;—настало время, товарищи, когда и мы смѣлѣе, чѣмъ когда-либо, встаемъ въ ряды трудящагося народа,—и вмѣстѣ съ нимъ добиваться будемъ и воли и земли!»

Онъ кончилъ и сидѣлъ, отирая лицо платкомъ. А со скамей неслись горячія дружныя привѣтствія товарищей; со скамей глядѣли смѣлыя радостныя лица; со скамей говорились отвѣтныя рѣчи—тѣ рѣчи были проникнуты глубокой рѣшимостью.

О работѣ среди народа, о настроеніи народа говорилось въ рѣчахъ: высоко настроеніе народа, и большихъ трудовъ стоитъ мѣстами сдержать народное негодованіе.

Я слушалъ. Передъ глазами разстилалась на необозримомъ пространствѣ страна: растетъ негодованіе въ груди народа; съ очей его

спадаетъ многовѣковая пелена обмана; ясно видитъ онъ враговъ и друзей своихъ. Смыкаются ряды народа, а въ этихъ рядахъ тотъ, кто близокъ народу, кто дѣлу его всегда отдавалъ работу свою — народный учитель.

6 іюня. Чл. Госуд. Д. *С. Бондаревъ.*

Мужицкіе разговоры.

Одинъ мужикъ говоритъ другому:

— Какъ это,—я читалъ—наши депутаты постановили, будто вся земля принадлежитъ всему народу? Это неправильно; я вотъ купилъ десять десятинъ на свои кровныя денежки, а у меня ее, значитъ, отобрать что ли хотятъ да въ передѣлъ пустить? я на это не согласенъ.

— Никто у тебя отбирать не собирается, — говоритъ другой мужикъ,—отберутъ у тѣхъ, кто землей барышничаетъ. Работаешь ты на ней, на этой землѣ, и никто тебя съ нея не потревожитъ. Работай, сдѣлай милость, дѣтямъ передай, коли имъ земля нужна тоже для работы.

— Въ такомъ случаѣ—говоритъ опять первый мужикъ—эта земля, значитъ, моя, а не всего народа. Пустыя это слова—«всего народа». Весь-то народъ и не знаетъ, что она у меня есть.

— Нѣтъ, это не пустыя слова, что вся земля принадлежитъ всему народу; это самая настоящая правда.

— А мнѣ вотъ кажется, что—одни слова, и больше ничего.

— Коли такъ,—я тебѣ скажу сказку, а смекай что къ чему.

Вотъ эта сказка:

Была такая страна, гдѣ мужики всю землю подѣлили участками, и каждый на своемъ участкѣ поселился и свой участокъ обгородилъ, и рѣшили они такой законъ издать, что каждый на своемъ участкѣ — полный хозяинъ и никто ему не указъ: что хочу, то и дѣлаю. Вотъ пришелъ базарный день, стали мужики собираться въ городъ; поѣхалъ одинъ—Иваномъ звали—а Петръ его не пускаетъ: «ты, говоритъ, черезъ мою землю не ѣзди, я этого не желаю». Иванъ въ другую сторону—тамъ Ѳедоръ-сосѣдъ не пускаетъ: «не желаю черезъ

свою землю пускать никого; она—моя, и я на ней полный хозяинъ». И на третью и на четвертую сторону пытался Иванъ — такъ его никто и не пустилъ. Ночью потихоньку, крадучись, пробрался Иванъ къ судьѣ и принесъ жалобу, что его не пустили на базаръ проѣхать. Судья былъ праведный—судилъ по закону: поглядѣлъ въ законъ и говоритъ: «въ законѣ сказано, что каждый на своемъ участкѣ—полный хозяинъ,—значитъ твои сосѣди были правы, а ты, Иванъ—неправъ: нельзя по чужой землѣ ѣздить безъ согласія хозяина». А Иванъ говоритъ: да какъ же быть, коли дороги нѣтъ?— Судья говоритъ: «а вы по общему согласію назначьте, гдѣ быть дорогамъ и такой законъ составьте, что по дорогамъ каждый воленъ ѣхать; а пока такого закона нѣтъ—я не могу тебя защищать».

Вотъ собрались мужики на сходку, стали разсуждать—гдѣ лучше проложить дорогу и у кого подъ дорогу земля отойдетъ. Все шло хорошо, да только никто не соглашается изъ своего участка земли уступить подъ дорогу. Стали предлагать деньги за уступку—иной и за деньги не соглашается, а иной такую цѣну ломитъ, что просто на озорство похоже. Сердится на нихъ народъ, а они себѣ въ усъ не дуютъ: только посмѣиваются.

— Ну, чѣмъ же дѣло кончилось?

— А ты какъ думаешь?

— Такъ неужели весь народъ долженъ терпѣть изъ-за ихняго капризу? Навѣрное—силой взяли.

— Такъ кто-же теперь оказался коренной хозяинъ земли?—спросилъ тотъ, который разсказывалъ. А тотъ, который слушалъ, опять ему возражаетъ:

— Не о томъ у насъ рѣчь,—извѣстное дѣло—безъ дорогъ нельзя, и подъ дорогу каждый долженъ своей землей поступиться. За то, гдѣ нѣтъ дороги—тамъ я дѣйствительно полный хозяинъ.

На это разсказчикъ отвѣчалъ:

— Ты погоди— сказка еще не кончилась. Продолжаю. «Пришелъ въ эту самую землю непріятель: у Петра отнялъ землю, у Ивана, у Ѳедора и идетъ все дальше; а до которыхъ еще не дошелъ, тѣ говорятъ: «можетъ—въ нашу сторону не придетъ,—буду я на своей землѣ спокойно сидѣть,—кому охота чужую землю оберегать; каждый свою береги».

— Гдѣ ты такихъ дураковъ нашелъ?—возразилъ слушатель съ

сердцемъ.—Я такъ понимаю: потому и надо за чужую землю заступиться, чтобы свою сберечь. Значитъ, опять къ тому приходитъ, что каждый *свое* защищаетъ. Не будь этого—извѣстно, никто бы не пошелъ чужую землю защищать.

— Ты погоди; я сейчасъ доскажу. Видятъ мужики, что дѣло плохо, если каждый будетъ только свой участокъ обставвать, и порѣшили, чтобы каждый стоялъ за всѣхъ, и всѣ за одного, и отвоевали у непріятеля всю свою землю обратно, и съ той поры стали понимать, что—хотя каждый своимъ участкомъ *пользуется*, а *вся земля* должна принадлежать всему народу: онъ ея хранитель, и онъ ея распорядитель. Вопреки волѣ всего народа нельзя землей распоряжаться,—полный хозяинъ только весь народъ. Вотъ въ этомъ смыслѣ и надо понимать эти слова: вся земля должна принадлежать всему народу. Поэтому, законы о томъ, какъ землей пользоваться,—которые народъ одобряетъ, тѣ только и силу должны имѣть, а которые народу не угодны, тѣхъ и не надо. Не спрося всего народа, не подобаетъ законы издавать, и не объ одной только землѣ, а о всякомъ предметѣ, который всего народа касается. Но весь народъ иначе не можетъ выразить свою волю, какъ посылая своихъ выборныхъ—«лучшихъ людей»—*представителей*, которые знаютъ, чего народъ желаетъ и чего не желаетъ, а если въ чемъ сомнѣваются, то и они должны народъ спрашивать: какъ лучше?

7 іюня. Депутатъ *К. В. Л—ій.*

Маленькіе разсказы.

... Гдѣ Судія?

... Ночь. Беззвѣздная, мглистая. Надъ нѣмыми небесами безпорядочными кучами висятъ черныя громады облаковъ.

Тьма и угрюмое молчаніе. Разгромленный городъ оцѣпенѣло притихъ, дрожитъ въ пугливомъ ожиданіи. Онъ тревожно ждетъ утра— новой расправы, съ пожарами, убійствами, позоромъ женщинъ...

... Судорожное, придушенное безмолвіе, и только выстрѣлы солдатскихъ винтовокъ остервенѣло рвутъ больную тишину.

Когда стрѣльба умолкаетъ, неизвѣстно откуда раздаются хриплые, оборванные вздохи. Протяжные, протяжные... Чудится, что стонутъ разрушенныя улицы несчастнаго города, его разбитые дома и залитыя кровью гранитныя плиты мостовыхъ.

Камнямъ тяжело. Мучительно, невыносимо тяжело! Какъ негодный соръ, солдаты набросали на нихъ, кровавыми грудами, убитыхъ работниковъ.

Убіенные остекленѣвшими глазами смотрятъ строго, какъ суровыя зѣницы Возмездія, будто вопрошаютъ:

— Гдѣ Судія?

— Когда распутныхъ убійцъ постигнетъ праведная кара?

И камни стонутъ, стонутъ...

* * *

Борьба не совсѣмъ окончена. Ужъ покорились буйныя площади центра, но въ мужественныхъ закоулкахъ предмѣстья еще дышетъ возстаніе. Тутъ еще высится молодая баррикада, послѣдняя баррикада. Соорудили ее сегодня утромъ, и теперь къ ней стеклись остатки разбитыхъ дружинъ. Здѣсь будетъ послѣдній бой. И оборона приготовилась.

Напротивъ рабочей крѣпости, на соборной площади, стоятъ войска: пѣхота, казаки, артиллерія.

На колокольнѣ солдаты поставили орудіе...

И тамъ, гдѣ въ часъ молитвы льется священный звонъ благовѣста—чугунный кашель убійства нагло загрохоталъ.

И символъ любви и всепрощенія — Крестъ распятаго Христа — простеръ невольно израненныя руки надъ жадной пастью пушки черной...

— Пли-и!

Орудіе бухнуло. Отъ пламени выстрѣла алымъ румянцемъ зардѣлся церковный куполъ, а на вратахъ храма — ликъ Спасителя скорбно затрепеталъ...

Тяжелое ядро гулко вылетѣло изъ стрѣльчатой башенки колокольни, какъ коловоротъ просверлило ночную темноту и съ злобнымъ гудѣньемъ ударило о каменный гребень баррикады. Разорвалось. Дико ухнуло. И во всѣ стороны, брызгая кровью, полетѣли оторванныя руки, ноги, головы молодыхъ защитниковъ послѣдней баррикады.

Изъ всего отряда обороны уцѣлѣлъ одинъ дружинникъ—кузнецъ Антонъ, крѣпкій, рослый юноша.

Онъ стоитъ понуро, опустивъ голову. Тяжело ему уйти отсюда, тяжело оставить крѣпость одной, беззащитной...

Юноша угрюмо раздумываетъ.

А изъ церкви пальба продолжается. Вотъ пушечный зарядъ попалъ въ предмѣстье, и по деревяннымъ крышамъ рабочей слободки злорадно поползли багровыя змѣи пожара.

Въ темныхъ окнахъ бѣдныхъ лачугъ расплавленнымъ металломъ заблестѣли маленькія зеленыя стекла. Они рухнули съ шипящимъ шумомъ, и въ красныхъ пропастяхъ горящихъ избъ закружилось и завизжало пламя растрепанными жгутами.

Трескъ, грохотъ, ревъ. Летятъ, разбрасывая искрами, куски стропилъ, обломки досокъ, раскаленные кирпичи.

И жужжащимъ огненнымъ воемъ рыдаютъ погибающія жилища. И въ кривыхъ закоулкахъ слободки мечутся обезумѣвшія отъ ужаса женщины, маленькія дѣти. Мужчинъ нѣтъ: они всѣ пали на баррикадѣ.

* * *

После полуночи, въ сѣрый предразсвѣтный часъ, кузнецъ Антонъ добрался до церковной ограды.

У дружинника подъ полой, въ правой рукѣ, продолговатая коробка. Онъ долженъ добраться туда—на колокольню!

Во что бы то ни стало! Пушка будетъ уничтожена! Поруганный городъ, разоренная слободка будутъ отомщены! Юноша тихо-тихо крадется вдоль деревянной стѣны церковнаго двора. Вотъ и калитка. Еще одна минута... Сдерживая дыханье, стиснувъ отъ напряженья зубы, Антонъ надавилъ на желѣзную скобу. Открылъ, осторожно ступилъ на порогъ и... судорожно остановился. Ужасъ, жгучій, раскаленный ужасъ, огненными мурашками забѣгалъ по всѣмъ членамъ его тѣла. На камняхъ двора, недалеко отъ паперти собора, недвижимо, какъ мертвая, лежитъ обнаженная дѣвушка. Вокругъ нея черной массой сгрудились городовые, казаки. Толпа съ шумнымъ хохотомъ, жирнымъ, пьянымъ, ругалась надъ полумертвой женщиной. Толпа ее позорила...

— Изверги! Подлые... изверги!

Дружинникъ Антонъ надорванно крикнулъ, взмахнулъ руками

. . . .

. . . .

. . . .

Мертвецкая. На грязныхъ доскахъ пола лежитъ кузнецъ Антонъ. Отъ выпавшаго снаряда ему поранило животъ, но лицо и руки уцѣлѣли.

Гордое, молодое лицо... Надъ бѣлымъ лбомъ черной тѣнью вздымаются густые локоны волосъ. Правая рука откинута широкимъ вызывающимъ размахомъ. Голубые глаза открыты. Они смотрятъ впередъ, смотрятъ упорно.

Въ нихъ вызовъ всѣмъ. Убитый дружинникъ, кузнецъ Антонъ, зоветъ къ отвѣту всю страну, спрашиваетъ настойчиво, какъ власть имущій. Кажется, вотъ-вотъ и раскроются тонкія губы, вотъ вотъ и оттуда раздастся:

— Гдѣ Судія? Гдѣ кара за убитыхъ работниковъ?

— За опозоренную дѣвушку?

Въ мертвецкой тихо, оцѣпенѣло тихо. По двору скорбно тарахтятъ похоронныя дроги.

10 іюня. *Н. Осиповичъ.*

Земельный вопросъ.

Охрана земли.

Никакая собственность въ настоящее время не охраняется такъ надежно нашимъ правительствомъ, большинство членовъ котораго крупные землевладѣльцы, какъ частная собственность на землю... По всей Россіи вблизи крупныхъ помѣщичьихъ имѣній сосредоточиваются войска—пѣхота, кавалерія, казаки, пушки, пулеметы. При малѣйшихъ попыткахъ голодныхъ крестьянъ захватить у помѣщика гніющій въ амбарахъ хлѣбъ, начальство подымаетъ цѣлую бурю и начинаетъ самосудъ, причемъ пускаетъ въ ходъ все — сожженіе деревень, многочисленные разстрѣлы, порку нагайками до потери сознанія, насиліе надъ женщинами, растлѣніе подростковъ...

Кажется, дальше итти было некуда, но правительство для болѣе надежной охраны земли самовольно, вопреки манифесту 17-го октября, согласно которому ни одинъ законъ не можетъ быть введенъ безъ одобренія Государственной Думы, опубликовало 29 апрѣля законъ «противъ возникновенія стачекъ среди сельскихъ рабочихъ». Надо замѣтить, что законъ этотъ былъ опубликованъ уже тогда, когда Государственная Дума два дня засѣдала въ Петербургѣ...

Сущность этого неправильно изданнаго закона заключается въ томъ, что онъ широко открываетъ двери тюремъ и остроговъ для крестьянъ. Теперь каждый крестьянинъ ежедневно можетъ попасть въ острогъ... Допустимъ, напримѣръ, что два или три десятка крестьянъ сошлись гдѣ-нибудь и завели разговоръ о своемъ житьѣ-бытьѣ и изъ разговора ихъ выясняется, что они живутъ хуже скотины: помѣщикъ заставляетъ ихъ много работать, обращается съ ними грубо, плохо кормитъ, даетъ вмѣсто помѣщенія свиной хлѣвъ. Мужички рѣшаютъ пойти къ помѣщику, чтобы попросить его улучшить ихъ бытъ. Пока идутъ—еще ничего, но вотъ они пришли въ «огороженное мѣсто», напримѣръ, во дворъ усадьбы. Этого вполнѣ

достаточно, чтобы были вызваны власти, войска, послѣдовали бы аресты, судъ и тюрьма... Но если эти самые мужики прямо бросятъ работу у помѣщика, то имъ уже совсѣмъ нѣтъ пощады: законъ караетъ ихъ за это 4-мя годами тюрьмы.

Новый законъ также очень строго караетъ крестьянъ за участіе въ крестьянскихъ союзахъ.

Рабочіе фабрикъ и заводовъ еще не такъ давно тоже преслѣдовались за стачки и образованіе союзовъ—гноили ихъ по тюрьмамъ не мало; но тѣ не унывали и время отъ времени производили стачки, часто съ большимъ успѣхомъ. Но если рабочіе и вырвали что-нибудь изъ жадныхъ рукъ правительства и своихъ хозяевъ, то лишь благодаря дружнымъ, единодушнымъ стачкамъ. Недавно правительство отмѣнило наказанія за стачки городскихъ рабочихъ. Конецъ и здѣсь будетъ тотъ же,—стачки сельскихъ рабочихъ и соединенія крестьянъ въ союзы для борьбы за лучшую долю новый законъ не предотвратитъ.

18 мая.

Земля Божья.

Наконецъ то депутаты и Государственная Дума заговорили языкомъ, достойнымъ представителей народа, выразителей его гнѣва и исполнителей его воли, за которую они обязались стоять «честно и грозно». Наконецъ то они рѣшились дать отпоръ правительству,—если можно называть правительствомъ этихъ выморочныхъ министровъ, этихъ трупныхъ червей самодержавія, этихъ мертвыхъ служителей мертваго режима, которыхъ копотливая русская исторія забыла похоронить.

Можно бы кое-что сказать по поводу резолюціи, принятой Думой въ отвѣтъ на непристойную выходку министровъ. То, что въ этой резолюціи подразумѣвается сокровенно, быть можетъ, слѣдовало изложить вполнѣ открыто. Выразить недовѣріе министерству, значитъ призывать народъ не исполнять требованій этого министерства, если оно осмѣлится, вопреки повелѣнію народныхъ представителей, остаться у власти.

Но... «лиха бѣда начало!», говоритъ пословица. Важно то, что

народные представители стряхнули наконецъ съ себя ложный страхъ передъ столкновеніемъ съ министрами и въ отвѣтъ на выходку министра Горемыкина заявили громко и отчетливо: «мы законодатели, вы—министры—наши слуги, не хотите служить,—ступайте вонъ»!... Такое начало требуетъ соотвѣтственнаго продолженія, которое, надо думать, не замедлитъ послѣдовать. Будемъ надѣяться, что Дума не погрузится теперь въ мелочную, такъ называемую «органическую работу»...

Но въ отвѣтныхъ рѣчахъ на министерскую выходку — вообще сильныхъ и достойныхъ представителей «Его Величества Народа»— есть одна фальшивая нотка, одно упущеніе, мало того,—невѣрное утвержденіе. Я имѣю въ виду вопросъ о землѣ и о правѣ собственности на землю. Для трудовой группы, представляющей требованія крестьянства, которое въ сотняхъ приговоровъ провозгласило: «Земля Божья», «Земля ничья», «Земля принадлежитъ трудящемуся народу» (народу — не частнымъ лицамъ), — для трудовой группы это такой основной, насущный вопросъ, что всякая двусмысленность, неясность, недоговоренность въ этомъ отношеніи недопустима и непростительна...

Между тѣмъ всѣ ораторы партіи «народной свободы» (кадетской) затрогивавшіе этотъ вопросъ, подчеркивали свою приверженность принципу частной собственности на землю. Министерская декларація, отказываясь исполнить требованіе Думы насчетъ принудительнаго отчужденія помѣщичьихъ, великокняжескихъ (удѣльныхъ) и проч. земель въ пользу народа, мотировала свой отказъ образцово-нелѣпой рацеей о святости частной собственности: если, молъ, признавать частную собственность вообще, то нельзя нарушать принципъ частной собственности и въ отношеніи земель. Ораторы—гг. Родичевъ, Ковалевскій и др.—безъ труда обнаружили несостоятельность министерской логики. Можно быть сторонникамъ частной собственности вообще и тѣмъ не менѣе признавать и допускать принудительное отчужденіе земли. Мало того, оно фактически признается и практикуется тѣмъ самымъ правительствомъ, которое выступило съ этой нелѣпой декларацiей. При постройкѣ желѣзныхъ дорогъ частная земельная собственность принудительно отчуждается; при проведеніи любой проѣзжей дороги частная земельная собственность становится «землей общаго пользованія», въ 1861 году была отчуждена часть помѣщичьихъ земель и т. д. Вообще, *неограниченнаго владѣнія*

землей (т. е. частной собственности въ полномъ смыслѣ слова) никогда не было; провести его до конца, значитъ сдѣлать невозможнымъ существованіе общества; и наряду съ частной земельной собственностью всегда существовало и примѣнялось принудительное отчужденіе частныхъ земель въ случаяхъ общественной необходимости...

Если бъ ораторы ограничились этими указаніями, —противъ нихъ ничего бъ нельзя было сказать. Но они пошли дальше: они заявили, что Дума, дѣйствительно, ничего не имѣетъ противъ частной земельной собственности, что народные представители стоятъ за сохраненіе частной собственности на землю. На другой день кадетская газета «Рѣчь» повторила заявленіе въ слѣдующей категорической формѣ: «кто предлагалъ уничтожить частную собственность вообще или *хотя бы частную собственность на землю? Никто*» («Рѣчь», № 73).

Это утвержденіе—неправда, и притомъ нахальная неправда, грубое игнорированіе требованій депутатовъ трудовой группы. Въ своемъ проектѣ аграрной реформы трудовая группа *исходитъ изъ отрицанія частной собственности на землю.* Земля поступаетъ *въ пользованіе* трудящихся, земля не наслѣдуется, не продается, не закладывается, всякому принадлежитъ право получить землю въ количествѣ, которое онъ въ силахъ обработать, и т. д. Если программа трудовой группы дѣлаетъ отступленіе отъ этого начала въ отношеніе надѣловъ и земельныхъ владѣній, не превосходящихъ установленной для каждаго района трудовой нормы,—то это именно только отступленіе отъ основного начала. Основная мысль—земля ничья: эта мысль проведена въ программѣ ясно и отчетливо; отступленія дѣлаются только ради чисто-практическихъ соображеній (опасеніе междоусобицы среди крестьянъ). Но такъ какъ окончательное рѣшеніе вопроса передается на мѣста самому народу, то возможно, что и этихъ изъятій не будетъ. Далѣе ихъ вредное вліяніе будетъ уничтожено строго проведеннымъ установленіемъ *права каждаго на землю.* Въ самомъ дѣлѣ, кто станетъ, напр., цѣпляться за наслѣдственную полоску земли, размѣромъ менѣе трудовой нормы, если можетъ получить участокъ въ размѣрѣ этой нормы? Кто станетъ покупать клочекъ земли, когда можетъ получить его даромъ? Кто вздумаетъ собирать большое имѣніе, когда нѣтъ батраковъ, которые бы его обрабатывали?

Программа трудовой группы построена на отрицаніи частной собственности на землю, и строгое проведеніе ея, даже съ тѣми изъятіями, которыя она,—по нашему мнѣнію, непоправимо,—допускаетъ, приведетъ къ уничтоженію частной земельной собственности.

Очень жаль, что ораторы трудовой группы не подчеркнули этого обстоятельства. Кадеты высказывали свою точку зрѣнія, трудовики могли высказать свою—разумѣется, не вступая въ неумѣстную при данныхъ обстоятельствахъ полемику—совершенно спокойно и просто.

Логически эта точка зрѣнія вполнѣ состоятельна. Можно признавать право собственности на одни предметы и не признавать его на другіе, напр., на землю. Законы разныхъ странъ, признавая право частной собственности на землю, отвергаютъ право частной собственности на продукты, находящіеся въ нѣдрахъ земли (руды и проч.). Можно признавать собственность на продукты. Мало того, буржуазная политическая экономія, экономія собственниковъ, отрицаетъ право частной собственности на землю.

Теорія ренты Рикардо есть осужденіе и отрицаніе земельной собственности. И мы видимъ, что въ буржуазныхъ странахъ, отстаивающихъ начало собственности вообще, выдвигается и отчасти осуществляется (Австралія) вопросъ о національзаціи земли.

Словомъ, стоя даже на этой точкѣ зрѣнія также легко доказать несостоятельность министерскихъ рацей. Они несостоятельны съ точки зрѣнія честности, добросовѣстности, порядочности, приличія и т. д., и т. д. Спѣсивые лакеи, одряхлѣвшей власти, ядовитая плѣсень, разросшаяся въ тѣни престола,—они сильны только наглостью, еще наглостью, и всегда наглостью.

Прибавимъ, что, только стоя на народной точкѣ зрѣнія: «Земля ничья, земля Божья», можно и должно отвергать выкупъ частновладѣльческихъ земель. Ежели признавать частную собственность на землю законной, то придется содрать съ обнищавшаго народа миллiардовъ десять, если не больше, въ пользу господъ землевладѣльцевъ. Но если мы признаемъ частную собственность на землю незаконнымъ захватомъ народнаго достоянія, то ни о какомъ выкупѣ не можетъ быть рѣчи, можно говорить лишь о вознагражденіи потерпѣвшихъ, главнымъ образомъ мелкопомѣстныхъ, чтобы не пустить ихъ по міру; но это вопросъ человѣчности, а не вопросъ права на выкупъ.

Повторяемъ, — народъ въ сотняхъ приговоровъ провозгласилъ:

земля Божья. Трудовая группа не можетъ отречься отъ этой заповѣди. Ежели самъ народъ отречется отъ нея, — его дѣло, но представители народа не могутъ самовольно подписать такого отреченія: это было бы преступленіемъ.

18 мая. *М. Энгельгардъ.*

Письмо въ деревню.

13 мая русское правительство отвѣтило на адресъ Думы и высказало, что оно обѣщаетъ и, что по его мнѣнію, недопустимо.— Оказывается, что амнистіи недостойны тѣ изъ лицъ, кои такъ много пострадали и теперь еще страдаютъ за свободу и за право въ Петропавловкѣ, и другихъ достойныхъ вниманія мѣстахъ.

Не могутъ быть отмѣнены исключительные законы (военное положеніе, усиленная и чрезвычайная охрана, военные суды и смертная казнь и проч.), ибо этими мѣрами, какъ говоритъ правительство, поддерживается общественный порядокъ.

Не могутъ быть отчуждены ни какія земли, что бы утолить голодное крестьянство.

Правительство рекомендуетъ крестьянству переселеніе и покупку земель черезъ Крестьянскій банкъ.

Достаточно всего изложеннаго, чтобы видѣть, какъ наше правительство хочетъ удовлетворить голодный народъ и какими средствами ввести миръ въ странѣ.

Можетъ ли страна принять этотъ отвѣтъ правительства равнодушно? Можетъ ли она хоть тѣнь вѣры сохранить, что правительство согласно итти навстрѣчу народу, который своими мозолистыми руками настроилъ цѣлыя золотыя палаты, въ роскоши которыхъ правительство утопаетъ? Можетъ ли оно чувствовать въ нихъ, какъ живется бѣдному, голодному крестьянину и рабочему, не имѣющимъ средствъ къ пропитанію? И, наконецъ, можетъ ли оно разстаться съ этими палатами?

Правительство рекомендуетъ крестьянству купить землю чрезъ посредство Крестьянскаго земельнаго банка, гдѣ же эти земли?

Купить на мѣстѣ, гдѣ живетъ крестьянинъ, не представляется

никакой возможности потому, что цѣны, какія объявляютъ владѣльцы земель выше той стоимости, которую опредѣляютъ комиссіи при банкѣ,—слѣдовательно, банкъ на помощь притти не можетъ.

Въ Сибири купить? И тамъ лучшія земли закуплены міроѣдами.

Остались одни пески, а если есть хорошія земли, нужно продать послѣдній свой скарбъ, итти на свой счетъ въ далекіе края Сибири, бросить мѣсто, гдѣ жили его предки, лишиться послѣднихъ грошей. А на новомъ мѣстѣ, что онъ будетъ дѣлать? сельско-хозяйственныхъ орудій даромъ ему никто не дастъ. Собственныхъ у него денегъ для покупки орудій не будетъ; заработать негдѣ. Правительство не поможетъ.

Да какъ правительство могло предложить народу Крестьянскій банкъ въ то время, когда вся страна разорена?

Разорена она за послѣднее только время позорною, никому ненужною войною, вызванною бездарнымъ правительствомъ и междоусобною борьбою за власть. Нѣтъ, голодное крестьянство съ этимъ не согласится, оно вѣроятно, порекомендуетъ благодѣтелямъ итти на государственный *паекъ* въ Сибирь, ибо крестьянство бѣдно и своего родного гнѣзда не броситъ.

Крестьянство до послѣдней возможности будетъ бороться за то, чтобы для удовлетворенія малоземельныхъ и безземельныхъ лицъ взять земли казенныя и принудительно отчудить земли,—кабинетскія, удѣльныя, монастырскія, церковныя и частно-владѣльческія. Народъ это давно уже рѣшилъ и на этомъ будетъ твердо стоять. И онъ добьется своей земли и воли.

20 мая. Членъ Госуд. Думы *Онипко*.

Больной вопросъ.

Въ настоящее время Государственная Дума приступила къ разрѣшенію одного изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ, отъ удачнаго разрѣшенія котораго зависитъ все ближайшее будущее Россіи. Каждый неосторожный шагъ грозитъ опасностью, отъ которой не легко будетъ всей Россіи. Слишкомъ ужъ много накопилось боли въ крестьянской груди противъ своихъ поработителей и если этому избытку

чувствъ Дума, путемъ законодательнымъ, не дастъ мирнаго исхода, то чувства эти напоромъ выльются самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Если сдерживается пока народное движеніе, то только потому, что крестьянство еще пока глубоко вѣритъ въ разрѣшеніе его нуждъ Думой, но коль скоро эта вѣра пошатнется, то вся страна будетъ ввергнута въ кровавую революцію.

Времена, когда крестьянъ можно было бы увѣрить, что ихъ счастье въ безземельѣ или малоземельѣ, уже канули въ вѣчность.

Теперь крестьянамъ совершенно ясно, что земля не должна служить средствомъ порабощенія рабочаго люда кучкой, захватившихъ землю кулаковъ-помѣщиковъ. Земля не вещь, изготовленная руками человѣческими, которую можно продавать, передавать и перебрасывать съ мѣста на мѣсто, она есть даръ природы, обиталище человѣка, и извлекать изъ нея все возможное имѣетъ одинаковое право каждый живущій, трудящійся и обрабатывающій ее. Такъ смотрятъ на землю избравшіе меня крестьяне; другого взгляда мы не можемъ принять и не позволимъ министрамъ: Гурко, Стишинскому и всѣмъ другимъ нашимъ угнетателямъ, подъ прикрытіемъ заботы о государственности и о благѣ народномъ, прятать свои хищные — волчьи зубы. Мы, крестьяне, сами примемся устраивать свою судьбу, обезпечивать свою жизнь. Опека правительства лежитъ тяжелымъ бременемъ на нашей шеѣ, — поторопитесь снять это бремя добровольно сами, пока оно не сброшено народомъ силой. Земля, говорю, должна вся перейти въ пользованіе всего народа на уравнительныхъ началахъ, причемъ землею пользоваться долженъ только лишь тотъ, кто обрабатываетъ ее личнымъ трудомъ или трудомъ своей семьи. Вдовы, сироты и больные должны содержаться насчетъ того общества, къ которому они принадлежатъ, наемный трудъ въ земледѣліи не можетъ быть болѣе допустимъ.

Страхи и опасенія гг. Гурко-Стишинскихъ о томъ, что земли мало и что ее не хватитъ для трудового люда, лживы.

Вспомнимъ, что вся земля, десятки милліоновъ десятинъ, которыми владѣютъ теперь князья, царскій кабинетъ, удѣлы, монастыри, церкви, помѣщики, гг. Гурко-Стишинскіе и ихъ приспѣшники, перейдетъ въ пользованіе народу. Вся земля безъ всякихъ изъятій и исключеній должна перейти въ общенародный фондъ. Это трудное и вѣками запутываемое дѣло можетъ быть безошибочно и окончательно

разрѣшено только лишь при участіи всего народа, черезъ его представительство *на мѣстахъ*, избраннаго на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, безъ различія вѣры, пола и національности. Безъ подобнаго всесторонняго освѣщенія, обсужденія и выясненія всякое предрѣшеніе Думы въ этомъ направленіи вызоветъ нареканія.

Теперешняя же Дума можетъ лишь выработать и заложить основы этого грядущаго земельнаго переустройства Россіи.

24 мая. Чл. Госуд. Думы *А. Е. Тесля.*

Земля... и министръ Стишинскій.

19 мая въ Думѣ говорилъ о земельномъ вопросѣ главно-управляющій землеустройствомъ—*Стишинскій*.

Посмотримъ же, что онъ говорилъ. Стишинскій сказалъ, что по русскому закону нельзя отчуждать принудительно землю, что этимъ хотятъ ввести «новое начало въ наше законодательство»...

Во-первыхъ, такое утвержденіе совершенно неправильно. Въ 1861 году было произведено принудительное отчужденіе и передана въ руки трудящихся часть земель. Затѣмъ подъ каждую желѣзную дорогу каждый годъ отчуждается земля. Наконецъ, въ городѣ С.-Петербургѣ хотятъ отчудить (и, какъ говорятъ, состоялось на то высочайшее повелѣніе) противъ воли города землю подъ спальни юнкеровъ Инженернаго Замка...

Но допустимъ даже, что принудительное отчужденіе вноситъ новое начало въ наше законодательство.

Такъ что же изъ этого?

Развѣ Россія теперь не переживаетъ времени переустройства своей жизни на новыхъ началахъ? Развѣ годъ тому назадъ г-да Стишинскій и Гурко думали, что имъ придется говорить съ народными представителями, убѣждать ихъ и выслушивать возгласы трудовой группы (какъ это было въ засѣданіи 23-го мая) «въ отставку, въ отставку»? Развѣ могли, еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ,—эти чиновники себѣ представить, что за эти крики имъ нельзя будетъ схватить кричавшихъ за шиворотъ—привлечь ихъ за оскорбленіе мундира и

повѣсить, какъ повѣсилъ генер. Меллеръ - Закомельскій священника за неодобрительныя слова объ офицерахъ?

А теперь—руки коротки. «Новое начало» сильнѣе г-на Стишинскаго. Далѣе Стишинскій говоритъ, что землю можно отчуждать только «ради нуждъ государственныхъ».

Согласны! Но мы знаемъ, ради чего отчуждало самодержавно-чиновничье правительство земли. Екатерина раздарила своимъ возлюбленнымъ больше, чѣмъ 800 тысячъ душъ и нѣсколько милліоновъ десятинъ. Павелъ I-й выдѣлилъ изъ запаса казенныхъ государственныхъ земель 4 милліона десятинъ, расположенныхъ въ 36 губерніяхъ съ тѣмъ, чтобы доходъ съ нихъ шелъ на содержаніе великихъ князей... Въ 61 году прибавлено къ удѣламъ еще до $1^1/_2$ милліона десятинъ... Въ 1888 году перечислена въ удѣлъ знаменитая Бѣловѣжская пуща—болѣе 100 тысячъ десятинъ вѣкового лѣса...

Развѣ все дѣлалось ради нуждъ государственныхъ и общественныхъ?.. Не думаемъ.

А вотъ, когда идетъ вопросъ о надѣленіи землей обворованнаго народа, народа мрущаго съ голода, отъ цынги и голоднаго тифа — о, тогда намъ говорятъ: нельзя—это не государственныя нужды.

Да развѣ не на государствѣ лежитъ первая обязанность заботиться о благосостояніи народа?

А у насъ изъ-за малоземелья изъ году въ годъ гуляетъ по Россіи голодъ.

Развѣ не государство виновато, что въ 1892 году у насъ отъ голоду умерло чуть ли не 800 тыс. человѣкъ? Развѣ Стишинскій не знаетъ, что рождаемость повышается съ повышеніемъ надѣла? Вотъ цифры, которыя показываютъ, сколько человѣкъ рождается на одну сотню (процентъ) въ зависимости отъ надѣла. При надѣлѣ въ 1 десятину на сто человѣкъ рождается (для всей Россіи) 16 человѣкъ, при надѣлѣ отъ одной до двухъ — 17 человѣкъ; при надѣлѣ отъ 2—3 дес.—19 чел., при надѣлѣ отъ 3—4 дес.—21 чел., при надѣлѣ отъ 4—5 дес.—25 чел., при надѣлѣ отъ 5—6 дес.—27 чел. и при надѣлѣ свыше 6 дес. 30 человѣкъ на сто.

Вотъ, пускай г. Стишинскій подумаетъ надъ этими цифрами и тогда пойметъ, что именно *государственныя нужды* требуютъ надѣленія землей...

Стишинскій увѣряетъ насъ, что земледѣлецъ только тогда можетъ

прилагать свой трудъ, когда онъ увѣренъ, что земля — его собственность и что она защищена.

Доля правды есть въ его утвержденіи.

Когда заботливое начальство посылаетъ своихъ генералъ-адъютантовъ, офицеровъ и казаковъ сжигать деревни, топтать хлѣба, рубить скотъ, вѣшать работниковъ, насиловать женщинъ — тогда, дѣйствительно, трудно прилагать свой трудъ, но если начальство не грабитъ землевладѣльца, то ему необходима только увѣренность, что его затраты на улучшеніе земли будутъ оплачены.

Г-нъ Стишинскій стоитъ во главѣ министерства, вѣдующаго землеустройство, и ему должно быть извѣстно, что англійскіе арендаторы прекрасно прилагали свой трудъ къ арендуемой ими чужой землѣ, эти арендаторы и создали англійское сельское хозяйство. А даже англійскій законъ съ 1894 года даетъ приходамъ графствъ (наше земство) право принудительнаго отчужденія земли для полевыхъ огородовъ.

Стишинскій высчиталъ, что если отчудить всю землю и передать ее въ пользу трудящихся, то на душу сверхъ того, что находится у крестьянина теперь, придется еще только по 1 десятинѣ. Это, говоритъ добрый министръ, мало, а потому совсѣмъ не нужно давать земли.

Крестьяне отвѣчали доброму министру: «Больше того, что есть, мы не требуемъ». Нѣтъ, г-нъ Стишинскій, отдайте-ка всю землю, а тамъ виднѣе будетъ, лучше ли съ нею или безъ нея...

Затѣмъ Стишинскій, опираясь на бывшаго министра Ермолова, говоритъ, что если передать всю землю крестьянамъ, то будетъ мужикамъ страшный убытокъ—помѣщики платятъ крестьянамъ за трудъ 15—16 руб. съ десятины, а самъ крестьянинъ зарабатываетъ — съ десятины не больше 5—6 руб. Мы не знаемъ, говорилъ ли подобную глупость Ермоловъ—а если говорилъ, то не удивимся: — на то онъ и русскій министръ.

Г.г. министры при этихъ расчетахъ не приняли во вниманіе маленькой вещи—заработной платы, когда крестьянинъ работаетъ на себя. Кромѣ того, быть можетъ, Ермоловъ сообразилъ, и совершенно правильно, что если у крестьянина будетъ больше хлѣба, то онъ больше его и съѣстъ—тогда, конечно, у него останется для продажи нѣсколько меньше.

Вѣдь, управляющему Стишинскому должны быть извѣстны цифры, данныя, такъ называемой, «комиссіей о центрѣ». Эти цифры говорятъ, что каждая «душа» ежегодно съѣдаетъ хлѣба меньше на 3 пуда, чѣмъ ей полагается для ея здоровья, а каждая лошадь на 16 пудовъ овса меньше, чѣмъ ей полагается,—чтобы быть сытой.

Потомъ, если-бы, дѣйствительно, «мужикъ» получалъ на 10 рублей съ десятины за работу больше, чѣмъ слѣдуетъ, то навѣрное и кадеты и Стишинскій давно бы отдали всю землю крестьянамъ — кому охота переплачивать лишнія деньги...

Стишинскій увѣряетъ насъ, что крестьянину невыгодно, чтобы земля перешла къ нему, что ему выгодно быть батракомъ...

Тогда зачѣмъ же ниже въ своей рѣчи тотъ же Стишинскій совѣтуетъ тому же крестьянину покупать землю черезъ Крестьянскій банкъ.

Мнѣ думается, дѣло объясняется просто.

Всего въ частномъ владѣніи у помѣщиковъ находится до 96 милліоновъ десятинъ (сюда не входятъ 104 милліона десятинъ лѣса въ Архангельской, Вологодской, Олонецкой и Пермской губерніяхъ, 54 милліона десятинъ земли казачьихъ войскъ въ Азіи и на Кавказѣ и вся Сибирь, которая измѣряется не десятками, а милліонами квадратныхъ верстъ). Если изъ 96 милліоновъ частнаго владѣнія вычесть 26—35 милліоновъ лѣса, останется 60—70 милліоновъ пахотной земли. *Изъ нихъ до 50 милліоновъ десятинъ находится въ крестьянской арендѣ*. Крестьянство выплачиваетъ за нихъ до 500 милліоновъ рублей въ годъ. Теперь кадеты предлагаютъ отчудить эту землю съ платой *до 500 милліоновъ рублей въ годъ*. Стишинскій же, какъ представитель крупнаго землевладѣнія, конечно, этимъ не доволенъ и кричитъ крестьянамъ: «вамъ это невыгодно». Вотъ въ этомъ весь вопросъ. Но трудовая группа, какъ представительница трудящихся массъ, должна не только Стишинскому, но и кадетамъ сказать: «Мы не хотимъ ничего выкупать. Если народъ найдетъ нужнымъ *вознаградить* нѣкоторыхъ владѣльцевъ земли, это его дѣло. Земля *по праву* должна принадлежать народу, и каждый имѣетъ право получить землю для обработки своимъ трудомъ. Поэтому мы настаиваемъ на принудительномъ отчужденіи всей земли. О вознагражденіи народъ рѣшитъ на мѣстахъ». Такъ говоритъ трудовая группа, и весь народъ поддержитъ ее въ этихъ требованіяхъ.

26 мая. *Сав.*

Земельный вопросъ и депутатъ Н. Н. Львовъ.

Послѣ продолжительнаго молчанія нашего виднаго саратовскаго депутата *Н. Н. Львова*, мы услышали, наконецъ, его рѣчь въ Государственной Думѣ. Живо представляется онъ такимъ, какимъ мы привыкли видѣть его въ «лѣвой» группѣ гласныхъ губернскаго земскаго собранія, въ качествѣ защитника народныхъ интересовъ отъ разгрома знаменитой «правой» на минувшемъ земскомъ собраніи. Такъ и казалось намъ, что вотъ-вотъ появится онъ на трибунѣ Государственной Думы, и начнетъ нападать на какого нибудь вождя «правой», вродѣ Гейдена и Стаховича, за ихъ отсталые взгляды...

И вотъ, наконецъ, въ № 19 газеты «Дума» читаемъ, что нашъ Н. Н. Львовъ открываетъ въ Государственной Думѣ пренія по аграрному вопросу. Надо отдать справедливость нашему депутату, онъ умѣетъ выступать вовремя и въ интересные моменты. Онъ знаетъ, что земельный вопросъ интересуетъ въ данную минуту $^3/_4$ населенія Россіи и, будучи вѣренъ себѣ, являясь защитникомъ народныхъ интересовъ «на мѣстѣ», прежде всего рѣшительно и смѣло заявитъ, что вся земля должна принадлежать тѣмъ, кто обрабатываетъ ее своимъ трудомъ. Этимъ заявленіемъ онъ сразу скажетъ и Думѣ, и своимъ избирателямъ, чего онъ прежде всего желаетъ народу. Вѣдь онъ прекрасно знаетъ, какъ бѣдствуютъ безъ земли крестьяне, платя помѣщикамъ громадныя арендныя цѣны, доходящія въ Балашовскомъ, напримѣръ, уѣздѣ, гдѣ онъ имѣетъ и свое имѣніе, до 70 руб. за сотенникъ на одинъ посѣвъ! Онъ знаетъ, что двадцать лѣтъ тому назадъ, примѣрно въ 1886 году, Балашовскіе крестьяне покупали землю «на-вѣчно» по 45—50 руб. за десятину, а теперь по 140—150 руб. (т. е. ровно втрое дороже!) и что, несмотря на неурожаи и страшное обнищаніе крестьянъ, цѣны на земли повышаются съ каждымъ годомъ. Все это онъ скажетъ Думѣ, а затѣмъ уже перейдетъ къ подробностямъ, т. е. будетъ стоять за національзацію или противъ нея...

Но вотъ, онъ начинаетъ говорить и говоритъ что-то для насъ совсѣмъ непонятное. Онъ заявляетъ, что стоитъ всецѣло на почвѣ

необходимости расширенія площади крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія... Что-то очень длинное и неясное. Это же самое говорятъ и гг. Стишинскій и Гурко; это есть и въ программахъ правового порядка и прочихъ правыхъ партій. А дальше что-же? Какъ же Н. Н. желаетъ расширить это самое землепользованіе: здѣсь, гдѣ мы живемъ, или погонитъ насъ куда-нибудь въ Сибирь или на Кавказъ?

А дальше что-то ужъ совсѣмъ странное: нашествіе въ деревню нашихъ же братьевъ изъ городовъ, гдѣ они мрутъ отъ города и безработицы; нашъ депутатъ боится, что когда земли не хватитъ и придется, видите-ли, отчуждать не только земли крупныхъ землевладѣльцевъ, но и среднихъ, даже мелкихъ; придется затронуть и земли колонистовъ, казаковъ, даже общинныя. Затѣмъ идетъ «бюрократическій деспотизмъ», «диктатура Думы», «голыя формулы», «абстрактныя положенія», и все это завершается аплодисментами правой и центра.

Познакомившись съ рѣчью Н. Н. Львова, каждый крестьянинъ, въ концѣ-концовъ, спроситъ его: «А какъ же насчетъ землицы, Николай Николаевичъ»?

А на всѣ ужасы, высказанные Н. Н. Львовымъ, крестьяне скажутъ ему вотъ что:

1) Вы, баринъ хорошій, добудьте только всю землю для тѣхъ, кто обрабатываетъ ее своимъ трудомъ, какъ мы наказывали вамъ, посылая васъ въ Думу; вопросъ же о томъ, какъ намъ пользоваться ею, мы рѣшимъ послѣ, вмѣстѣ съ вами, на мѣстахъ, въ земельныхъ комиссіяхъ;

2) о колонистахъ, казакахъ и нашихъ общинахъ пусть безпокоятся тѣ, кто хлопалъ Н. Н. Львову съ правой стороны, такъ какъ за этими мелкими землевладѣльцами скрываются и другіе, болѣе крупные. А Н. Н. Львовъ безпокоиться не долженъ, ибо крестьяне—не звѣри, и у нихъ хватитъ здраваго смысла поступить съ землею именно такъ, чтобы никому не было обидно при всякихъ нормахъ, и «продовольственныхъ» и «голодныхъ».

30 мая *Крестьянинъ.*

Какъ отчуждать землю.

Какъ отчуждать землю: за плату настоящимъ владѣльцамъ или безплатно?

Самъ я не буду разрѣшать этого вопроса; для того, чтобы разобраться въ немъ болѣе правильно и не голословно, я приведу здѣсь выдержки изъ прошенія, которое я получилъ (для передачи по принадлежности) отъ крестьянъ *С. Серебряныхъ прудовъ* (Тульской губ.), отъ которыхъ я имѣю честь быть представителемъ. Это село въ настоящее время имѣетъ населеніе до 6000 душъ. Прошеніе гласитъ слѣдующее.

«Въ 1861 году, при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, большая часть крестьянъ, какъ уже извѣстно, получила отъ своихъ помѣщиковъ земельный надѣлъ, отошла на выкупъ; съ теченіемъ времени, платежъ выкупа пополнялся казной, а оставшіеся неуплаченными, манифестомъ отъ 4-го ноября прощены въ полномъ размѣрѣ съ 1906 года. Наши же отцы и дѣды, отходя отъ помѣщика, графа Шереметева, не получили землю въ установленной нормѣ, съ уплатой выкупныхъ платежей, а согласно заключенному 25 августа 1866 г. контракту съ помѣщикомъ гр. Шереметевымъ, получили дарственную, вмѣстѣ съ усадебною осѣдлостью 1192 дес. 1200 кв. саженъ.

«При семъ имѣемъ честь присовокупить, что доставшаяся намъ дарственная земля находится въ чрезполосицѣ и такъ окружена землей помѣщика, которая всюду находится въ болѣе удобныхъ мѣстахъ, такъ врѣзалась въ нашу землю, что даже нѣтъ выгона для скота.

«Изъ этого видно, въ какомъ жалкомъ положеніи находится шеститысячное крестьянское населеніе, неимѣющее никакихъ промысловъ, кромѣ земледѣлія. Благодаря этому мы находимся въ полномъ закабаленіи у помѣщика.

«Въ виду такого малоземелья, мы, крестьяне, почти съ отхода отъ крѣпостной зависимости, обязались контрактами на содержаніе арендной земли отъ того же помѣщика, графа Шереметева, уплачивая въ послѣдніе года 16,000 рублей ежегодно, что является, во-первыхъ,

обременительнымъ для насъ, а во вторыхъ, каждый изъ насъ убѣжденъ, что отъ тяжелой, отзывающейся на сердцѣ каждаго изъ насъ платы, не могутъ быть избавлены и наши потомки, такъ какъ при такой арендѣ и они никогда не могутъ имѣть эту землю своею собственностью.

Неоднократно общество наше обращалось съ просьбой къ его сіятельству гр. Сергѣю Дмитріевичу Шереметеву, о продажѣ въ собственность намъ земли, которая нами арендуется уже болѣе 40 лѣтъ: но окончательнаго результата, ни согласія, ни отказа, не получаемъ.

Благодаря своей неопытности и темнотѣ наши отцы, отходя отъ крѣпостной зависимости, были введены въ ошибку; согласились получить землю въ даръ, послѣдствіемъ чего явилось то, что въ теченіе 40 лѣтъ намъ пришлось уплатить аренды около 600,000 руб., каковою суммою едва-ли не былъ бы пополненъ выкупной платежъ, при условіи отхода на выкупѣ...

Въ этихъ видахъ мы осмѣливаемся ходатайствовать предъ Государственной Думой: принять во вниманіе колоссальную сумму платежа аренды, засчитать таковую въ уплату выкупа, надѣливъ насъ землею въ надлежащемъ размѣрѣ, дабы тѣмъ, хотя до нѣкоторой степени, сравнять съ крестьянами отошедшими на выкупъ. (Слѣдуютъ подписи уполномоченныхъ).

Вотъ тутъ-то невольно и является мысль,—платить или не платить за подобнаго рода земли, за которыя сторицею уже получили ихъ владѣльцы, воспользовавшіеся темнотой крестьянъ и искусно разставившіе имъ свои сѣти.

Чл. Гос. Думы *Д. С. Куликовъ*.
27 іюня. (Тульской губ.).

Вознагражденіе, а не выкупъ!..

Теперь ни для кого ужъ нѣтъ сомнѣнія, что скоро въ земельныхъ порядкахъ у насъ произойдутъ большія перемѣны. Крестьянство не въ силахъ больше жить безъ земли; ждать оно больше не можетъ и не хочетъ—а противъ его воли не устоять никакимъ противникамъ.

Крестьянство должно получить землю, и оно получитъ ее. Въ ближайшемъ будущемъ къ крестьянамъ отойдутъ въ пользованіе и казенныя, и кабинетскія, и удѣльныя, и монастырскія, и церковныя земли, и большая часть частновладѣльческихъ. При переходѣ и всей-то этой земли крестьянамъ—и то земли у нихъ прибавится на каждую десятину еще полдесятины—никакъ ужъ не больше; значитъ, разсуждать тутъ не приходится—коли спасать крестьянство отъ голодной смерти, такъ надо дать ему въ обработку рѣшительно всѣ пригодныя земли за малыми исключеніями. Но какъ быть съ прежними владѣльцами? Платить-ли за землю или нѣтъ? И если платить, то сколько платить, за все-ли платить?

На этотъ счетъ взгляды есть разные. Землевладѣльцы и тѣ, кто держитъ ихъ руку, говорятъ, конечно, что за всю отчуждаемую землю непремѣнно надо заплатить всю ея стоимость; вѣдь земля—собственность землевладѣльцевъ; такъ если ужъ съ этой собственностью надо поневолѣ разстаться, то, по справедливости, молъ, слѣдуетъ выплатить за нее выкупъ.. Друзья же народа говорятъ, что о выкупѣ и рѣчи быть не можетъ, что выкупъ совсѣмъ задавитъ крестьянство, и оно изъ одной петли попадетъ въ другую. Выкупа не должно быть; но это не значитъ, что никто изъ владѣльцевъ земли ничего за нее не получитъ, что всѣ они пойдутъ по-міру; нѣкоторое вознагражденіе за землю владѣльцамъ ея, хотя и не всѣмъ, дать придется. Какая же разница между выкупомъ и вознагражденіемъ? Почему нельзя давать выкупъ и можно соглашаться на вознагражденіе? Вотъ это мы и попытаемся разъяснить.

Когда какому-нибудь человѣку выплачивается за какую-нибудь вещь выкупъ, то это значитъ, что онъ на эту вещь имѣетъ полное право. Онъ, значитъ—полный господинъ этой вещи, и какую цѣну онъ за нее назначитъ—такую ему и надо давать. Разсмотримъ теперь, могутъ ли владѣльцы земли требовать за нее выкупъ, то-есть, другими словами, имѣютъ ли они какое-нибудь право *владѣть* этой землею, какъ какой-нибудь вещью. И вотъ стоитъ только поближе вдуматься въ это дѣло, чтобы увидѣть, что *правъ* на землю не можетъ быть никакихъ, а значитъ и о выкупѣ ея нечего и говорить.

Развѣ хоть одинъ человѣкъ сдѣлалъ землю своими руками? Развѣ онъ создалъ, какъ-нибудь сотворилъ ее? Развѣ онъ выстроилъ ее, какъ строитъ себѣ избу? Нѣтъ, она не создана человѣкомъ, а

потому отдѣльный человѣкъ и не смѣетъ называть ее своей собственностью. Она дана на пользу, на потребу всѣмъ людямъ, что есть на землѣ, всему народу. Не можетъ быть ничьею собственностью ни воздухъ, ни солнечный свѣтъ, ни вода, и точно такъ же не можетъ никому принадлежать въ собственность и земля. Она дана всѣмъ людямъ; и пользоваться ею должны всѣ, кто обрабатываетъ ее своимъ трудомъ. Если же нашелся сильный и хитрый человѣкъ, который взялъ, да обнесъ землю заборомъ и сказалъ: эта земля моя!— то это должно быть названо простымъ грабежомъ, и *правъ* на эту землю ни самъ этотъ грабитель, ни потомство его имѣть не можетъ. Но вѣдь такимъ грабительскимъ захватомъ и создалась вся частная собственность на землю.

Подумать только одно: тысячу лѣтъ существовала Россія; за эти тысячу лѣтъ народъ русскій приложилъ къ землѣ нескончаемые тяжелые труды, полилъ ее кровавымъ потомъ и слезами, изъ лѣсовъ и болотъ превратилъ ее въ благодатныя пашни. И что же вышло въ концѣ концовъ? Когда въ 1861 году стали освобождать крестьянъ, то оказалось, что у крестьянъ нѣтъ своей ни одной десятины земли! Оказалось, что вся земля будто бы *принадлежитъ* помѣщикамъ; оказалось, что за нее надо платить выкупъ! Оказалось, что тысячу лѣтъ работалъ-работалъ русскій народъ—а выработалъ помѣщичью собственность на землю! Но вѣдь это и сказать смѣшно! А вышло вѣдь именно такъ, за свои же земли крестьяне платили 45 лѣтъ выкупные платежи. Вотъ она, справедливость! Нѣтъ, никакихъ не можетъ быть правъ на землю у тѣхъ, кто самъ ее не обрабатываетъ, и никакого выкупа не причитается за нее.

Будемъ разбирать дальше. Когда крестьянъ отпустили на волю, то пришлось, хоть и съ крайней неохотой, давать имъ землю; но при этомъ во многихъ мѣстностяхъ у крестьянъ была отрѣзана часть ихъ же земель, которыя они искони обрабатывали для себя, которыя были въ постоянномъ ихъ пользованіи. И эти мужицкія земли были переданы помѣщикамъ! Земель такихъ было много. Въ Саратовской губ., до освобожденія, у всѣхъ крестьянъ было 1 милліонъ 78 тысячъ десятинъ, а послѣ осталось только 834 тысячи десятинъ; въ Новгородской губ. изъ 1,600 тысячъ десятинъ помѣщики отобрали у крестьянъ 555 тысячъ, то-есть почти третью часть; въ Воронежской губ. изъ 722 тысячъ дес.—152 тысячи. Спрашивает-

ся—неужели же и за эту мужицкую землю еще теперь платить выкупъ? Не ясно ли, что, наоборотъ, съ помѣщиковъ причитаются огромныя суммы за незаконный захватъ!

Помѣщики дѣйствовали, однако, не только силою, но и хитростью. Выкупные платежи были установлены огромные, прямо разорительные. Тогда помѣщики притворились овечками и предложили крестьянамъ: отказаться совсѣмъ отъ тяжелаго, непосильнаго выкупа, а получить совсѣмъ даромъ четвертую часть своихъ надѣловъ безъ выкупа; вся же остальная крестьянская земля отошла бы помѣщикамъ. Такой надѣлъ называется дарственнымъ, иначе—*нищенскимъ*, потому что всѣ такіе крестьяне давно пошли по-міру. Въ Симбирской губ. у дарственниковъ теперь осталась только третья часть десятины на душу, а въ Курской—однѣ усадьбы, а пашенъ совершенно нѣтъ. Опять-таки—за эти земли, обманомъ выжатыя у крестьянъ,—тоже платить выкупъ?

Дальше—можно-ли платить за всѣ тѣ земли, которыя были когда-то раздарены царями и царицами своимъ любимцамъ за то, что тѣ умѣли ловко танцовать да балагурить при дворѣ? А такихъ земель—огромное число. Одна Екатерина II раздала въ подарки 800,000 душъ крестьянъ.

Такіе подарки и пожалованія, Богъ знаетъ за что, тянутся и до нашихъ дней. Еще въ 70-хъ годахъ правительственные чиновники расхитили въ Уфимской губерніи цѣлый милліонъ башкирскихъ земель: ихъ раздавали «за заслуги» разнымъ чиновнымъ ворамъ и негодяямъ; земля продавалась по 16 и даже 8 коп. за десятину. И эту землю теперь выкупать?

Не ясно ли, что о выкупѣ *всей* земли не можетъ быть теперь и разговору. Да и всякій выкупъ совсѣмъ зарѣзалъ бы крестьянъ. Когда освобождали народъ, то одни только помѣщичьи крестьяне (22 милліона душъ обоего пола) должны были выплатить, по тогдашней оцѣнкѣ, за свои 33 милліона десятинъ, 897½ милліоновъ руб.; но было указано, что эта сумма—чрезмѣрно несправедливая и долгу за крестьянами было зачислено 652 милл. руб. А между тѣмъ къ 1903 г. крестьяне (бывшіе помѣщичьи) переплатили выкупныхъ платежей 1457 милл. руб. да еще долгу числилось 400 милл. руб. Вотъ какъ драли съ бѣднаго, да голоднаго—и вотъ откуда пошло всероссійское народное разореніе. Но если эти платежи были непосильны крестьянамъ,

то что и говорить о нынѣшнихъ временахъ, когда крестьянинъ стоитъ одной ногой въ могилѣ, безъ денегъ, безъ силъ, безъ скота, безъ запасовъ? А вѣдь цѣны-то на землю поднялись страшно, благодаря крестьянской нуждѣ. Въ 1890 г. средняя цѣна за десятину была 32 руб., а въ 1903 году—108 руб.! Такъ вѣдь это за всю-то помѣщичью землю, если выкупать ее всю, пришлось бы уплатить большіе милліарды! Но народъ не желаетъ, чтобы его топили, онъ ищетъ выхода.

Говорятъ, что, молъ, выкупъ этотъ пусть внесетъ не крестьянство, а казна. Ну, а кто въ казну-то деньги платитъ? Чьими грошами казна питается? Не все ли равно, только подъ видомъ разныхъ налоговъ, но придется расплачиваться за землю тѣмъ же крестьянамъ.

Повторяемъ, нечего и говорить о томъ, чтобы *всю* землю выкупать у владѣльцевъ. Настаивать на этомъ могутъ только явные или тайные враги народа, желающіе поживиться его тяжелымъ трудомъ.

Но кому же платить за землю? Кому выплачивать—если не выкупъ, то вознагражденіе.

Заплатить надо только тѣмъ, кто докажетъ, что землю онъ купилъ на свои трудовыя деньги, для полезной работы, а не для того, чтобы высасывать соки изъ мужика. Конечно, собственности на землю совсѣмъ не должно быть и никто не можетъ говорить, что имѣетъ право владѣть ею. Но если кто, по прежнимъ несправедливымъ порядкамъ, купилъ за свои трудовыя деньги землю—то можно простить ему несправедливость и вернуть назадъ деньги.

Точно такъ же, если кто самъ работалъ на землѣ, своимъ трудомъ или своимъ умомъ усовершенствовалъ ее, сдѣлалъ ее изъ безплодной—плодородной, то, конечно, на эти улучшенія онъ имѣетъ полное право; за весь этотъ трудъ, благодаря которому земля увеличила плодородіе, надо по всей справедливости ему заплатить. Противъ этого никто не споритъ; но это будетъ не выкупъ за землю, а справедливая плата за трудъ.

Наконецъ, придется кое-что уплатить и многимъ такимъ владѣльцамъ, которые сами на землѣ не работаютъ, а владѣютъ землею, несправедливо захваченной дѣдами силою, хитростью, лестью или обманомъ. По настоящему они, какъ потомки грабителей, должны бы просто уйти со своихъ земель и отдать ихъ трудовому изголодавшемуся народу. Но многихъ изъ нихъ надо пожалѣть. Они не виноваты,

что ихъ воспитывали и ростили въ холѣ и бездѣльѣ. Конечно, бить баклуши за народный счетъ имъ теперь не придется. Но надо все-таки дать имъ возможность какъ-нибудь приспособиться къ новой жизни, подыскать какое-нибудь дѣло, привыкнуть къ новымъ порядкамъ. Поэтому нѣкоторую сумму надо имъ выплатить, чтобы они могли спокойно втянуться въ трудовую жизнь. Но это опять же не будетъ выкупъ за землю, а просто помощь отъ государства — какъ помогаютъ въ случаѣ голода, пожара или землетрясенія. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ въ Россіи совершится событіе важнѣе всякаго землетрясенія; все пойдетъ вверхъ дномъ; совершится дивное диво: въ кои-то вѣки голодный народъ начнетъ жить человѣческой жизнью! По такому случаю казна должна притти на помощь прежнимъ нуждающимся владѣльцамъ. Но, конечно, не придется тогда выплачивать тѣмъ, у кого въ городахъ палаты ломятся отъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней, у кого большіе милліоны лежатъ по банкамъ.

Вотъ, значитъ, какъ долженъ поступить народъ, если хочетъ соблюсти полную справедливость. Надо внимательно и по совѣсти разобрать, кто купилъ землю за свои трудовыя деньги, кто ее улучшилъ и усовершенствовалъ; кто на помощь отъ государства имѣетъ право по своему бѣдственному положенію, кто—нѣтъ. И сообразно этому, въ каждой данной мѣстности само населеніе должно опредѣлить: кому и сколько надо выплатить за землю вознагражденія—но именно вознагражденія по человѣчеству, а вовсе не выкупъ.

2 іюня. *А. В. Глѣбовъ.*

Слѣпые вожди.

Если слѣпой ведетъ зрячаго, то первый упадетъ въ яму.

Министръ Стишинскій и товарищъ его Гурко—очень озабочены...

Они съ трескомъ провалились въ Государственной Думѣ послѣ своихъ рѣчей по аграрному вопросу; не спасли ихъ ни подтасованныя цифры въ устахъ г-на Стишинскаго, ни хлесткія фразы и развязные жесты г-на Гурко. Чѣмъ теперь помочь горю? Гдѣ выходъ?

Выходъ этотъ они нашли на свою же бѣду. Въ газетѣ «Новое

Время», которая съ пѣной у рта отстаиваетъ интересы крупныхъ землевладѣльцевъ, г.г. Стишинскій и Гурко помѣстили официальную записку «Къ аграрному вопросу» (№№ 10848 и 10851), чтобы доказать всѣмъ и каждому полную невозможность отчужденія частновладѣльческихъ земель. Вся эта обширная записка переполнена цифрами, въ надеждѣ, что не всякому придетъ охота разбираться въ этомъ ворохѣ подтасованныхъ данныхъ.

Не будемъ и мы пока разбираться въ этихъ цифрахъ, но укажемъ на два-три основныхъ заявленія г-дъ министровъ, на которыхъ они строятъ все свое зданіе. Не будемъ также останавливаться на мелкихъ подтасовкахъ: такъ, напримѣръ, въ началѣ записки мелькомъ указывается, что данныя распредѣленія земель относятся къ 1887 г., а въ концѣ записки численность и распредѣленіе населенія берется «по послѣднимъ даннымъ»... Это мелочь... Но вотъ о чемъ надо спросить г-дъ министровъ: кого они надѣются обмануть своимъ отношеніемъ къ вопросу о *количествѣ* земель, подлежащихъ отчужденію?

Г-да министры доказываютъ, что передача *всѣхъ* земель крестьянамъ увеличитъ ихъ надѣльныя земли только на 50% (вмѣсто 2,6 дес.—3,96 дес. на душу), причемъ рѣчь идетъ только объ обрабатываемыхъ земляхъ, а лѣса—десятки милліоновъ десятинъ—исключаются изъ расчета. Увеличеніе-же количества земли на 50%—такъ ничтожно, что не стоитъ о немъ и говорить...

Такъ-ли, г. Стишинскій?..

Вотъ вамъ небольшой расчетъ. Въ Россіи около 30% безлошадныхъ, большой % крестьянъ, имѣющихъ «сиротскіе», «нищенскіе» надѣлы. Такой крестьянинъ имѣетъ 1/2 дес. (иногда и меньше) надѣльной; три десятины арендуетъ у помѣщика—за 50 руб. въ годъ (и это еще умѣренная цѣна!) Довести надѣлъ такого крестьянина—а такихъ около 40%—до 3,96 дес. значитъ *ровно вдвое увеличить его благосостояніе*, оставляя изъ 100 рублей его годового бюджета—50 руб. въ его карманѣ. Довести средній крестьянскій надѣлъ до 4 дес. на душу—это значитъ вырвать изъ рукъ кулаковъ и помѣщиковъ громадный классъ малоземельныхъ крестьянъ. Иными словами: цифры господъ министровъ подтверждаютъ то самое, что должны были опровергнуть...

Но это еще не все. Отчего это господа министры упорно исклю-

чаютъ лѣсныя угодья изъ числа годныхъ для увеличенія крестьянскаго надѣла? Отчего же не могутъ и эти земли перейти въ общинное пользованіе, при сохраненіи лѣсоохранительныхъ законовъ? Отчего крестьяне не могутъ вести цѣлыми обществами правильнаго лѣсного хозяйства—какъ это, къ слову сказать, и дѣлается кое-гдѣ въ сѣверо-восточномъ раіонѣ? Если мы даже оставимъ неприкосновенными лѣсныя площади въ четырехъ сѣверныхъ губерніяхъ—Архангельской, Вологодской, Олонецкой и Пермской, гдѣ лѣсного запаса имѣется свыше 80 милліоновъ десятинъ—то все-же въ обще-народное пользованіе можетъ перейти около 70 мил. дес. Это спасетъ трудовое крестьянство отъ необходимости передавать въ руки помѣщиковъ и казны ежегодно до 150 милл. рублей (какимъ образомъ выведена нами эта приблизительная цифра—мы готовы всегда разъяснить).

Но именно этого-то и не желаютъ господа Стишинскій, Гурко и всѣ, иже съ ними и надъ ними. Имъ хочется сохранить себѣ свои земли и лѣса, которыхъ у нихъ не одна сотня тысячъ десятинъ. А удовлетворить такъ или иначе народныя требованія необходимо. Какъ тутъ быть? И вотъ мы читаемъ, что для удовлетворенія малоземельныхъ крестьянъ правительство рѣшило образовать особый земельный фондъ общей площадью около двадцати милліоновъ десятинъ земли. Этотъ фондъ будетъ состоять изъ 3 милл.. десятинъ, пріобрѣтенныхъ покупкою Крестьянскимъ банкомъ, въ него же включены шесть мил. казенныхъ и удѣльныхъ земель, свободныхъ отъ оброчныхъ статей, три съ половиной мил. десятинъ земли, могущихъ быть выдѣленными изъ казенныхъ лѣсовъ безъ ущерба для водохранилищъ, главнымъ образомъ, на югѣ, въ Волынской и Подольской губерніяхъ, 3 мил. десятинъ изъ запасныхъ войсковыхъ земель, отдаваемыхъ въ аренду коннозаводчикамъ.

Изъ 96 мил. частновладѣльческихъ земель господа министры милостиво передадутъ крестьянамъ 3 мил. десятинъ!

Но позвольте! Вѣдь, отчужденіе *всѣхъ* земель въ пользу народа увеличитъ крестьянскія земли на «ничтожное» количество 50 проц., такъ какое же значеніе будетъ имѣть передача крестьянамъ лишь 20 мил. дес. (и то гдѣ-то въ Волынской, Подольской и Ставропольской губ.)! Вѣдь это увеличитъ крестьянскія земли лишь на совершенно ничтожную долю, съ точки зрѣнія самихъ же министровъ!

Какое до этого дѣла господамъ министрамъ! Они до сихъ поръ

не могутъ понять всей серьезности—а для нихъ и опасности—современнаго положенія дѣлъ. Господа! Откройте же, наконецъ, глаза—могли бы мы сказать имъ, если бы не знали, что эти люди—слѣпы отъ рожденія. Пусть же знаютъ они, что если слѣпой берется быть вожатымъ, то онъ первый упадетъ въ яму.

Ждать этого—недолго.

3 іюня. *Р. Новосельскій.*

Церковныя земли и капиталы.

Въ засѣданіи Государственной Думы 1 іюня депутатъ-священникъ *Воздвиженскій* говорилъ, что «не слѣдуетъ допускать отчужденія церковныхъ земель, тѣмъ болѣе, что ихъ количество крайне незначительно, а отчужденіе обездолитъ служителей церкви».

Будетъ не безынтересно привести по этому вопросу справку о богатствахъ православной церкви. По даннымъ изслѣдованія 1877—78 гг. церковнымъ учрежденіямъ и, главнымъ образомъ, монастырямъ и церквямъ принадлежитъ 8.500,000 дес. Такое количество земли, если считать на наличную душу по три десятины, могло бы дать пропитаніе 2.833,000 душъ. Земли, принадлежащія монастырямъ и церквямъ, въ громадномъ большинствѣ удобныя и даже не просто удобныя, а и довольно цѣнныя, какъ, напр., съ рыбными ловлями, съ заливными лугами, съ лѣсомъ. Кромѣ того, расположены онѣ не въ глухихъ мѣстахъ, гдѣ земли и безъ нихъ много: большая часть монастырей и церквей приходится на населенныя губерніи.

Депутатъ священникъ Воздвиженскій говорилъ, что у крестьянина есть потребность въ утѣшеніи церкви. Нѣкоторыя цифры освѣтятъ, насколько перковь приходитъ на помощь и утѣшеніе въ старости, въ болѣзни, насколько утѣшенія церкви закрѣпляются дѣлами.

Дѣятельность церкви выражается, между прочимъ, въ устройствѣ при монастыряхъ и церквяхъ богадѣленъ и больницъ.

Богадѣленъ было при монастыряхъ: въ 1861 г.—10 и призрѣвалось 489 лицъ, въ 1891 г.—49 и призрѣвалось 810 лицъ; при церквяхъ въ 1861 г.—37 богад. съ 164 лицами и въ 1891 г.—75 богад. съ 1150 лицами.

Больницъ было въ 1861 г.—47 съ 523 лицами, а въ 1891 г.—86

съ 1000 лицами; при церквяхъ же въ 1861 г.—5 съ 98 лицами, а въ 1891 г.—2 съ 50 лицами.

По даннымъ оберъ-прокурора св. Синода за 1890 г. всѣхъ православныхъ въ Россіи было 72.066,750. Изъ этого числа церковь оказала помощь больнымъ—1050 человѣкамъ; а пріютъ въ старости данъ 1960 лицамъ.

Теперь посмотримъ, какія средства имѣются у церкви, хотя данныя наши не полныя. Мы сейчасъ не имѣемъ подъ руками данныхъ о капиталахъ монастырей и даемъ только тѣ данныя, которыя помѣщены въ отчетахъ оберъ-прокурора св. Синода. Изъ общегосударственныхъ средствъ на духовное вѣдомство въ 1891 году было отпущено 11.204,809 рублей. По росписи на 1906 годъ по вѣдомству святѣйшаго Синода внесено 29.126,155 рублей. На содержаніе причтовъ въ 1891 г. (ихъ было 18,883) опредѣлялось 6.292,585 руб. По росписи 1906 года на городское и сельское духовенство, миссіи и миссіонеровъ внесено 12.295,465 рублей.

Въ завѣдываніи центральныхъ учрежденій находились между прочимъ капиталы: въ завѣдываніи хозяйственнаго управленія св. Синода капиталъ въ 11.650,211 рублей (въ 1891 г., а въ 1861 г. этотъ же капиталъ равнялся всего 2.438,960 руб.); капиталъ духовно-учебный въ 1891 г. достигалъ 25.956,485 и израсходовано изъ него было всего 5.211,416 руб., но приходъ покрылъ означенный расходъ съ убыткомъ. Кромѣ этихъ средствъ есть такъ называемыя спеціальныя средства св. Синода, въ 1891 г. они достигали 7.000,000 руб.

Посмотримъ теперь, какія суммы перепадаютъ у насъ духовенству на мѣстахъ.

Мѣстныя епархіальныя средства слагаются изъ кружечнаго сбора, сбора въ церквяхъ, дохода съ имѣній и суммъ попечительствъ о призрѣніи бѣдныхъ духовнаго званія.

О размѣрахъ этихъ средствъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ:

Суммъ попечительства о призрѣніи бѣдныхъ духовнаго знанія было, напр., къ 1 января 1893 г. 381.675 р. деньгами, да 6,401,161 руб. билетами.

Кромѣ того, напримѣръ, въ 1895 году было собрано кружечнаго сбора 5.596,155 р., затѣмъ, сбора въ церквахъ 5.021,121 р., да

доходу съ имѣній—5.360.141 р. Цифры, какъ видно, очень внушительныя.

Приведенная справка показываетъ, что и самому духовенству поступаетъ не мало средствъ и черезъ руки его на общія нужды проходитъ достаточно. Нужно заботиться не о матеріальныхъ средствахъ духовенства, а о томъ, чтобы изъ прислужника правительства оно стало радѣтелемъ и слугой народа.

4 іюня. *В. Кильчевскій.*

Что важнѣе?

Въ Государственной Думѣ, въ печати, въ обществѣ—повсюду идутъ теперь нескончаемые споры о земельномъ вопросѣ, который сама жизнь властно заставила признать главнымъ и насущнѣйшимъ въ настоящую историческую минуту. Отъ рѣшенія этого вопроса въ томъ или иномъ направленіи зависитъ все будущее нашей страны.

Конечно, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, *какъ* будетъ рѣшенъ этотъ вопросъ: мы твердо убѣждены въ томъ, что борьба съ настойчивымъ требованіемъ «всей земли и всей воли»—съ требованіемъ, которое идетъ отъ девятидесяти милліоновъ крестьянъ — невозможна. Для русскаго крестьянства вопросъ о землѣ есть вопросъ о жизни и смерти; если вопросъ этотъ не будетъ рѣшенъ своевременно, теперь же, въ Думѣ, то народъ рѣшитъ его самъ...

Это *должны* понять правящіе классы. Понимають-ли они это однако? Едва-ли. Это прирожденные слѣпые, которые не видятъ пропасти подъ ногами.

Но не въ нихъ дѣло. Кромѣ невмѣняемыхъ гг. Стишинскихъ и Гурко есть еще вполнѣ порядочные, хотя и мало понимающіе положеніе дѣлъ люди, которые возстаютъ противъ того единственно возможнаго рѣшенія земельнаго вопроса, которое предлагается Трудовой группой, а также—въ сокращенномъ и обезцвѣченномъ видѣ—и кадетами. Таковы разные гг. Львовы, Стаховичи, Гейдены, которые повторяютъ вопли гг. Стишинскихъ о томъ, что съ переходомъ всѣхъ земель къ трудящимся въ Россіи наступитъ оскудѣніе, что Россія обнищаетъ, что съ гибелью помѣщичьяго хозяйства падетъ въ Россіи

и сельско-хозяйственная культура, что бюджетная роспись Россіи съ двухъ милліардовъ падетъ до одного и т. д., и т. д.

Здѣсь передъ нами вырисовываются двѣ противоположныя точки зрѣнія, *къ которымъ можно свести всѣ споры о земельномъ вопросѣ.* Эти люди говорятъ: съ переходомъ всѣхъ земель къ трудящимся, съ уничтоженіемъ помѣщичьяго хозяйства Россія обѣднѣетъ ровно вдвое, а потому предполагаемая реформа губительна и вредна. Мы говоримъ: съ переходомъ всѣхъ земель къ трудящимся благосостояніе трудящагося на землѣ класса увеличится равно вдвое, а потому предполагаемая реформа не только неизбѣжна, но и желательна.

Вотъ двѣ основныя точки зрѣнія. Примиренія между ними нѣтъ и быть не можетъ. Мы видимъ такимъ образомъ, что всѣ споры о земельномъ вопросѣ, въ концѣ концовъ, сводятся къ рѣшенію болѣе основного вопроса о томъ, *что важнѣе—національное богатство или народное благосостояніе*?

На этотъ вопросъ каждый долженъ самъ себѣ отвѣтить прежде всего. Мы сейчасъ увидимъ, какъ рѣшался этотъ вопросъ нашими «лучшими людьми» за послѣднія полтораста лѣтъ, а пока замѣтимъ, что рѣшеніе этого вопроса въ пользу народнаго благосостоянія вовсе не заставляетъ насъ признать правоту нашихъ противниковъ въ томъ, что Россія дѣйствительно обѣднѣетъ и оскудѣетъ вмѣстѣ съ гибелью помѣщичьяго хозяйста. Не разъ уже было доказано, что если и произойдетъ уменьшеніе производительности страны, то только временное и не болѣе какъ на 10%. Утвержденіе нашихъ противниковъ ни на чемъ не основаны и произвольны, но мы ставимъ вопросъ глубже, чѣмъ дѣлаютъ наши возражатели. Мы заявляемъ, что если даже они и правы, то все-же и въ такомъ случаѣ мы стоимъ за повышеніе вдвое народнаго благосостоянія, хотя-бы вдвое понизилось національное богатство.

Дѣйствительно, что важнѣе—живой, страдающій человѣкъ или мертвое понятіе, слово? Еще 120 лѣтъ тому назадъ знаменитый русскій писатель *Радищевъ* рѣшительно отвѣтилъ на этотъ вопросъ заявленіемъ, что какъ бы ни была богата *страна*, но если *народъ* въ ней бѣденъ, а деньги скопляются только у незначительной кучки людей, то эта страна горя и слезъ, хотя бы тысячи милліоновъ пудовъ хлѣба продавались изъ нея заграницу, хотя бы (прибавимъ мы отъ себя) ежегодная государственная роспись этой страны превышала

бы 2 милліарда. Радищевъ описываетъ имѣніе одного помѣщика, хозяйство котораго было въ цвѣтущемъ состояніи и который славился какъ «знаменитый земледѣлецъ», въ то время какъ крестьяне его голодали; Радищевъ обращается къ этому владѣльцу «культурнаго» хозяйства со слѣдующими словами: «варваръ! недостоинъ ты носить имя гражданина! Какая польза государству, что нѣсколько тысячъ четвертей въ годъ болѣе родится хлѣба, если тѣ, кои его производятъ считаются наравнѣ съ воломъ, опредѣленнымъ тяжкую вздирать борозду? Или блаженство гражданъ въ томъ почитаемъ, чтобы полны были хлѣба наши житницы, а желудки пусты? Чтобы одинъ благословлялъ правительство, а не тысячи?.. И суть люди, которые, взирая на утучненныя нивы сего палача, ставятъ его въ примѣръ усовершенствованія въ земледѣліи!»...

Гг. Стаховичи и Львовы—прислушайтесь! Не про васъ ли и подобныхъ вамъ писалъ свыше ста лѣтъ тому назадъ Радищевъ? Не вы ли хотите сохранить на благо Россіи «культурныя хозяйства», что неизбѣжно оставитъ крестьянина съ пустымъ желудкомъ?.. «Богатство» Россіи вамъ любо, а бѣдность трудящагося класса по вашему—еще не такая бѣда?

Вслѣдъ за Радищевымъ противъ накопленія мертваго «національнаго богатства» боролись еще многіе замѣчательные люди—*Пестель*, *Герценъ* и др.; въ Европѣ знаменитый ученый *Карлъ Марксъ* въ 1848 г. первый указалъ, что при «національномъ богатствѣ» народъ можетъ голодать, и наоборотъ—народное благосостояніе можетъ быть очень велико въ совершенно небогатой странѣ.

Отчего это происходитъ? Это какъ нельзя яснѣе объяснилъ знаменитый русскій писатель и ученый еще 50 лѣтъ тому назадъ. Его объясненіе такъ просто, что, кажется, понятно для каждаго ребенка; но, вотъ подите-же, гг. Стаховичи и Львовы до сихъ поръ еще его не уразумѣли.

Предположимъ, говоритъ Чернышевскій, что въ одной мѣстности находятся два куска земли, каждый по 5000 десятинъ; первый изъ нихъ обрабатывается общиной въ 400 семей, а второй принадлежитъ землевладѣльцу, который раздѣлилъ свою землю на 30 арендаторскихъ участковъ; 30 арендаторовъ ведутъ «культурное» хозяйство и держатъ 369 наемныхъ рабочихъ семей. (Значитъ, и на второмъ на кускѣ земли тоже 400 человѣкъ, 1+30+369=400). Такъ какъ

на второмъ кускѣ земли ведется милое сердцу г-дъ Львовымъ и Стаховичей «улучшенное хозяйство», то земля приноситъ больше дохода; пусть, напримѣръ, на общинномъ кускѣ земля приноситъ 12 р. съ десятины, а на помѣщичьемъ—20 р. съ десятины. Въ первомъ случаѣ валовой доходъ со всей земли 5000 дес.$\times$12 р.=60,000 р., а во второмъ случаѣ 5000 дес.$\times$20 р.=100,000 р.

Увидавъ такія цифры г-да помѣщики подымаютъ шумъ: «ага! вотъ видите! Если передать второй участокъ тоже крестьянамъ, то съ 5000 дес. получится убытка 100,000 р.—60,000 р.=40,000 р.! А если крестьянамъ отдадутъ всѣ 40 милл. дес. пахотной земли, то не трудно разсчитать, что Россія ежегодно будетъ терпѣть убытки свыше 320 милл. рубл., а если принять во вниманіе современныя цѣны—цифры Чернышевскаго устарѣли—то и всѣ 500 милл. ежегоднаго убытка, о которомъ вопіялъ г. Стишинскій въ Думѣ! Вотъ видите! Вотъ куда вы ведете Россію! Вотъ какое обнищаніе вы ей готовите!»... и т. п., и т. п.

Не торопитесь, господа! Позвольте намъ закончить наши вычисленія вслѣдъ за Чернышевскимъ. Вѣдь мы пока вывели только общую цифру дохода; посмотримъ теперь, какъ этотъ доходъ *распредѣляется* между населеніемъ.

На общинномъ кускѣ земли населеніе подѣлитъ полученныя 60,000 р. на 400 семей; значитъ, каждая семья получитъ въ годъ 150 *рублей*. А на помѣщичьемъ кускѣ? Тамъ съ каждой десятины изъ 20 руб., каждый арендаторъ 5 р. отдаетъ арендной платы помѣщику, 6 р. уплатитъ наемному работнику, а 9 р. оставитъ себѣ (цифры эти взяты Чернышевскимъ изъ жизни). Что же выйдетъ? Самъ помѣщикъ получитъ за годъ (5,000 дес.$\times$5 р.—) 25,000 рублей, каждый изъ тридцати арендаторовъ получитъ по 1,500 р. (потому что, какъ это не трудно разсчитать, всѣ 30 арендаторовъ получатъ съ 5,000 дес. по 9 руб. за десятину—всего 45,000 руб., а каждый изъ нихъ—въ 30 разъ меньше, т. е. 1,500 руб.), такъ что на долю 369 рабочихъ семей останется изъ 100,000 р. только 30,000 р. (ибо изъ 100,000 руб. надо отдать 25,000 руб. помѣщику и 45,000 р. арендаторамъ) а значитъ на каждую семью всего $\frac{30{,}000 \text{ р.}}{369 \text{ с.}}$, т. е. всего по 81 р. 30 к.

А вѣдь на общинной землѣ каждая семья получала въ годъ 150 р., т. е. почти *вдвое больше*!

Итакъ, теперь ясно, для кого выгодна «улучшенная обработка» земель г-дъ помѣщиковъ. Она выгодна прежде всего—помѣщику, получающему въ годъ 25,000 р.; она выгодна его крупнымъ арендаторамъ. И за все про все платится своей шкурой рабочій крестьянинъ, получающій у помѣщика ровно вдвое меньше того, что онъ самъ могъ бы выработать на этой землѣ! Вотъ заключительный выводъ: на помѣщичьемъ участкѣ вырабатывается почти вдвое больше чѣмъ на крестьянскомъ $\left(\frac{100,000 \text{ р.}}{60,000 \text{ р.}}\right)$, но зато народное благосостояніе на немъ почти вдвое меньше $\left(\frac{81^{1}/_{4} \text{ р.}}{150 \text{ р.}}\right)$...

Послѣ всего сказаннаго пусть каждый рѣшитъ, что для него важнѣе—«національное» (т. е. въ сущности помѣщичье) богатство, или народное благосостояніе?

Трудовая группа твердо стала на эту послѣднюю точку зрѣнія. Пора понять, что эта точка зрѣнія—единственно возможная въ настоящее время. Передайте народу всю землю, дайте ему оправиться отъ хроническаго, постояннаго голода, дайте ему вздохнуть свободно—и тогда мы съ вами согласимся, что необходимо улучшенное хозяйство, культурные способы обработки.

Но не забывайте, что «довлѣетъ дневи злоба его». *Завтра* мы будемъ разсуждать объ «интенсификаціи» земли, но «злоба дня» *сегодня*—иная. *Сегодня* мы ждемъ передачи всей земли—народу, всей воли—ему же!

И берегитесь чтобы «*злоба* дня» не вылилась въ форму *мести* всего народа, мести за ваши лицемѣрныя заботы о богатствѣ націи и за ваше полное невниманіе къ нуждамъ народа!

Р. Новосельскій.

6 іюня.

Коренной грѣхъ земельной програмы партіи народной свободы.

Когда партія *народной свободы* (она называется также *конституціонно-демократической партіей*, а для краткости ее называютъ *«кадеты»*) готовилась къ выборамъ, то она всѣмъ говорила, что ея желаніе — помочь всему трудящемуся народу сдѣлать такъ, чтобы всѣ бѣдствія его навсегда миновали. Но у насъ въ Россіи громаднѣйшая часть населенія занимается земледѣльческимъ трудомъ; значитъ, для того, чтобы помочь у насъ трудящемуся народу, надо разрѣшить важнѣйшій вопросъ о землѣ. Въ Государственную Думу и внесено членами партіи народной свободы предложеніе о новомъ земельномъ законѣ.

Этотъ земельный законъ мы и разберемъ и укажемъ, что въ немъ есть плохого.

А плохого въ немъ, къ сожалѣнію, очень и очень не мало; вѣрнѣе, что онъ въ самомъ корнѣ своемъ плохъ.

Въ чемъ заключаются справедливые земельные порядки? Въ томъ, чтобы земли было довольно всякому, кто хочетъ жить отъ нея своимъ трудомъ. При справедливыхъ земельныхъ порядкахъ не должно быть такъ, чтобы у одного земли было столько, что хватило бы на сотни и тысячи людей, а другой перебивался бы на жалкомъ клочкѣ земли. Не должно быть такъ, чтобы одинъ считался владѣльцемъ земли и самъ ничего не дѣлалъ бы, а другой своимъ усерднымъ трудомъ воздѣлывалъ эту землю, плоды же его трудовъ попадали бы владѣльцу земли. Земля не создана человѣкомъ и никто не можетъ называть ее своею собственностью. Вся нужда же земельная отъ того и идетъ, что небольшое число людей объявило землю своей собственной вещью и не даетъ тѣмъ, кто всею душою радъ бы приложить свой трудъ къ кормилицѣ-землѣ, но не имѣетъ ея достаточно для прокормленія и потому живетъ въ вѣчной нищетѣ и часто умираетъ голодной смертью рядомъ съ пышными хоромами богатѣйшихъ землевладѣльцевъ.

Значитъ, для того, чтобы наступили справедливые земельные по-

рядки, надо уничтожить частную собственность на землю. Надо взять всю землю у тѣхъ, кто ее захватилъ въ свою собственность и передать ее всему народу, чтобы онъ самъ ужъ распредѣлилъ ее по справедливости и давалъ всякому по потребности, по нуждѣ его.

А когда уничтожить частную собственность на землю, то надо признать, что всякій, кто живетъ на Руси и хочетъ жить земледѣльческимъ трудомъ, имѣетъ право получить землю, сколько можетъ самъ обработать, сколько надо ему для человѣческой жизни.

Что же говоритъ объ этомъ партія народной свободы? Она отлично сознаетъ, что отъ малоземелья—вся нужда крестьянская, что безъ прирѣзки земли крестьянству приходитъ совсѣмъ конецъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ погибнетъ и все государство, которое крестьянствомъ только и держится. Значитъ, поддержать его необходимо, земли прирѣзать ему нужно. Сколько же прирѣзать ему?

Если вся теперешняя, годная для обработки земля перейдетъ до послѣдней десятины крестьянству, такъ и то врядъ ли наберется, по вычисленіямъ свѣдущихъ людей, больше 4½ десятины на душу; этого и теперь-то мало, а надо помнить, что годъ отъ году населенія прибавляется. Не ясно ли, что если дѣйствительно думать о благѣ народа, то надо теперь же взять землю у тѣхъ, у кого тысячи десятинъ на душу, и отдать тѣмъ, у кого иной разъ и осьминки десятины нѣтъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ, для устраненія земельной нужды и на будущее, надо разъ навсегда запретить, чтобы въ однѣхъ рукахъ земли скоплялось больше, чѣмъ кто самъ можетъ обработать.

Партія народной свободы ничего этого не хочетъ; уничтожать частную собственность на землю она не желаетъ; наживаться отъ земли наемнымъ трудомъ она не запрещаетъ. Вотъ въ этомъ-то и есть коренной грѣхъ земельной программы партіи народной свободы. Она не хочетъ вылечить язвы народныя разъ и навсегда; она хочетъ только немножко подлечить ихъ, чтобы кой-какъ народу можно было перебиваться. Но лечить всякую болѣзнь надо въ корнѣ и до конца.

По «кадетскому» земельному пректу къ крестьянству должны перейти цѣликомъ только земли казенныя, удѣльныя, кабинетскія, монастырскія и церковныя. Частновладѣльческія же земли подлежатъ отчужденію не цѣликомъ, большое количество ея останется въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ. Изъ этихъ частновладѣльческихъ земель къ крестьянству отходятъ только тѣ земли, которыя до 1-го января

1906 г. обычно сдавались въ аренду или обрабатывались преимущественно крестьянскимъ хозяйственнымъ инвентаремъ, то-есть его орудіями, его лошадьми; земли, сейчасъ впустѣ лежащія, также переходятъ къ крестьянству. Кромѣ того, предполагается отобрать часть особенно крупныхъ владѣній, чтобы у тѣхъ землевладѣльцевъ, у которыхъ земли имѣется больше извѣстнаго числа десятинъ, избытокъ отбирался бы и опять-таки отдавался крестьянамъ.

Конечно, и при такомъ законѣ много земли перейдетъ земледѣльцамъ. Но все-таки законъ такой не уничтожалъ бы земельной несправедливости и нужды.

Прежде всего, все зависитъ отъ того, какой высшій размѣръ установить для владѣнія, то-есть выше какого числа десятинъ земля подлежитъ отчужденію. Если такой предѣлъ будетъ 100 десятинъ— одно дѣло, если 1000 десятинъ — другое дѣло; если 10,000 десятинъ—опять выйдетъ совсѣмъ иначе. По приблизительнымъ имѣющимся свѣдѣніямъ, въ Россіи наберется около 90 милліоновъ десятинъ земли, находящейся не въ общинномъ пользованіи, а въ частномъ владѣніи отдѣльныхъ лицъ. Изъ этого числа мелкихъ частныхъ владѣній, размѣромъ меньше 100 десятинъ, у насъ въ Россіи имѣется столько, что они въ общей сложности занимаютъ 6.200.000 дес.; владѣнія свыше 100 до 1000 десятинъ—занимаютъ въ общей сложности 20,600,000 дес., а отъ 1,000 до 10,000 десятинъ владѣнія занимаютъ 37,400,000 десятинъ.

Ясно, слѣдовательно, что отъ того, какой будетъ установленъ высшій размѣръ, зависитъ вся судьба крестьянства. Партія же народной свободы даже приблизительно не намѣтила этого предѣла; можно, значитъ, бояться, что при осуществленіи «кадетскаго» закона размѣръ этотъ будетъ высокъ, то-есть останутся неприкосновенными даже очень крупныя имѣнія. А тогда крестьянамъ перейдетъ земли сущіе пустяки.

Правда, и изъ этихъ владѣній крестьяне должны получить всю арендуемую или обрабатываемую своими средствами землю. Но здѣсь уже выйдетъ полная несправедливость. Въ однѣхъ губерніяхъ крестьянамъ земли достается много, а въ другихъ, гдѣ аренды мало, тамъ и крестьяне получаютъ земли такъ мало, что нужда ихъ почти нисколько не уменьшится.

Кромѣ того, всякому бросается въ глаза вотъ какая вещь. Поло-

жимъ, что теперь отъ крупныхъ имѣній отхваченъ ихъ избытокъ сверхъ нѣкотораго числа десятинъ и отданъ малоземельнымъ крестьянамъ. Ну, а дальше что? Вѣдь если не отмѣнить частную собственность на землю, то землею будутъ опять торговать; кулаки и міроѣды будутъ пользоваться разными бѣдственными обстоятельствами сосѣдей, скупать у нихъ землю и опять, черезъ нѣкоторое время, окажутся безземельные бѣдняки и крупные землевладѣльцы съ десятками тысячъ десятинъ. По земельному проекту партіи народной свободы это на будущее время не запрещается. И опять, значитъ, придетъ все та же нужда, тѣ же бѣдствія крестьянства. Но развѣ могутъ поступать такъ мудрые люди, если они на самомъ дѣлѣ желаютъ блага народу?

Добрый хозяинъ строитъ себѣ домъ не на годъ, не на десять лѣтъ, а на многіе годы, не только для себя, но и для дѣтей и внуковъ своихъ. Такъ же точно земля русская должна совершить переустройство всѣхъ своихъ порядковъ не только на ближайшее время; народъ долженъ подумать и о томъ, чтобы и потомкамъ была обезпечена человѣческая жизнь.

И для этого необходимо, чтобы твердо и разъ навсегда было установлено: чужими руками ни одинъ человѣкъ не долженъ получать съ земли доходу; пусть работаетъ самъ; сколько выработаетъ— его счастье, его заслуга; но богатѣть отъ земли за счетъ чужого труда — это несправедливо и это навсегда должно быть прекращено.

Мы всѣ должны твердо проникнуться мыслью, что земля не должна быть въ частной собственности, а должна быть всенароднымъ достояніемъ. И, значитъ, перемѣнить земельные порядки можно и нужно теперь же.

Вотъ съ частной-то собственностью на землю и не хочетъ разстаться партія народной свободы. Она противъ того, чтобы всякій, кто хочетъ трудиться на землѣ, имѣлъ право на землю; она только хочетъ какъ бы изъ милости, но за солидную сумму, дать трудящемуся народу нѣкоторое количество земли, чтобы онъ успокоился; но главной причины всѣхъ золъ народныхъ она устранить не хочетъ.

Партія народной свободы хочетъ добиваться отъ народа многаго такого, чего жадно ждетъ весь русскій народъ; но видно сытый голоднаго не разумѣетъ—и въ нѣкоторыхъ вещахъ приходится народу идти вразрѣзъ съ тѣми, кто называетъ себя друзьями народа.

Вотъ, значитъ, коренной грѣхъ земельной программы партіи народной свободы. А изъ этого главнаго грѣха вытекаетъ и много другихъ, настолько тяжелыхъ, что, когда ихъ поразберешь, то является вопросъ: да какъ же могутъ стремиться къ такимъ вещамъ друзья народа?

Объ этихъ грѣхахъ мы поговоримъ въ слѣдующій разъ.

7 іюня. *А. В. Глѣбовъ.*

Земельный вопросъ.

Членъ Государственной Думы кн. Волконскій, говоря по аграрному вопросу, сказалъ, что въ 1861 г. крестьяне были надѣлены землею въ достаточномъ количествѣ для прокормленія семьи и для уплаты повинностей, теперь же, черезъ 45 лѣтъ, земли стало уже недостаточно. Изъ этого онъ выводитъ заключеніе, что увеличеніе площади земли для земледѣльцевъ ничему не поможетъ.

Я хочу разсказать, какъ надѣлялись крестьяне землею при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости. Дѣйствительно, лучшіе люди въ то время доказывали необходимость надѣленія крестьянъ землею въ количествѣ достаточномъ для прокормленія и уплаты повинностей, а для этого предлагали оставить у крестьянъ тѣ земли, которыми они пользовались при крѣпостномъ правѣ, безъ наложенія выкупа. Но количество такой земли эти лучшіе люди считали все-таки недостаточнымъ для крестьянъ, и они предлагали добавить къ этой крестьянской землѣ часть земель экономическихъ (помѣщичьихъ) и за эту землю, только за эту, назначить выкупъ. Но эти пожеланія лучшихъ людей такъ и остались пожеланіями, а былъ установленъ такой законъ, по которому крестьяне принуждены были покупать свою собственную, крестьянскую землю и по такой высокой цѣнѣ, какой въ то время не существовало при свободной покупкѣ и продажѣ. Но этого мало: помѣщикамъ показалось, что крестьянамъ не слѣдуетъ отдавать всей крестьянской земли, хотя бы и за деньги, и вотъ для того, чтобы крестьянамъ не отдать всей ихъ земли, были установлены «нормы надѣленія крестьянъ землею». Благодаря этимъ нормамъ и благодаря тому, что опредѣленіемъ размѣра надѣловъ завѣ-

дывали мировые посредники, назначавшіеся губернаторомъ изъ тѣхъ же помѣщиковъ, вышло такъ, что крестьянамъ отдавались въ надѣлъ не всѣ ихъ земли, а только часть, а другая часть отрѣзывалась въ пользу помѣщика; благодаря такимъ мудрымъ, но несправедливымъ, законамъ и благодаря тому, что законы эти приводились въ исполненіе тѣми же помѣщиками, мировыми посредниками — вышло такъ, что крестьяне получили только часть своей земли, да и за эту часть своей же земли вынуждены были выплатить въ теченіе сорока съ лишнимъ лѣтъ огромную сумму выкупныхъ платежей, а другую часть крестьянской земли забрали себѣ помѣщики, подъ видомъ излишней и ненужной для крестьянъ, безъ всякой за нее платы въ пользу крестьянъ, т. е. крестьяне за свою же землю должны были заплатить выкупъ помѣщикамъ, а помѣщики чужую, крестьянскую, землю взяли себѣ безплатно.

Я раньше сказалъ, что крестьянъ заставили покупать свою собственную землю и по такой высокой цѣнѣ, которой тогда и не было [1]). Казалось-бы, что, если помѣщики получали выкупъ за землю выше ея стоимости, то значитъ помѣщикамъ не было нужды уменьшать крестьянскій надѣлъ, но на самомъ дѣлѣ это не такъ; законъ о выкупѣ былъ составленъ такъ хитро и несправедливо для крестьянъ, что помѣщикамъ было выгодно давать крестьянамъ не полный надѣлъ, а уменьшенный, или какъ онъ называется въ законѣ—низшій. Выгода помѣщиковъ уменьшать для крестьянъ надѣлъ заключалась вотъ въ чемъ: возьмемъ для примѣра Стародубскій уѣздъ Черниговской губерніи: въ этомъ уѣздѣ нормальный (обыкновенный) размѣръ надѣла на каждую ревизскую душу долженъ былъ быть 4 десят., которыя оцѣнивались въ 132 р. 50 к., изъ которыхъ пятую часть (26 р. 50 к.) крестьяне должны были уплачивать сами, непосредственно, помѣщику, а остальные 106 руб. уплачивались помѣщику изъ казны и за эти 106 р., съ процентами, крестьяне должны были уплачивать выкупные платежи въ теченіе 40 съ лишнимъ лѣтъ. Если считать что 4 д. оцѣнивались въ 132 р. 50 к., то значитъ, что каждая десятина стоитъ 33 рубля, а изъ 106 рублей выдавав-

---

[1]) Въ Стародубскомъ уѣздѣ цѣлыя имѣнія продавались съ постройками и инвентаремъ по 20 р. десятина, а отдѣльные куски по 10 и 12 р. десятина.

шихся помѣщику изъ казны за четыре деястины, на каждую десятину должно бы причитаться 26 р. 50 коп. Если бы выкупная сумма 106 рублей, выдававшаяся изъ казны помѣщику за 4 дес., раздѣлилась поровну на всѣ 4 дес. то тогда въ Стародубскомъ уѣздѣ всѣ крестьяне получили бы нормальный надѣлъ, т. е. до 4 дес. на душу, такъ какъ въ то время, въ 1861 году, цѣна земли тамъ была гораздо ниже 26 р. 50 к. за десятину и помѣщики постарались бы дать надѣлъ по 4 дес. и получить изъ казны за каждую десятину по 26 р. 50 к., т. е. цѣну, по которой въ то время помѣщикъ никому не могъ продать даже своей земли. Но это случилось бы только тогда, если бы за каждую десятину помѣщикъ получалъ равную плату, а этого не случилось; законъ о выкупѣ былъ написанъ такъ, чтобы можно было и земли дать крестьянамъ мало и денегъ изъ казны взять много (законъ писали тоже сами помѣщики); а для этого земля была расцѣнена такъ: за первую десятину надѣла помѣщикъ получалъ изъ казны 53 р., за вторую—26 р. 50 к., а за третью и за четвертую по 13 р. 25 к., то-есть если крестьяне получали на душу по 2 десятины, то помѣщикъ получалъ изъ казны 79 р. 50 к., почти по 40 руб. за десятину,—въ два раза болѣе, чѣмъ стоила въ то время земля, а если крестьяне получали 4 дес., то помѣщикъ получалъ за первыя двѣ десятины 79 р. 50 к., а за двѣ послѣднія только 26 р. 50 к. (по 13 р. 25 к. за десятину).

Помѣщики сейчасъ же поняли, что для нихъ выгодно уменьшать крестьянскіе надѣлы и очень многіе изъ нихъ это сдѣлали; имъ только не выгодно было давать надѣлы меньше 2 дес. на душу и дѣйствительно, меньше 2 дес. крестьяне не получали въ Стародубскомъ уѣздѣ.

Нормальный (высшій) размѣръ надѣла былъ опредѣленъ для разныхъ мѣстностей разный: въ Стародубскомъ уѣздѣ 4 дес., въ Суражскомъ уѣздѣ 5 дес., въ Конотопскомъ у. $2^3/_4$ дес., а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 6, 8 и болѣе десятинъ. Воспользовавшись тѣмъ, что въ одной и той же губерніи установленъ разный размѣръ надѣла, многіе помѣщики, напримѣръ Стародубскаго уѣзда, захотѣли дать крестьянамъ въ надѣлъ только $2^3/_4$ дес. на душу, а изъ казны получить всѣ 106 руб., какъ бы за 4 десятины, и это они сумѣли сдѣлать. Дѣлалось это такъ: помѣщикъ подавалъ прошеніе въ губернское присутствіе и доказывалъ, что его имѣніе хотя и находится

въ Стародубскомъ уѣздѣ, но земли по урожайности равны землямъ Конотопскаго уѣзда, а потому проситъ приравнять его имѣніе къ Конотопскому уѣзду и высшимъ надѣломъ считать не 4 дес., какъ установлено для Стародубскаго уѣзда, а $2^{3}/_{4}$ д. какъ въ Конотопскомъ уѣздѣ. Губернское присутствіе спрашивало у мирового посредника: правда-ли это, а посредникъ отвѣчалъ: о да, правда! (потому что посредникъ тоже думаетъ, нельзя-ли и ему урвать у крестьянъ ихъ земельки). Тогда дѣлалось постановленіе, что земли такого-то села приравнять къ землямъ Конотопскаго уѣзда, крестьянамъ дать въ надѣлъ не 4 д., а только $2^{3}/_{4}$ дес., и за нихъ выдать помѣщику изъ казны полную сумму выкупа какъ за 4 дес., то-есть 106 руб.

При такомъ порядкѣ надѣленія крестьянъ землею, *никто* изъ крестьянъ не получилъ надѣла, достаточнаго для прокормленія и уплаты повинностей, надѣлъ былъ уменьшенъ даже противъ того количества земли, какимъ крестьяне владѣли при крѣпостномъ правѣ, а платежи за эти земли были назначены непомѣрно высокіе, потому что крестьянъ заставили заплатить за нее вдвое противъ тогдашней стоимости земли, хотя крестьяне получили въ надѣлъ свою собственную землю, а не экономическую.

Я пишу только о мѣстности, хорошо мнѣ извѣстной, но думаю, что и въ другихъ мѣстахъ было это же самое, и если кн. Волконскій пожелаетъ присмотрѣться и узнать, какъ надѣлились землею крестьяне въ другихъ мѣстахъ, то онъ увидитъ то же самое.

Это все относилось къ крѣпостнымъ крестьянамъ, бывшимъ помѣщичьимъ, но крестьяне государственные, удѣльные, кабинетскіе и др.—находятся не въ лучшемъ положеніи. Съ нихъ тоже съ незапамятныхъ временъ брались оброки въ размѣрѣ, превышавшемъ тогдашнія арендныя цѣны, а потомъ, когда крестьяне стали задаваться вопросомъ, за что съ нихъ берутъ оброкъ за свою-же землю, то хитроумное правительство переименовало оброкъ въ выкупные платежи и продолжало вытягивать послѣдніе соки изъ крестьянъ. Подумайте только, за что государственныхъ и другихъ крестьянъ заставляли платить выкупные платежи? За выкупаемую землю, но вѣдь эта земля всегда была крестьянская, зачѣмъ-же покупать свою землю, она и безъ покупки всегда принадлежала и принадлежитъ керстьянамъ.

Теперь, когда идетъ вопросъ о надѣленіи землею малоземельныхъ земледѣльцевъ, для чего потребуется обязательное отчужденіе земель крупныхъ владѣльцевъ, раздаются голоса, что какъ же можно посягать на священную собственность крупныхъ землевладѣльцевъ, и вотъ тѣмъ лицамъ и тѣмъ учрежденіямъ, откуда идутъ эти голоса, я рекомендую вспомнить про то, какъ заставили крестьянъ покупать свою же землю и платить за нее огромные выкупные платежи, а часть земель, принадлежащихъ крестьянамъ, бывшимъ помѣщичьимъ, отобрана въ видѣ отрѣзковъ въ пользу помѣщиковъ безъ всякой платы за эту землю крестьянамъ.

Люди, которые считаютъ себя справедливыми, должны добиваться того, чтобы: 1) земля, которою крестьяне всегда владѣли, была признана крестьянской собственностью; 2) выкупные платежи, которые крестьяне въ теченіе многихъ лѣтъ за свои земли неправильно платили въ казну, были возвращены крестьянамъ и 3) земли, отобранныя отъ крестьянъ въ пользу помѣщиковъ въ видѣ отрѣзковъ въ 1861 году, должны быть возвращены крестьянамъ, такъ какъ это земля крестьянская.

Конечно, казна, бравшая съ крестьянъ десятки лѣтъ выкупные платежи, не въ силахъ теперь сразу возвратить крестьянамъ эти деньги, но государство обязано признать внесенные крестьянами выкупные платежи принадлежащими крестьянамъ, какъ взятые съ нихъ неправильно, и затѣмъ при предстоящемъ обязательномъ отчужденіи земель крупныхъ владѣльцевъ, удовлетворять ихъ за отчуждаемую землю изъ денежнаго фонда, составленнаго взносами выкупныхъ платежей, а также изъ этого фонда выдавать пособія переселенцамъ и на меліорацію (улучшеніе хозяйства).

9 іюня. *Петръ Куриленко.* (Членъ Госуд. Думы).

Много ли хочетъ прирѣзать народу земли партія «народной свободы».

Въ предыдущей статьѣ *) мы видѣли, что земельная программа партіи народной свободы въ самомъ корнѣ своемъ невѣрна. Въ этой про-

*) См. страницу 59-ю.

граммѣ признается, что безъ прирѣзки земли крестьянамъ никакъ не обойтись, что всѣ бѣды крестьянства — отъ малоземелья; но самой главной-то причины малоземелья партія устранить не хочетъ; она не хочетъ разъ навсегда уничтожить частную собственность на землю, чтобы нельзя было собирать да накапливать ее въ однѣхъ рукахъ. Между тѣмъ ясно, что нужда въ землѣ только тогда и пропадетъ, когда вся земля будетъ въ мірскомъ владѣніи, чтобы самъ народъ давалъ ее кому сколько нужно. Только тогда можно поручиться, что всегда на всякаго хватитъ земли для прокормленія.

На такую земельную реформу партія народной свободы не согласна. Она находитъ ее несправедливой, потому что тогда пострадали бы собственники земли. Посмотримъ, что же считаетъ справедливымъ сдѣлать партія народной свободы? Сколько земли хочетъ она прирѣзать народу?

Конечно, партія народной свободы согласна, чтобы всѣ земли казенныя, удѣльныя, кабинетскія, монастырскія, церковныя перешли крестьянамъ. У земель этихъ либо совсѣмъ нѣтъ владѣльцевъ, либо владѣльцы такіе, что давно бы пора передать отъ нихъ землю измученному малоземельному народу.

Что же касается частновладѣльческихъ земель, то изъ нихъ, по проекту партіи народной свободы, прежде всего отчуждаются въ пользу крестьянъ земли впустѣ лежащія, а также тѣ земли, которыя арендуются крестьянами или обрабатываются ими своимъ скотомъ и орудіями. Такихъ земель не мало. Но ихъ конечно не хватитъ, потому что если бы хватило, такъ крестьяне и не тянулись бы теперь ко всякому лишнему клочку земли; вѣдь эти земли все равно ужъ находятся въ пользованіи крестьянства.

Весь вопросъ въ томъ: какъ быть съ тѣми частновладѣльческими землями, на которыхъ помѣщики сами ведутъ хозяйство наемнымъ трудомъ батраковъ? Какую часть изъ этихъ земель согласна отдать партія народной свободы, чтобы утолить земельную нужду крестьянства? Отвѣтъ получается неутѣшительный и не къ чести партіи народной свободы. Хочетъ отдать она этой земли ровно столько, чтобы крестьянинъ только-только не умиралъ съ голоду, всѣ же остальныя земли, чтобы остались въ рукахъ тѣхъ, кто сладко ѣстъ, сладко пьетъ, мягко спитъ.

Относительно того, до какого числа десятинъ надо доводить

крестьянскій надѣлъ путемъ отчужденія частновладѣльческихъ земель, партія народной свободы додумалась только вотъ до какой вещи. Въ программѣ говорится слѣдующее:

Является желательнымъ доведеніе размѣровъ земельнаго обезпеченія до потребительной нормы, те-есть до такого количества земли, которое по мѣстнымъ условіямъ и принимая въ расчетъ прочные промысловые доходы, гдѣ таковые существуютъ, было бы достаточно для покрытія среднихъ потребностей въ продовольствіи, жилищѣ, одеждѣ и для несенія повинностей.

Иной не хитрый человѣкъ не сразу и разберетъ, что въ этихъ словахъ есть много несправедливаго и дурного. На первый взглядъ выходитъ хорошо: надо всякому дать столько земли, чтобы всякій былъ сытъ, обутъ и одѣтъ. Но если разсмотрѣть дѣло ближе, такъ выйдетъ совсѣмъ иное.

Прежде всего—какъ это попало въ программу слово «желательно»? Законъ—такъ законъ! Мало ли что можетъ быть желательно; надо говорить о томъ, что должно быть твердо и незыблемо установлено закономъ, а не о томъ, чего кто-то желаетъ. Вѣдь этакъ, какъ дойдетъ до дѣла, то многіе землевладѣльцы изъ партіи народной свободы скажутъ: конечно, мы—всей душою; очень желали бы мы, чтобы крестьянину жилось хорошо; да только съ священной собственностью земельной разставаться очень ужъ не охота; ужъ какъ-нибудь безъ нашей земли обойдитесь. Вотъ вѣдь какъ можетъ повернуться дѣло. Совсѣмъ не о желательности тутъ надо говорить, а объ ясномъ, прямомъ законѣ.

Но этого мало. По взгляду партіи народной свобооы и желательнымъ-то оказывается ужъ очень, очень немного. Земли «желательно» дать крестьянину столько, чтобы были покрыты его «среднія потребности». А каковы онѣ, эти среднія потребности? Отвѣтъ на этотъ вопросъ—очень горькій.

Въ запискѣ 18 земскихъ дѣятелей, поданной въ московскій сельско-хозяйственный комитетъ, приведены цифры о доходахъ *средней крестьянской семьи* въ Московской губерніи. Весь годовой доходъ семьи исчисляется въ 386 р. 21 к., а расхода—390 р. 21 к. Изъ этой суммы, по самому скромному расчету, уплачено косвенныхъ налоговъ (на водку, сахаръ, чай, ситецъ, керосинъ, табакъ, спички) около 44 р. 21 к. На всю эту сумму крестьянинъ вѣдь ничего

не получаетъ—это все даже и не фабрикантамъ и не купцамъ идетъ, а прямо въ казну. Да еще прямыхъ налоговъ уплачено 22 р. 50 к., такъ что всего изъ кармана у средней крестьянской семьи вылетаетъ до 66 р. А на все остальное надо жить круглый годъ со всею семьею. Спрашивается, какова же эта жизнь? Каковы тутъ могутъ быть «среднія потребности» у человѣка? А вѣдь есть и еще гораздо болѣе бѣдныя семьи. По расчетамъ клинскаго уѣзднаго комитета, у *бѣдныхъ семей* въ той же Московской губ. валового дохода 220 руб., а налоговъ и сборовъ имъ приходится уплачивать около 74 р. 90 к. Но есть цѣлыя губерніи, которыя живутъ въ еще болѣе бѣдственномъ положеніи.

Не ясно ли, что при такихъ условіяхъ люди живутъ въ вѣчной нищетѣ, въ вѣчномъ голодѣ? Конечно, тутъ потребности будутъ не велики, и если такому народу и немного земли прибавить, такъ у него уже хватитъ на «среднія потребности». Ясное дѣло, для бѣдняка, который перебивается съ хлѣба на квасъ, а за обѣдомъ ничего кромѣ лука не видитъ, для такого бѣдняка каждая лишняя луковица—счастье. Да только вопросъ-то вѣдь въ томъ: развѣ человѣку присуждено, что ли, питаться лукомъ? Не на то надо разсчитывать, къ чему народъ теперь привыкъ; привыкъ онъ къ горю-злочастью, въ которое его загнали прежніе русскіе порядки. А разсчитывать надо такъ, чтобы земли хватило всякому на свѣтлую, привольную, спокойную жизнь. Вотъ чего требуетъ справдливость. И надо, чтобы такая жизнь была обезпечена всякому во всѣхъ концахъ Россіи. Партія же народной свободы не думаетъ объ этомъ. Вѣдь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у насъ народу живется чуть-чуть получше, въ другихъ—совсѣмъ невыносимо. Значитъ, среднія потребности будутъ въ разныхъ мѣстахъ различны; кто живетъ на надѣлѣ въ одну десятину, тотъ даже и капусты за столомъ не видитъ, какъ, напримѣръ, въ Воронежской губ., да и во многихъ другихъ, а у кого земли больше—тотъ привыкъ къ болѣе человѣческой жизни. Выходитъ, что вторымъ придется дать больше земли, а первымъ, малоземельнымъ да обнищавшимъ—меньше; и тѣмъ, молъ, премного довольны будутъ.

Но что же это значитъ? Это по-просту значитъ, что партія народной свободы не о благѣ крестьянина думаетъ, а о томъ, чтобы какъ-нибудь отъ него отвязаться. Онъ требуетъ земли, не дать ему

земли нельзя—такъ по крайней мѣрѣ дадимъ ему земли въ-обрѣзъ, только бы пересталъ бунтовать. Ясно, что партія народной свободы просто хочетъ заткнуть какъ-нибудь ротъ крестьянину. Не такъ друзья народные поступаютъ. И если партія народной свободы хочетъ быть другомъ народа, то должна измѣнить свою програму. Всѣ, кто живетъ въ Россіи, должны имѣть право на одинаковое количество земли, но не больше того, что могутъ обработать своимъ трудомъ, какъ говорится въ проектѣ Трудовой группы, надо всякому дать земли, сколько хватитъ, *въ предѣлахъ до трудовой нормы.* Вотъ тогда хватитъ всякому доходу не на покрытіе среднихъ теперешнихъ потребностей (заграницей и у животныхъ потребностей больше, чѣмъ у нашего крестьянина, живущаго чуть не въ звѣриномъ жильѣ, безъ всего необходимаго); хватитъ тогда для настоящей человѣческой жизни.

Но есть еще одно темное несправедливое мѣсто въ приведенныхъ выше словахъ изъ земельной программы партіи народной свободы. Это мѣсто—о промысловыхъ налогахъ. Выше мы видѣли, что партія хочетъ народу дать земли столько, чтобы крестьянинъ не очень ужъ быстро помиралъ съ голоду. При этомъ она разсуждаетъ такъ: а если есть какіе нибудь другіе доходы, напримѣръ, отъ какого нибудь промысла, то надо сосчитать ихъ и земли дать столько, чтобы съ нея одной нельзя было жить, а чтобы для покрытія упомянутыхъ среднихъ потребностей надо было подрабатывать этими промыслами.

У всякаго явится вопросъ, что же это за друзья народные? Развѣ мы не знаемъ, какіе у насъ подсобные промыслы? Въ Нижегородской, напримѣръ, губерніи, многія семьи должны заниматься всю зиму рогожнымъ промысломъ, и старый, и малый работаютъ съ ранняго утра до поздняго вечера; взрослые встаютъ въ 4 часа, дѣтей будятъ въ 5—6; а ложатся всѣ спать въ 8—9 часовъ. Семья за зиму вырабатываетъ рублей 50—60. Если подсчитать, сколько это придется за трудъ, то оказывается, что если ужъ класть много-много, такъ выходитъ 1 копейка за часъ. Одна копейка за часъ каторжнаго труда! Неужели же класть въ расчетъ земельнаго надѣла и этотъ подсобный промыселъ, а вѣрнѣе сказать—подсобную каторгу? По взгляду партіи народной свободы выходитъ—такъ.

Когда я въ первый разъ высчиталъ такую цыфру, то я вѣрить глазамъ своимъ не хотѣлъ, но потомъ пришлось убѣдиться, что

тутъ нѣтъ ничего необыкновеннаго, что такая каторга бременемъ лежитъ на русскомъ трудовомъ народѣ и въ Московской губерніи. Да и гдѣ только ея нѣтъ? И ради этого-то каторжнаго заработка отнимать у крестьянства лишнюю десятину земли? Плохіе это друзья народа, кто говоритъ объ этомъ! Земли надо дать всякому столько, чтобы онъ могъ кормиться отъ нея, не попадая въ рабскую кабалу какому нибудь благодѣтелю-фабриканту, скупщику или промышленнику.

Изъ того, что мы сказали, видно, что не очень-то много хочетъ удѣлить крестьянамъ земли партія народной свободы. Она не хочетъ признать за всякимъ земледѣльцемъ право на землю, а признаетъ только право на полуголодную жизнь—на рубежѣ голода, какъ сказалъ одинъ изъ членовъ той же партіи.

Но и такой урѣзанный земельный надѣлъ предоставляется не всякому.

9 іюня. *А. В. Глѣбовъ.*

Къ земельной реформѣ.

(*Новый проектъ Трудовой группы*).

Въ Государственную Думу за подписью членовъ Государственной Думы: 1) С. Бондарева, 2) Г. Ульянова, 3) А. Тесля, 4) М. Меркулова, 5) И. Соломко, 6) И. Лаврентьева, 7) Я. Абрамова, 8) Бадамшина, 9) В. Вихарева, 10) С. Корнильева, 11) Кузнецова, 12) А. Аладьина, 13) В. Недоноскова, 14) А. Смирнова, 15) Ильина, В. А., 16) Бѣлоусова, 17) С. Тумбусова, 18) С. Ложкина, 19) И. Савельева, 20) Н. Бирюкова, 21) И. Кириленко, 22) М. Кутоманова, 23) В. Чурикова, 24) неразборчиво, 25) Матыкина, 26) М. Михайлова, 27) Б. Диденко, 28) В. Лебедева, 29) М. Мокрунова, 30) Я. Дитца, 31) А. Маслова, 32) Эльдарханова, 33) А. Возовика и 34) Г. Зубченко, поступило заявленіе при слѣдующей запискѣ:

«Въ Государственную Думу представлены въ видѣ матеріала для выработки новаго земельнаго закона два проекта *основныхъ поло-*

женій такого закона. Мы, нижеподписавшіеся члены Государственной Думы, предлагаемъ, въ дополненіе къ этимъ матеріаламъ, нижеслѣдующій проектъ основнаго земельнаго закона. При этомъ мы руководимся слѣдующими соображеніями: 1) Законъ о землѣ можетъ быть изданъ только полноправной Народной Думой, избранной всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ при свободѣ выборовъ и послѣ обсужденія земельной реформы на мѣстахъ при такихъ же условіяхъ; 2) для ускоренія и облегченія рѣшенія вопроса, представленныя въ Государственной Думѣ партіи должны немедленно же представить на судъ страны всѣ принимаемые ими способы его рѣшенія; 3) присоединяясь къ «основнымъ положеніямъ», представленнымъ въ Государственную Думу 104 депутатами и разсматривая § 1 этихъ положеній, какъ цѣль желательнаго земельнаго закона, а слѣдующіе параграфы, какъ переходныя мѣры къ ея осуществленію, мы, нижеподписавшіеся, считаемъ полезнымъ немедленно же развить кратко выраженныя въ § 1 начала въ видѣ болѣе подробнаго и опредѣленнаго *„проекта основнаго земельнаго закона"*.

Основныя положенія этого законопроекта сводятся къ слѣдующему.

§ 1. Всякая частная собственность на землю въ предѣлахъ Россійскаго государства отнынѣ совершенно уничтожается.

§ 2. Вся земля съ ея нѣдрами и водами объявляется общей собственностью всего населенія Россійскаго государства.

§ 3. Всѣ россійскіе граждане и гражданки имѣютъ равное право на пользованіе:

а) землею для занятія сельскимъ хозяйствомъ;

б) участками для постройки жилыхъ домовъ, хозяйственныхъ построекъ, а также фабрикъ, заводовъ, мастерскихъ и т. д.;

в) всѣмъ матеріаломъ, необходимымъ для постройки и отопленія.

§ 5. Народное правленіе и мѣстныя земства распоряжаются по слѣдующимъ основнымъ правиламъ:

а) никакая власть не имѣетъ права мѣшать отдѣльнымъ гражданамъ, общинамъ и товариществамъ устраивать для себя такіе порядки пользованія землею, которые они считаютъ лучшими, если только эти порядки не нарушаютъ общаго закона и не вредятъ другимъ;

б) для избѣжанія безполезной чиновничьей волокиты, всѣ дѣла,

важныя только для одного уѣзда, округа или области, рѣшаются на мѣстахъ;

в) только тѣ дѣла, которыя важны для всего государства, а также и тѣ, которыя не могутъ быть справедливо рѣшены на мѣстахъ, рѣшаются народнымъ правленіемъ.

§ 2. Каждый имѣетъ право получить въ пользованіе столько земли, чтобы за уплатой поземельнаго налога осталось достаточно для здоровой жизни его и его семьи (потребительная норма надѣла).

Примѣчаніе. Если кто-либо изъ гражданъ имѣетъ постоянный заработокъ на сторонѣ, то ему прирѣзывается земли приблизительно столько, чтобы дохода отъ нея, вмѣстѣ съ заработкомъ на сторонѣ, хватило для уплаты земельнаго налога и здоровой жизни его семьи. Если кто-нибудь теряетъ подсобный заработокъ или захочетъ кормиться съ одной земли, то ему прирѣзывается земля до полнаго потребительнаго надѣла.

§ 3. Никто не имѣетъ права имѣть въ пользованіи земли больше, чѣмъ онъ можетъ обработать вмѣстѣ съ своей семьей безъ наемныхъ рабочихъ (трудовая норма надѣла).

Примѣчаніе. Тѣ семьи, которыя временно по какому-нибудь случаю не смогутъ вести самостоятельно хозяйства (наприм., если работникъ уйдетъ въ солдаты, заболѣетъ, умретъ, или міръ назначитъ его на какую-нибудь мірскую службу и т. п.), сохраняютъ за собой право на надѣлъ.

§ 4. Землю нарѣзываютъ всякому, кто пожелаетъ, по возможности сообразно съ тѣмъ, сколько земли и какая земля требуется для его промысла: земледѣлія, садоводства, скотоводства и т. п.

§ 5. Пользованіе землей устраивается на слѣдующихъ основаніяхъ: земельныя общества, которыя владѣли землей совмѣстно и пожелаютъ оставить землю въ общемъ пользованіи, получаютъ общій надѣлъ и сами передѣляютъ землю. Общины, получившія общій надѣлъ, обязаны производить поравненія.

Общій надѣлъ нарѣзывается и тѣмъ гражданамъ, которые пожелаютъ совмѣстно обрабатывать землю и вести общее хозяйство артелями съ уравнительнымъ дѣлежемъ всего того, что получаютъ отъ земли. Всякій, кто владѣлъ отдѣльнымъ участкомъ земли (надѣльной, выкупленной и купчей), если пожелаетъ, надѣляется особо, въ личное пользованіе. Также отдѣльно, если пожелаютъ, могутъ надѣ-

ляться и безземельные. При выходѣ изъ общины желающій можетъ получить въ пользованіе особый участокъ изъ общинной земли. Если община не выразитъ на это согласія, то отдѣльный участокъ отводится въ другомъ мѣстѣ. Никто не можетъ сдавать въ аренду. Если какія-либо семьи, не могутъ самостоятельно вести хозяйство, могутъ передавать надѣлъ въ общества, въ артельныя товарищества или земства за плату. Если семья пожелаетъ, надѣлъ возвращается ей. Налогъ съ земли устанавливается народной властью и земствами, смотря по чистому доходу, который приноситъ земля. Граждане, живущіе съ ними, не должны платить другого налога, какъ съ земли. Для нуждъ хозяйства за дешевый процентъ или безплатно выдаются деньги въ заемъ и устраивается всеобщее страхованіе хозяйствъ отъ всякихъ несчастныхъ случаевъ.

Всѣ граждане и гражданки имѣютъ право: 1) на полученіе матеріаловъ для построекъ и отопленія; 2) на рыбную ловлю и охоту, а также на сборъ дикихъ плодовъ; 3) въ дѣлѣ распоряженія и пользованія всѣми богатствами, добываемыми изъ нѣдръ земли.

10-го іюня.

ПИСЬМО

изъ Олонецкой губерніи.

«Олонецкіе крестьяне всѣмъ довольны, для политики-же они еще темны». Такъ говорилъ сотруднику «Нов, Вр.» г. Бѣлоусовъ, выбранный отъ крестьянъ Олонецкой губ. депутатъ въ Гос. Думу. Правда, въ самой Думѣ онъ пока еще, кажется, рта не разинулъ, а дѣятельность свою депутатскую началъ съ того, что поселился на казенной квартирѣ подъ присмотромъ Ерогина, бывшаго земскаго начальника.

Много ли правды въ словахъ г. Бѣлоусова, что мы, олонецкіе крестьяне, всѣмъ довольны, пойметъ всякій, кто знаетъ жизнь заправскаго трудового олонецкаго крестьянина, а не деревенскаго богатея-кулака, какъ напр. тотъ-же Бѣлоусовъ, вышедшій изъ деревенскихъ богатѣевъ въ управляющіе Канецкимъ пароходствомъ.

Загляните въ любую избу олонецкаго крестьянина, и тамъ вы увидите доподлинную картину нашего нищенскаго, голоднаго существованія. Населеніе всей сѣверной полосы Олонецкой губ. (три четверти всего населенія губерніи) и живетъ исключительно заработками, какъ-то: извозомъ, возкою дровъ, бревенъ и сплавомъ ихъ весною, да промышляетъ рыбной ловлей и охотой на птицу и звѣря. Земледѣліе-же является не главною отраслью хозяйства, а подсобной, по причинѣ суроваго сѣвернаго климата и обилія громаднѣйшихъ болотъ: покосы расположены на низменныхъ мѣстахъ и постоянно заполняются водою, пахотная земля состоитъ изъ сѣраго песка и камня и требуетъ обильнаго вноса удобренія, котораго не можетъ быть достаточно у крестьянъ вслѣдствіе малаго количества скота, содержимаго кое-какъ на кислой травѣ, осокѣ и ржаной соломѣ. При такихъ условіяхъ даже въ хорошій годъ урожай не даетъ больше, какъ на 3—4 мѣс. собственнаго хлѣба. Значитъ, нужно итти на заработки. А заработки, которыми добываютъ себѣ хлѣбъ олончане, извѣстны по своей суровости, тяжелымъ условіямъ труда, которыя уносятъ сотни и тысячи людей преждевременно въ могилу.

Главный зимній заработокъ—вывозка бревенъ гдѣ принимаютъ участіе всѣ члены семьи: жена, дочери, сыновья до 14 лѣтъ—суровъ и тяжелъ и даетъ заработать лишь нищенскій кусокъ хлѣба; цѣны такъ низки (отъ 80 коп. до 1 р. 50 к. на 1 лошадь и на два человѣка), что кое-какъ семья прокормится на нихъ въ зиму мѣсяца два. Кровопійцы-лѣсопромышленники, какъ частные, такъ и казна, пьютъ нашу кровь, набивая себѣ въ карманы хорошіе барыши.

Но вотъ зимнія работы прекратились (ихъ хватаетъ мѣсяца на два), подходитъ весна - красная весна, но не для нашего брата-крестьянина. Для него она самое несчастное и трудное время: ѣсть нечего семьѣ, скотъ мретъ съ голоду, послѣдняя коровенка выводится со двора, а объ сѣменахъ и не говори: засѣять небольшой пахотный надѣлъ $^3/_4$ дес. на душу нечѣмъ. Вотъ тутъ-то и поджидаютъ нашего брата крестьянина коршуны-лѣсопромышленники. Подрядчики знаютъ, что къ нимъ съ поклономъ придетъ мужичекъ просить хлѣба подъ заработокъ. Скрѣпя сердце нанимается за половинную плату крестьянинъ, закабаляетъ себя въ бурлаки, заберетъ натурой харчей: понятно, и тутъ деревенскій торгашъ-міроѣдъ, онъ же и подрядчикъ, поровитъ содрать втридорога цѣну товара.

Цѣлую недѣлю и болѣе идетъ крестьянинъ пѣшкомъ до мѣста сплава за свой счетъ. Сплавъ начинается ранней весной, когда рабочему приходится отдыхать на мерзлой землѣ, безъ подстилки и окутки, подъ открытымъ небомъ, и часто случается, что просыпаешься утромъ, а тебя всего занесло снѣгомъ.

При сплавѣ все время стоишь въ холодной водѣ, не просушивая обертковъ, отчего развивается постепенно тотъ острый ревматизмъ, которымъ страдаютъ олончане и послѣдствіемъ котораго является ранняя смерть въ молодые годы. И вотъ на такой-то заработокъ, не болѣе 2—3 руб. въ недѣлю, кое-какъ прокормишь семью и на пудъ на два вмѣсто десяти заправишь сѣмена, которыя какъ-нибудь въ отсутствіе работника заковыряетъ въ землю престарѣлый отецъ или жена.

Вышелъ со сплава, глядишь уже сѣнокосъ подходитъ, но не радуйся—не для себя: себѣ косить, такъ что же станешь ѣсть? Идешь наниматься къ богатому сосѣду самъ и жена. Все лучшее время на него прокосишь, а когда уже участятся дожди и станутъ заливать наши низменные, осочные луга, соберешься домой. Оттого-то и накашиваешь на себя мало сѣна, да и то полугнилого, выщелоченнаго дождемъ, оттого-то и остается скотина безъ корма на зиму.

Вотъ такъ и горюешь, питаешься впроголодь однимъ ржанымъ хлѣбомъ, а такой пищи, какъ мясо, и во снѣ не видишь. Не даромъ во время мобилизаціи въ войну съ Японіей писали: прибыли туда то запасные изъ Олонецкой губ., видъ ихъ ужасный: сѣрыя, землистаго цвѣта, вытянутыя лица, со впалыми щеками, лихорадочно горящими глазами. Отъ недоѣданія, отъ тяжелой суровой работы, вотъ это отчего! А вѣдь земли и лѣсу у насъ довольно, да и на заработки наши никто пришлый изъ другихъ губерній не зарится, никто не сбиваетъ на нихъ цѣны. Вотъ почему наши кулаки и міроѣды не землю подбираютъ себѣ къ рукамъ, а наши мужицкія рабочія руки закабаляютъ на себя, пользуясь нашей нуждой.

Весь лѣсъ, что сплавляетъ изъ Олоніи казна, черезъ отдачу въ аренду казенныхъ лѣсовъ крупнымъ лѣсопромышленникамъ, вырубается и сплавляется нашими руками, вывозится нашими лошадьми, да только не въ нашу пользу. Всю рыбу, что вылавливаемъ мы въ своихъ озерахъ, всю дичь и звѣря, что наполѣсуемъ мы въ нашихъ

обширныхъ лѣсахъ, все мы отдаемъ за полцѣны міроѣдамъ да скупщикамъ, потому что намъ нужны деньги на подати и на хлѣбъ.

Да, земли много — болотъ, да каменныхъ горъ хоть отбавляй, десятинъ по 5—6 пожалуй на душу придется; земли много, да годной то мало. А сколько трудовъ положено въ нее и нами самими, и нашими дѣдами, и нашими прадѣдами, чтобы выкорчевать лѣса, разбить полянки подъ ниву, очистить ее отъ камней, осушить. Мы, государственные крестьяне, живемъ искони на государственной, казенной землѣ, въ крѣпости у помѣщиковъ не были. Казенная земля— значитъ, государственная, общенародная. А что сдѣлала съ нами казна, т. е. правительство, которое распоряжается казной, государственными землями и всѣмъ народнымъ достояніемъ? Оно заставило насъ выкупать нашу-же землю, искони нашимъ потомъ и кровью политую, заставило насъ платить за землю непомѣрные налоги. Недаромъ отъ налоговъ, отъ прямыхъ и отъ косвенныхъ—на желѣзо, на керосинъ, на спички, на табакъ, чай и сахаръ—житья не стало, ни къ чему притронуться нельзя, послѣдній грошъ рвутъ, послѣднюю телушку со двора выводятъ.

Милліарды руб. выколачиваетъ казна съ народа, а на что тратитъ? На войну, на жалованье и награды губернаторамъ и генераламъ за то, что безъ пощады разстрѣливаютъ народъ, когда онъ заговорилъ о своихъ нуждахъ, на полицію, на жандармовъ, на стражниковъ да на казаковъ, а также на казнокрадство чиновниковъ. У насъ въ губерніи двойной комплектъ чиновниковъ. Наши земства чиновничьи, потому что предсѣдатели земскихъ управъ не выбираются, а назначаются губернаторомъ, нерѣдко изъ бывшихъ становыхъ приставовъ.

Да и отъ тѣхъ гласныхъ, что идутъ по выборамъ отъ волостей, проку мало, потому что выборы не прямые, не равные и не тайные, а какъ и вездѣ черезъ десятидворниковъ, и вотъ въ земствѣ вмѣстѣ съ чиновниками засѣдаютъ ставленники земскаго начальника: волостные старшины, писаря, ямщики, подрядчики земства. Понятно, что отъ такого земства, кромѣ лишнихъ поборовъ въ придачу къ казеннымъ, никакой пользы нѣтъ для бѣднаго населенія. А вѣдь Олонецкое земство, говорятъ, самое богатое въ Россіи. Уѣздныя земства располагаютъ каждое свыше 200 тыс. руб. въ годъ, а губернское до $1^1/_2$ милліона, главнымъ образомъ отъ поземельнаго сбора съ об-

ширнѣйшихъ казенныхъ земель и лѣсовъ. И вотъ къ такимъ-то громаднымъ средствамъ припущены чиновники—ставленники правительства, а не народные избранники. Что-же они дѣлаютъ съ этими деньгами? Помогаютъ-ли крестьянамъ вызволиться отъ кабалы кулаковъ, скупщиковъ и подрядчиковъ? Ничуть не бывало. Они первымъ дѣломъ поназначали себѣ хорошіе оклады. Напримѣръ, предсѣдатель губернской земской управы получаетъ 6000 руб. въ годъ, то-же, что адмиралъ Того, что разбилъ русскій флотъ; предсѣдатели уѣздныхъ управъ по 3000 руб. Вся эта компанія земскихъ чиновниковъ обильно питаетъ около себя цѣлую уйму разныхъ подрядчиковъ и поставщиковъ. А для этого безъ конца ремонтируютъ мосты и дороги, строятся и ремонтируются земскія зданія и пр.

Вездѣ и всюду самодержавная правительственная власть понапихала чиновничью и полицейскую силу, чтобы лучше скрутить народъ по рукамъ и по ногамъ. И вотъ всѣ-то эти враждебныя крестьянству силы и соединились, чтобы провести въ Думу такого представителя крестьянъ, какъ Бѣлоусовъ. «Въ политикѣ же народъ нашъ теменъ» сказалъ Бѣлоусовъ. Будешь теменъ, когда на его шею насѣла такая туча всякихъ лиходѣевъ и начальства всякаго, которое для того только и существуетъ, вѣдь, чтобы держать народъ въ темнотѣ, невѣжествѣ, разорять и обманывать.

Но мы видимъ, что въ Думѣ не одинъ Бѣлоусовъ, Ерогинъ и имъ подобные, а напротивъ, гораздо больше такихъ, которые ни въ какія сдѣлки съ правительствомъ не вступятъ. Значитъ, были такія губерніи, въ которыхъ всѣ темныя силы правительства не смогли одолѣть крестьянство, какъ, напр., Саратовская, Вятская, Симбирская, губ. и др. Тамъ крестьянство проснулось раньше, раньше сумѣло разглядѣть, гдѣ его друзья и гдѣ враги. И мы видимъ, что тамъ еще до выборовъ въ Думу крестьяне начали соединяться въ крестьянскіе союзы, сообща обсуждать крестьянскія нужды, выписывать правдивыя газеты, читать книжки, разъясняющія крестьянскія нужды. Великую борьбу выдержало крестьянство въ этихъ мѣстахъ противъ чиновниковъ, полиціи, жандармовъ, поповъ, кулаковъ и помѣщиковъ. Членовъ крестьянскихъ союзовъ заточали въ тюрьмы, ссылали въ Сибирь и къ намъ на сѣверъ, цѣлыя полчища казаковъ нагоняли на деревни, сжигали самыя деревни.

Правительство чувствовало, что разъ крестьяне узнаютъ всю правду, откуда зло идетъ на нихъ, да соединятся въ союзы, то никакая сила не одолѣетъ всего крестьянства. Особенно свирѣпствовало правительство передъ выборами и во время самихъ выборовъ, но не сдавались крестьяне и, хоть не всегда, сумѣли провести въ Думу тѣхъ, кого-бы желали, зато и сторонникамъ правительства ходу не давали.

Большое спасибо борцамъ за крестьянское дѣло, за то, что они показали и намъ примѣръ, какъ слѣдуетъ бороться за нужды угнетеннаго трудового крестьянства.

4 іюня.

Крестьяне и рабочіе.

Крестьяне и рабочіе.

Когда въ Государственной Думѣ образовалась трудовая группа, въ которую вошли и рабочіе, и крестьяне, то нѣкоторыя газеты стали совѣтовать, чтобы трудовая группа разбилась на двѣ части: чтобы рабочіе соединились отдѣльно, а крестьянскіе депутаты отдѣльно. И нужно это, будто бы, потому, что вѣдь у тѣхъ и другихъ есть свои особыя, неодинаковыя нужды, и, значитъ, рабочіе должны вести свою линію, а крестьяне—свою. Но съ этимъ никакъ нельзя согласиться.

Прежде всего, всякій знаетъ, что большая часть фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ вышла изъ деревни. Въ деревню рабочій ѣздитъ на побывку, въ деревню возвращается когда съ нимъ стрясется какая нибудь бѣда, въ деревнѣ у рабочихъ остались братья и отцы, а иногда жены и дѣти. Рабочій—тотъ же крестьянинъ, только одѣтый въ синюю блузу и пиджакъ вмѣсто посконной рубахи и зипуна. Рабочіе и крестьяне—кровныя братья, связанные прямо кровнымъ родствомъ, и не пристало имъ раздѣляться другъ отъ друга.

Но, кромѣ этого кровнаго родства, крестьяне и рабочіе—братья и по духу, братья по общей бѣдственной участи, братья по общимъ своимъ завѣтнымъ желаніямъ. И тѣ, и другіе живутъ въ тѣсномъ, убогомъ жильѣ, не досыпаютъ и не доѣдаютъ, у тѣхъ и другихъ чахнутъ и мрутъ дѣти, а если выживутъ—остаются безъ образованія. И за счетъ вѣчной, непосильной работы крестьянъ и рабочихъ накопляются громадныя богатства, выростаютъ у богачей пышныя хоромы, ведется ими привольная, роскошная а иногда прямо развратная жизнь. У крестьянъ и рабочихъ накипѣло въ душѣ одно желаніе—прекратить эту вѣковую несправедливость и добиться человѣческой доли. И для этого тѣ и другіе провозглашаютъ одинъ и тотъ же кличъ: земли и воли! Воли и правды для всѣхъ, для всего трудового люда!

Что воля нужна одинаково и крестьянину, и рабочему—объ этомъ никто ужъ не споритъ. Безъ воли крестьянинъ и отъ земли радости получитъ немного. Если у народа нѣтъ воли самому устраивать удьбу, то всегда можно тѣмъ или инымъ способомъ отнять у него всѣ плоды его трудовъ—такъ и бывало во всемъ мірѣ. Безъ воли и рабочій не добьется хоть сколько-нибудь сносной человѣческой жизни.

Воля нужна одинаково всему трудовому люду. Но, спрашивается, земля? Для чего о ней заботиться фабричному рабочему? Но отвѣтъ, какъ нельзя больше, ясенъ. Если крестьянинъ добудетъ себѣ вволю земли, то отъ этого выгадаетъ и городской рабочій. Въ самомъ дѣлѣ, почему такъ трудно фабричному или заводскому рабочему добиться уменьшенія рабочихъ часовъ или повышенія заработной платы? Да потому, что на каждое мѣсто есть десятки безработныхъ, которые готовы хоть за хлѣбъ и уголъ работать съ утра до ночи, лишь бы не умереть съ голоду. Въ одномъ Петербургѣ теперь безработныхъ считаютъ—страшно сказать!—до 40,000 человѣкъ. А изъ кого состоитъ эта, какъ говорятъ, «армія безработныхъ»? Да, съ увѣренностью можно сказать, что огромная доля ихъ—деревенскіе жители, которыхъ выгнали изъ деревни безземелье да безвыходная нужда. Не очевидное ли дѣло, что какъ только въ деревнѣ земли хватитъ на всѣхъ, кто хочетъ трудиться, то перестанетъ крестьянинъ тянуться, отъ родныхъ полей въ городъ, а тогда городскому рабочему люду куда легче будетъ сковать себѣ долю да счастье.

Для фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ прямо желательно, чтобы у крестьянства были хорошіе достатки: отъ этого и ихъ положеніе только улучшится. Большая часть фабрикъ и заводовъ работаетъ у насъ, вѣдь, на деревню, гдѣ нужны и ситцы, и разныя желѣзныя орудія, и другіе предметы житейскаго обихода. Замѣчено, что въ урожайные годы сразу поднимаются барыши рѣшительно всѣхъ фабрикъ и заводовъ, потому что оказываются лишнія деньги въ деревнѣ. А если такъ, то сейчасъ же улучшается и положеніе фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ.

Наконецъ, если опять-таки всѣмъ ясно, что если рабочій будетъ жить привольно, такъ отъ этого выгадаетъ, въ свою очередь и самъ крестьянинъ. Вѣдь все, что крестьянинъ добываетъ съ земли, идетъ не въ деревню, а въ городъ, для городского населенія. Чѣмъ бо-

гаче живетъ городской рабочій людъ, тѣмъ бойчѣе пойдетъ и хлѣбъ, и всякіе сельскіе продукты. Вѣдь напримѣръ, въ Англіи обыкновенный рабочій *каждый день* ѣстъ мясо, яйца, молоко, зелень. Намъ даже повѣрить этому трудно — такъ мы привыкли къ нищенской жизни рабочихъ. Ну, а если будутъ такъ же жить рабочіе и у насъ—то прямая отъ того выгода и крестьянамъ.

Однимъ словомъ, крестьянскій и рабочій людъ—дѣйствительно, двое кровныхъ, родныхъ братьевъ и не раздѣляться имъ надо, а наоборотъ, соединяться другъ съ другомъ. Рука съ рукой, нога въ ногу, должны они итти къ лучшей долѣ и когда они пойдутъ дружно и смѣло, то нѣтъ такой силы, которая могла бы ихъ остановить!

18 мая. *Аловъ.*

Стачки рабочихъ.

Въ статьѣ «Охрана земли» мы упомянули, что если городскіе рабочіе кое-что и вырвали изъ жадныхъ рукъ правительства и своихъ хозяевъ, то только благодаря единодушнымъ, большимъ стачкамъ. Теперь остановимся на этомъ интересномъ вопросѣ подробнѣе.

Лѣтъ 25 тому назадъ рабочіе фабрикъ и заводовъ по образу своей жизни мало чѣмъ отличались отъ образа жизни животныхъ... Жадные хозяева рабочихъ были полновластны. Они заставляли ихъ работать по 18 часовъ въ плохихъ помѣщеніяхъ, платили самый скудный заработокъ, причемъ большую часть заработка отнимали въ видѣ штрафовъ въ свою пользу и переплаты за товары, которыми они платили рабочему вмѣсто денегъ. Заставляли они работать женщинъ и дѣтей, и на работу нерѣдко брали дѣтей 7-ми лѣтняго возраста. Рабочіе не знали праздниковъ и многіе изъ нихъ, не исключая женщинъ и дѣтей, работали по ночамъ. Увѣчные, больные, старики изгонялись съ фабрикъ голодать на улицу. Однимъ словомъ, было полное безправіе, полная неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ.

Рабочіе, конечно, не могли мириться съ такою жизнью и время отъ времени то тутъ, то тамъ бросали скопомъ работы и съ угрозами требовали отъ хозяевъ улучшенія своего положенія. Уже въ

70-хъ годахъ газеты на своихъ страницахъ описали забастовку петербургскихъ портныхъ... Съ годами число стачекъ рабочихъ все увеличивалось; къ восьмидесятымъ годамъ число стачекъ возрасло на столько, что стачки замѣтно стали бить по карману хозяевъ и пугать правительство. Желая успокоить рабочихъ, правительство въ 1882 году издало первый фабричный законъ, который воспрещалъ хозяевамъ брать на работу дѣтей до 12-ти лѣтняго возраста, воспрещалъ также дѣтямъ (отъ 12 до 15 лѣтъ) работать болѣе 8-ми часовъ въ день, а также работать по ночамъ. Это былъ первый успѣхъ рабочихъ; стачка получила въ ихъ глазахъ довѣріе. Въ 84 году число забастовокъ увеличилось, рабочіе добивались отмѣны ночного труда для женщинъ. Въ этомъ же году послѣдовалъ законъ, который запретилъ хозяевамъ ткацкихъ и прядильныхъ фабрикъ заставлять женщинъ и подростковъ (отъ 15 до 17 лѣтъ) работать по ночамъ. Ободренные этимъ успѣхомъ рабочіе фабрикъ Московской и Владимірской губерній объявили большую забастовку; въ этой забастовкѣ приняло участіе много фабрикъ, разбросанныхъ по этимъ губерніямъ.

Правительство испугалось не на-шутку и въ 1886 году издало законъ, который запрещалъ хозяевамъ штрафовать рабочихъ въ свою пользу, платить товаромъ вмѣсто денегъ, задерживать заработную плату, обращаться съ рабочими грубо. Уступая рабочимъ, законъ 86 года въ то же время запретилъ стачки рабочихъ и пригрозилъ тюрьмою всякому рабочему, который путемъ стачки будетъ добиваться улучшенія своего положенія.

Но, вѣдь, если человѣкъ повѣритъ во что нибудь, то никакая угроза его не остановитъ. Въ отвѣтъ на разрѣшеніе стачекъ рабочіе петербургскихъ фабрикъ и заводовъ въ 1896 году устроили большую стачку. Испугавшееся правительство отвѣтило на эту стачку закономъ 1897 года, который запрещалъ хозяевамъ заставлять своихъ рабочихъ работать болѣе 16½ час. въ день, запрещалъ также работать по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ.

Не прошло и 6 лѣтъ послѣ забастовки 96 года, какъ въ 1903 году разразилась еще большая стачка. Эту стачку называютъ первой всеобщей стачкою, такъ какъ одновременно забастовали рабочіе на Кавказѣ, въ Донецкой области, Москвѣ, Петербургѣ. При этой стачкѣ были столкновенія рабочихъ съ войсками, причемъ въ Екатерино-

славѣ было убито 11 рабочихъ. Эта стачка дала рабочимъ законъ 2 іюня 1903 года, который заставляетъ хозяевъ лечить увѣчныхъ рабочихъ и платить увѣчнымъ рабочимъ вознагражденіе.

Наконецъ, въ 1905 году разразился рядъ стачекъ, слившихся въ великую всеобщую забастовку. Рано подсчитывать результаты этой забастовки, но непосредственно рабочимъ она дала—отмѣну законовъ, наказывающихъ рабочихъ за забастовки и разрѣшеніе рабочимъ устраивать общества и союзы съ цѣлью сговариваться для борьбы труда съ кабалою.

Мы разсмотрѣли тѣ стачки, которыя давали благопріятный результатъ для всѣхъ рабочихъ. Кромѣ этихъ большихъ, общихъ стачекъ почти каждый день происходятъ маленькія, частичныя стачки; онѣ приносятъ тоже не мало хорошаго для рабочихъ. Тамъ смотришь увеличили плату, тамъ улучшили пищу, тамъ прогнали грубаго мастера, который билъ рабочихъ, тамъ улучшили помѣщенія, въ которыхъ раньше задыхались рабочіе и т. п. Такъ напримѣръ, за десять лѣтъ (съ 1894 по 1904 г.) стачки были на 1765 промышленныхъ заведеніяхъ, причемъ изъ 100 стачекъ 50 принесли ту или иную пользу для рабочихъ.

Въ заключеніе мы можемъ сказать, что путемъ стачекъ городскіе рабочіе много отвоевали себѣ у правительства и хозяевъ—много, но далеко еще не все... Сельскіе рабочіе путемъ стачекъ, конечно, достигнутъ тѣхъ же результатовъ... Когда же послѣдуетъ соединеніе въ борьбѣ сельскихъ и городскихъ рабочихъ, то эта будетъ такая сила, которая возьметъ все, что принадлежитъ трудовому народу.

19 мая. *Мих. Радловъ.*

РАБОЧЕЕ ДѢЛО.

Городскіе рабочіе (пролетаріатъ) давно додумались до той простой мысли, что *освобожденіе рабочихъ* отъ рабства, угнетенія и нищеты—*дѣло самихъ рабочихъ*. Если еще не такъ давно и были рабочіе, которые по наивности надѣялись, что улучшеніе ихъ быта послѣдуетъ отъ властей земныхъ и небесныхъ, то такихъ въ наши дни пожалуй не найти: надежды эти были разстрѣляны христолюби-

вымъ воинствомъ 9 января 1905 года въ Петербургѣ и въ другіе мѣсяца того же года—на улицахъ и площадяхъ многихъ городовъ Россіи и ея окраинъ (Польша, Кавказъ). Разговорами при помощи нагаекъ, пулеметовъ и пушекъ власти земныя окончательно отрезвили рабочихъ и указали имъ тѣ мѣста, куда нельзя съ иконами и хоругвями итти съ челобитными.

Освобожденіе рабочихъ—дѣло самихъ рабочихъ—стало символомъ вѣры рабочихъ, и они имъ руководствуются во всѣхъ своихъ дѣлахъ. Такъ, напримѣръ, когда самодержавное правительство отклонило всѣ требованія Государственной Думы, съ которыми она въ извѣстномъ адресѣ обратилась къ царю, то депутаты рабочихъ въ полномъ своемъ составѣ (14), слѣдуя своему символу вѣры, обратились съ воззваніемъ ко всѣмъ рабочимъ Россіи. Въ этомъ горячемъ воззваніи депутаты, напоминая, что нечего имъ ждать благъ отъ властей, приглашаютъ рабочихъ сплачивать свои ряды, организоваться, соединяться, однимъ словомъ, собирать для предстоящей борьбы свои силы, такъ какъ пишутъ депутаты: «не безвластная Дума при чиновничьемъ правительствѣ сможетъ выполнить всѣ требованія народа, а только полновластное учредительное собраніе, избранное на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права, безъ различія вѣры, національности и пола».

Слѣдуя тому же символу вѣры, рабочіе рядомъ съ учредительнымъ собраніемъ требуютъ 8-часового рабочаго дня. Чтобы принимать дѣятельное участіе въ политической и общественной жизни страны, помимо охоты, надо имѣть свободное время и необходимыя познанія. На что избирательныя права тѣмъ, кто не имѣетъ времени и умѣнія ими воспользоваться? Проработавъ на тяжелой работѣ, въ душныхъ помѣщеніяхъ, 12—15 часовъ рабочій, такъ изнуряется и устаетъ, что ему милѣе жесткая кровать на какомъ нибудь чердакѣ, чѣмъ большія, ярко освѣщенныя залы, гдѣ люди собираются заниматься политикой и рѣшать тѣ или иные государственные вопросы. Другое дѣло, если рабочій день будетъ продолжаться 8 часовъ. Послѣ 8 часовъ сна и 8 часовъ работы въ распоряженіе рабочаго остается еще 8 часовъ: онъ можетъ пойти на собраніе, читать книги, газеты, принять самое дѣятельное и непосредственное участіе въ общественныхъ дѣлахъ своего завода, своего города, своей родины.

Есть страны (Франція, Германія и др.), гдѣ давно уже дѣйствуетъ

всеобщее избирательное право, но оно задавленному длиннымъ рабочимъ днемъ рабочему, мало даетъ свѣта и тепла. Въ этихъ странахъ до сихъ поръ выборщики передаютъ власть не представителямъ большинства—трудового народа,—а представителямъ меньшинства—купцамъ, фабрикантамъ, крупнымъ землевладѣльцамъ, къ услугамъ которыхъ много свободнаго времени, много золота, на которое покупаются искусные въ подлости ораторы, многіе газетчики и ученые, которые обманываютъ и дурачатъ избирателей, въ томъ числѣ и рабочихъ, забитыхъ нуждою и работою настолько, что они не знаютъ, что говорятъ.

Предвидя то же самое и у насъ при всеобщемъ избирательномъ правѣ, рабочіе, чтобы предупредить это печальное явленіе, требуютъ настойчиво 8-ми часового рабочаго дня. Такой короткій, сравнительно съ существующимъ, рабочій день нуженъ рабочимъ не для того, чтобы бездѣльничать, отдыхать, а для того, чтобы набираться силъ вести безпощадную борьбу за свое окончательное и полное освобожденіе.

24 мая. *Мих. Радловъ.*

Пропадутъ ли фабрики и заводы при правѣ народа на землю?

Одно изъ главныхъ требованій трудовой группы — дать всякому въ Россіи право на землю, при условіи обрабатывать ее своимъ собственнымъ трудомъ. Взглядъ этотъ—не придуманный и не сочиненный. Желаетъ этого вся русская земля, кромѣ нѣкоторыхъ окраинъ. Требуетъ этого весь русскій народъ.

Однако, противъ такого взгляда приходится слышать много возраженій. Возраженія—разныя. Одни недовольны тѣмъ, что нарушается частная собственность на землю, и у землѣвладѣльцевъ земля будетъ насильно отобрана въ пользу народа. Съ этими людьми и разговаривать не приходится.

Такъ же кричали крѣпостники, когда крестьянъ отпускали на волю. Только тогда говорили о неприкосновенности частной собственности на живыхъ людей.

Но на другомъ возраженіи нужно остановиться, потому что дѣ-

лаютъ его наши же братья-рабочіе (правда, не всѣ). Такъ напримѣръ, рабочая газета «Курьеръ», разобравши земельный законъ, который предлагаетъ трудовая группа, находитъ, что онъ крайне плохъ. Если бы дать всякому право на землю, то, говоритъ газета, тогда былъ сразу рѣшенъ не только крестьянскій, но и рабочій вопросъ. «Была бы уничтожена всякая зависимость наемнаго рабочаго отъ хозяина, ибо рабочій, недовольный условіями своего наемнаго труда, всегда могъ бы потребовать и получилъ бы отъ государства кусокъ земли, достаточный для прокормленія, и ссуды на пріобрѣтеніе скота, сѣмянъ и орудій».

Святая правда, то, что рабочій при такихъ порядкахъ имѣлъ бы, гораздо больше силы въ борьбѣ съ фабрикантами и заводчиками: тѣснитъ его слишкомъ хозяинъ—онъ всегда найдетъ себѣ пріютъ въ деревнѣ; ясное дѣло—онъ легко добьется себѣ на фабрикѣ человѣческой жизни. У хозяина руки будутъ коротки помыкать имъ такъ, какъ теперь.

Но газета дѣлаетъ еще другой выводъ, который, къ сожалѣнію, высказываютъ и многіе рабочіе: что тогда рабочіе совсѣмъ не захотятъ работать въ городѣ и всѣ фабрики и заводы прикроются, потому что не будетъ рабочихъ рукъ. Вотъ съ этимъ уже никакъ нельзя согласиться.

Во-первыхъ, не всякій рабочій захочетъ и пойти въ деревню. Многіе привыкли къ городской жизни, а отъ деревенской работы отвыкли. Если такому рабочему обезпечить въ городѣ хорошій достатокъ, а не теперешнюю каторжную долю, то онъ и не захочетъ ломать всей своей жизни и останется въ городѣ. А хорошаго достатка онъ легко можетъ добиться. Вѣдь, если дать народу землю, то жизнь его сейчасъ же улучшится и онъ начнетъ жить по человѣчески. Это только теперь онъ не имѣетъ даже самаго необходимаго: ни платья, ни хорошей пищи, ни всякихъ нужныхъ въ хозяйствѣ вещей, ни книгъ, ни всего прочаго, что получается при помощи рукъ рабочихъ. А когда онъ станетъ богаче, то онъ станетъ пользоваться всѣмъ этимъ такъ же, какъ горожанинъ и, значитъ, для фабрикъ, заводовъ и всевозможныхъ промышленныхъ заведеній откроется огромный сбытъ въ народѣ всего, что они выдѣлываютъ (продуктовъ); откроется, какъ говорятъ «внутренній рынокъ». Такъ тутъ не погибать и не прикрываться фабрикамъ и заводамъ, а наоборотъ тутъ-то и станутъ

они на прочную ногу; теперь же они только субсидіями да мошенничествами и живутъ.

Во-вторыхъ же, нужно сказать еще и то, что вѣдь въ деревнѣ вовсе еще не наступитъ рай, когда всякому дать право на землю. Похозяйничали, вѣдь, прежніе господа Россіи довольно: деревня разорена до-тла и долго, долго еще придется ей выбиваться изъ своей неволи. Конечно, выбьется она непремѣнно, но пока придется ей сильно побиться. Не обойтись ей еще долгое время безъ подсобныхъ заработковъ, чтобы поправить разоренное хозяйство. Волею-неволею придется подрабатывать на фабрикахъ и заводахъ. Да и въ дальнѣйшемъ, если будутъ свободныя руки, то отчего же не послать ихъ на работу въ городъ, если тамъ—не каторга, а человѣческая жизнь.

Однимъ словомъ, опасенія, будто при правѣ всякаго на землю фабрики и заводы пропадутъ, совсѣмъ неосновательны. Не пропадутъ они, а процвѣтутъ И если дать право на землю всякому, то не только для крестьянина, но и для рабочаго настанетъ лучшая доля

28 мая. *А. В. Глѣбовъ.*

Правительство.

Царь, Дума и министры.

27-го апрѣля, въ Петербургѣ, въ своемъ Зимнемъ дворцѣ царь принялъ народныхъ представителей—членовъ Государственной Думы.

Царь былъ окруженъ высшими чиновниками въ залитыхъ золотомъ мундирахъ, придворной челядью, разряженными женщинами и войсками... Депутаты стояли въ сторонкѣ толпой, скромно и даже бѣдно одѣтые.

Царь привѣтствовалъ представителей народа, какъ лучшихъ людей, призванныхъ имъ для того, чтобы помочь ему въ законодательной работѣ, чтобы выяснить нужды крестьянства и помочь этимъ нуждамъ.

Съ глубокимъ вниманіемъ слушали депутаты царскую рѣчь. Многіе изъ нихъ, особенно нѣкоторые крестьянскіе депутаты, ожидали, что первая встрѣча царя съ представителями народа будетъ болѣе сердечной, болѣе простой. Но видно во дворцѣ особые порядки. Съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не суйся. Примирились съ этимъ. Все же царь самъ сказалъ, что хочетъ работать вмѣстѣ съ избранниками народа, вмѣстѣ съ ними облегчить народныя нужды, народное горе. И депутаты приступили къ своей важной отвѣтственной и тяжелой работѣ.

Прежде всего они рѣшили отвѣтить на царскій призывъ и сказать ему открыто и прямо, въ чемъ они видятъ главныя бѣды народа и какими способами и средствами думаютъ эти бѣды можно поправить и какъ умиротворить Россію.

Но въ первомъ же засѣданіи, когда народные представители, послѣ пріема у царя собрались въ Таврическомъ дворцѣ, который отведенъ Государственной Думѣ, — они сердцемъ почувствовали и умомъ поняли, что нельзя и думать о какомъ-либо умиротвореніи нашей родины до тѣхъ поръ, пока въ тюрьмахъ томятся десятки тысячъ нашихъ братьевъ, которые попали туда только за то, что

хотѣли сами добиться лучшей доли и для себя и для всего русскаго народа, за то, что болѣе смѣло, чѣмъ другіе, боролись за правду и свободу.

И Государственная Дума, какъ одинъ человѣкъ, слилась въ одномъ кликѣ: «*Амнистія*». Народные представители единодушно и твердо заявили: прежде всего нужно освободить всѣхъ заключенныхъ въ тюрьмахъ за такъ называемыя политическія, аграрныя или религіозныя преступленія.

Въ этомъ «крикѣ сердца» Дума слилась со всей Россіей, со всѣми, кто еще не утратилъ окончательнаго стыда и совѣсти...

Затѣмъ народные представители приступили къ обсужденію отвѣта царю.

Трудная была эта работа. Трудная потому, что не всѣ депутаты во всемъ согласны другъ съ другомъ.

Но нужно быть справедливымъ и замѣтить, что несмотря на большое число депутатовъ изъ образованныхъ господъ, только немногіе изъ нихъ выдвигали на первый планъ помѣщичьи интересы.

Были и другія трудности. Наиболѣе многочисленная партія въ думѣ—партія «народной свободы» (кадетская) — особенно стремилась къ тому, чтобы въ отвѣтѣ царю не было бы ни для кого ничего обиднаго. Такъ, напримѣръ, по настоянію этой партіи въ отвѣтѣ (адресѣ) царю не требовали отдачи подъ судъ тѣхъ министровъ и чиновниковъ, которые уже послѣ манифеста 17-го октября «о свободахъ» отдавали приказанія полиціи и войскамъ избивать и разстрѣливать мирныхъ гражданъ, сжигать деревни, громить изъ пушекъ русскіе города, устраивать черносотенные погромы и вообще совершать разные убійства, грабежи и насилія.

На всякія уступки пошли крестьянскіе депутаты лишь бы сказать свое слово царю, лишь бы слово это было единодушнымъ заявленіемъ всей Думы.

Цѣлую недѣлю проработали депутаты надъ составленіемъ этого отвѣтнаго адреса, но только 6-го мая онъ былъ окончательно готовъ.

Въ этомъ адресѣ Государственная Дума заявила царю слѣдующее:

Въ словахъ царя, сказанныхъ при пріемѣ депутатовъ 27 апрѣля, Дума видитъ обѣщаніе, что начала народной свободы (конституція), возвѣщенныя въ манифестѣ 17 октября, будутъ развиваться въ совмѣстной законодательной работѣ царя и народныхъ представителей

и приведутъ къ тому, что новый парламентъ, новая Дума будетъ созвана на основѣ всеобщаго избирательнаго права,—т. е. всѣ граждане на равныхъ правахъ примутъ участіе въ избраніи народныхъ представителей. Дума будетъ стремиться установить въ Россіи миръ, порядокъ и свободу, но начать это возможно только тогда, когда будутъ осуществлены на дѣлѣ свободы, обѣщанныя въ манифестѣ 17 октября, когда самъ народъ будетъ участвовать въ законодательствѣ, когда министры будутъ отвѣтственны передъ народными представителями. Нынѣ же, говоритъ адресъ, «главной язвой всей нашей государственной жизни является самовластіе чиновниковъ, отдаляющихъ царя отъ народа... Уже первые дни свободы омрачились позоромъ безсудныхъ казней, погромовъ, разстрѣловъ и заточеній... Никакое умиротвореніе страны невозможно дотолѣ, доколѣ не станетъ ясно народу, что не дано властямъ творить насилія, прикрываясь именемъ, доколѣ всѣ министры не будутъ отвѣтственны передъ народнымъ представительствомъ. Но для того, чтобы достигнуть этого, прежде всего необходимо освободить Россію отъ военнаго положенія, отъ усиленной и чрезвычайной охраны, при которыхъ министры, чиновники, полиція и военная власть залили братской кровью и въ конецъ разорили нашу родину». Затѣмъ, по мнѣнію Государственной Думы, нужно уничтожить всякое средостѣніе между царемъ и народомъ и для этого прежде всего распустить Государственный Совѣтъ; нужно окончательно подчинить волѣ народныхъ представителей установленіе и взиманіе налоговъ; нужно издать точный законъ о неприкосновенности личности, свободы слова и печати, свободы союзовъ, собраній и стачекъ; нужно установить равенство всѣхъ гражданъ безъ исключенія передъ закономъ; нужно отмѣнить навсегда смертную казнь и нынѣ же властью государя пріостановить исполненіе всѣхъ смертныхъ приговоровъ. Дума заявила государю, что она считаетъ своимъ долгомъ выработать законъ для удовлетворенія острой земельной нужды крестьянства, удовлетворить эту нужду землями казенными, удѣльными, кабинетскими, монастырскими, церковными, а также и частновладѣльческими, отчудивъ всѣ эти земли въ народный земельный фондъ.

Затѣмъ Дума заявляетъ царю, что она позаботится о томъ, чтобы ввести въ Россіи всеобщее безплатное обученіе, чтобы укрѣпить въ арміи и флотѣ справедливость и право, чтобы разсмотрѣть и удовле-

рить требованія отдѣльныхъ національностей, входящихъ въ составъ русскаго государства, признать за ними право жить и устраиваться по своему, охранять свои обычаи, свой языкъ и свою вѣру. Кончается думскій адресъ тѣмъ-же, чѣмъ началось первое засѣданіе Государственной Думы—амнистіей. «Государь!—заявляютъ народные представители, —Дума ждетъ отъ васъ полной политической амнистіи, какъ перваго залога пониманія и взаимнаго согласія между царемъ и народомъ».

Составивъ этотъ адресъ, Государственная Дума постановила передать его царю въ собственныя руки черезъ предсѣдателя Думы, его двухъ помощниковъ и секретаря.

Но государь не пожелалъ лично принять этотъ адресъ изъ рукъ народныхъ представителей, и предсѣдателю Думы было заявлено министромъ царскаго двора, чтобы адресъ былъ переданъ черезъ особыхъ чиновниковъ. Обидно было депутатамъ получить новое оскорбленіе отъ правительства, но вспомнили они, что народъ послалъ ихъ добывать волю и землю и не только обиду претерпѣть, но даже и пострадать за народъ, если нужно будетъ, — вспомнили и старую пословицу: «жалуетъ царь, да не жалуетъ псарь» и рѣшили, что если нельзя лично царю этотъ адресъ передать, то пусть хоть черезъ чиновниковъ дойдетъ до него слово народныхъ представителей. Лишь бы дошло.

Дошелъ или не дошелъ до царя адресъ Государственной Думы, про то неизвѣстно. Вѣроятно, дошелъ. Но только отвѣтъ Дума получила не отъ царя, а отъ министровъ. 13 мая предсѣдатель совѣта министровъ Горемыкинъ прочелъ въ Таврическомъ дворцѣ передъ лицомъ Государственной Думы заявленіе — такъ называемую министерскую декларацію. Въ этой длинной декларацін совѣтъ министровъ заявляетъ, что обсуждать вопросъ о введеніи всеобщаго голосованія при избраніи членовъ Думы теперь *преждевременно*, что предлагаемое Думой отчужденіе земель для передачи ея трудовому народу *недопустимо*. Что же касается вопроса объ отвѣтственности министровъ передъ народнымъ представительствомъ, объ упраздненіи Государственнаго Совѣта, о подчиненіи волѣ народныхъ представителей установленія и взиманія налоговъ, то они — министры — успѣли за нѣсколько дней до открытія Думы издать новые основные законы, которыми установлено, что всѣхъ этихъ вопросовъ народные

представители касаться не имѣютъ права, что все это остается по-прежнему въ рукахъ чиновниковъ.

Также нечего заботиться народнымъ представителямъ о справедливости въ войскахъ и флотѣ, такъ какъ тамъ, по мнѣнію министровъ, справедливости достаточно и все обстоитъ благополучно. Эти же основные законы запрещаютъ Думѣ касаться исключительныхъ законовъ, военнаго положенія, усиленной охраны; всѣ эти ужасы должны по мнѣнію министровъ остаться, заключенные же въ тюрьмахъ борцы за землю и волю выпущены не будутъ, никакой амнистіи дано не будетъ. Однимъ словомъ, всѣ предложенія Думы отвергнуты министромъ. Все остается по старому: государствомъ по прежнему будутъ править чиновники, по прежнему они будутъ разорять Россію, по прежнему всюду лихоимство, безсудіе, произволъ и насиліе надъ народомъ, по прежнему крестьяне будутъ, помирать медленной смертью отъ безземелья, а рабочіе отъ безработицы, по прежнему полиція, казаки и войска будутъ избивать своихъ же братьевъ, жечь и грабить свои же русскіе города. Что могли отвѣтить народные представители на такое наглое издѣвательство министровъ!?. Только одно,—что народные представители не признаютъ этихъ министровъ за правительство и не хотятъ имѣть съ ними никакого дѣла. Такое рѣшеніе и приняла Дума почти единогласно (за исключеніемъ 7 человѣкъ).

Правительство, заявили депутаты, совершенно не желаетъ удовлетворить народныхъ требованій и ожиданій земли, правъ и свободы, не желаетъ избавить отъ новыхъ испытаній Россію, измученную нищетой, безправіемъ и произволомъ, потому Дума считаетъ своимъ священнымъ долгомъ заявить народу, что она выражаетъ полное недовѣріе нынѣшнему министерству и утверждаетъ, что только немедленный выходъ министровъ въ отставку и замѣщеніе ихъ новыми пользующимися довѣріемъ народныхъ представителей, можетъ положить начало общему умиротворенію Россіи.

Дума сказала министрамъ: уходите, вы обманываете народъ; но министры не хотятъ повиноваться народнымъ представителямъ и не думаютъ уходить съ своихъ теплыхъ мѣстечекъ, они цѣпляются жадными руками за жирные оклады и по-прежнему куютъ ковы народу, по-прежнему творятъ свои преступленія именемъ царя.

А царь?

Онъ вѣритъ своимъ министрамъ. 18-го мая.

О звѣздной палатѣ.

(*Историческая справка*).

Въ послѣднее время газеты часто упоминаютъ о такъ называемой «звѣздной палатѣ», которая и вершитъ теперь всѣ дѣла русскаго народа. Такъ зовутъ теперь кружокъ важныхъ чиновниковъ и генераловъ, который и является у насъ настоящимъ правительствомъ. Имъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до народнаго блага и даже до судьбы всей Россіи. Погулять да повластвовать вволю — а тамъ хоть сгинь русская земля! Конечно, вина лежитъ на всѣхъ, въ чьихъ рукахъ находится Россія; но тонъ всему теперешнему беззаконію задаетъ эта «звѣздная палата».

Откуда взялось это названіе? Конечно, у всей этой компаніи звѣздъ, крестовъ да орденовъ не счесть; всѣ они — люди высокаго ранга, всѣ звѣздоносцы.

Но главный смыслъ названія не въ этомъ. Слово звѣздная палата взято изъ англійской исторіи. Такъ называлось въ Англіи въ давнее время особое беззаконное судилище, при помощи котораго король боролся съ народной свободой. Уже много сотенъ лѣтъ тому назадъ народъ побѣдилъ въ Англіи короля и тамъ было введено правленіе черезъ народныхъ представителей. Но впослѣдствіи (въ 17 вѣкѣ) король англійскій захотѣлъ вернуть себѣ власть. Народные представители были разогнаны, народные вожди заключены въ темницу, и въ жилищахъ гражданъ были расквартированы войска. Такъ какъ народъ все-таки не уступалъ и не отказывался отъ своихъ требованій, то и стало дѣйствовать особое страшное судилище, которое называлось «звѣздной палатой». Она прославилась тѣмъ, что совершенно не стѣснялась законами. Когда по закону осудить враговъ короля было нельзя — придумывалось какое нибудь беззаконіе; это называлось пополненіемъ «пробѣловъ» въ законахъ. Однимъ словомъ, все дѣлалось такъ, какъ теперь у насъ въ Россіи...

Вотъ почему и нашихъ звѣздоносцевъ—правителей, плюющихъ на правду, на честь, на законъ—назвали также «звѣздной палатой».

Намъ зададутъ вопросъ: что же было въ Англіи дальше? Случи-

лось тамъ то, что должно случиться въ каждой странѣ, гдѣ народъ рѣшительно встанетъ за свои права: народъ англійскій уничтожилъ всѣхъ своихъ враговъ. Побѣда осталась за народомъ, и звѣздная палата была распущена.

Король Карлъ I, однако, уступилъ народу только для виду, на самомъ же дѣлѣ готовился къ нападенію на народныхъ представителей. Онъ попытался захватить нѣсколькихъ народныхъ вождей, но это ему не удалось и онъ долженъ былъ бѣжать. Загорѣлась война, король попалъ въ руки народа; черезъ три года его судили и въ 1649 году онъ былъ казненъ за посягательство на свободу народа.

Онъ сошелъ въ могилу заклейменный именемъ тирана; звѣздная палата оставила по себѣ въ исторіи проклятую память...

Вотъ небольшая справка изъ исторіи. Принять ее къ свѣдѣнію не мѣшаетъ и народу, и тѣмъ, кто наступилъ на его горло тяжелой пятой...

19-го мая. *Аловъ*.

Письмо на родину.

Итакъ свершилось. День великой исторической важности уже миновалъ. День, котораго такъ долго, съ такимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждала вся измученная обнищалая страна, день, на которомъ зиждились надежды всего русскаго народа. Рѣшительное слово опьянѣлаго, сытаго и черстваго правительства, какъ траурную вѣсть на похоронахъ общей надежды — принесетъ міру злополучный телеграфъ. И пусть вѣдаетъ страна, пусть повѣдаетъ весь обиженный, обойденный и униженный міръ, гдѣ главный и основной корень зла, горя и угнетенія всего русскаго народа. И пусть знаетъ пославшій насъ народъ, что пока этотъ корень зла не будетъ сокрушенъ и стертъ съ лица земли русской, до тѣхъ поръ немыслимо народное благо.

13 мая сего года народные представители Россіи имѣли несчастіе лично и подробно ознакомиться съ силами и маневрами внѣдрившагося въ тѣло Россіи—народнаго врага. Мы въ первый разъ послѣ многовѣковой тяжелой борьбы встрѣтились съ нашимъ врагомъ лицомъ

къ лицу. Трудно описать то роковое тяжелое чувство, съ которымъ мы встрѣтили первую публичную рѣчь министровъ. Мы заранѣе знали, съ кѣмъ имѣемъ дѣло и что отъ этихъ клячъ можно ожидать. Скажу за себя, что еще до выслушиванія ихъ нахально-жестокой галиматьи, до составленія резолюціи я твердо настаивалъ на томъ, чтобы сразу встрѣтить ихъ слѣдующими словами: «Прежде чѣмъ выслушивать ваши изреченія и измышленія, Государственная Дума считаетъ своимъ прямымъ долгомъ спросить васъ, а что сдѣлано вами въ области тѣхъ неотложныхъ порученій отвѣтнаго адреса, которыя мы уполномочивали васъ исполнить неукоснительно и неотложно?» Если бы министры отвѣтили намъ, что амнистія и ей подобные вопросы не подлежатъ ихъ разрѣшенію и что они ничего не могли сдѣлать, тогда мы должны были отвѣтить имъ, что мы посредниковъ между царемъ и Думой, согласно манифесту 17-го октября и порученію народа, не признаемъ, а поэтому, если вы не уполномоченные государя, то мы васъ выслушивать не намѣрены. Вы—исполнительная власть законодательнаго учрежденія—Думы». Но Дума оказалась терпѣливѣе меня, она выслушала спокойно дряхлыя бредни министровъ и только послѣ этого дала оцѣнку Горемыкинскому министерству.

Министерство оказалось ретивымъ, наслѣдникъ же Акимова выступилъ даже съ нами въ споры. Онъ рьяно защищалъ, что правительство издавна, со временъ татарщины, зиждилось на закономѣрности и справедливости, что если бы правительственные разбойники Гуріи, Прибалтійскаго Края, Польши и центральной Россіи не творили беззаконій, не жгли и грабили жилищъ, то это подрывало бы устои государства. Онъ говорилъ, что упраздненіе частной земельной собственности и надѣленіе ста милліоновъ крестьянъ землею подорветъ пресыщенное благосостояніе пауковъ-помѣщиковъ, что равноправіе всѣхъ гражданъ уничтожитъ преимущество дворянъ надъ крестьянами; что отмѣна чрезвычайныхъ судовъ, военнаго положенія и усиленной охраны и замѣна ихъ общимъ для всѣхъ справедливымъ судомъ, безъ всякихъ изъятій и исключеній, по его мнѣнію, не позволитъ полиціи и помѣщикамъ спокойно издѣваться и грабить мужичковъ-крестьянъ. Онъ думаетъ, что смертная казнь, въ корнѣ упраздняя всякія убійства, лишитъ нашихъ талантливыхъ генераловъ главнаго средства для порабощенія страны.

Наши министры упорно съ закрытыми глазами на жизнь продол-

жаютъ насъ убѣждать, что свобода безъ штыковъ, тюремъ, пулеметовъ, ссылокъ и карательныхъ экспедицій—немыслима. Русскій народъ, хорошенько запомни все, что нагло говорилось министрами, и иди впередъ смѣло. Къ этому обязываютъ тебя стоны и вопли томящихся и изнывающихъ по тюрьмамъ твоихъ братьевъ; голоса отцовъ и матерей твоихъ, выброшенныхъ этими ожирѣвшими, тупыми чиновниками на улицу, на голодъ и холодъ, вопли оскорбленныхъ, измученныхъ и изнасилованныхъ твоихъ матерей и сестеръ. Оглянись кругомъ, русскій народъ: какая ширь, какая даль и какъ необъятна сила народа.

Пусть всѣ эти ужасы придадутъ грозному твоему шествію несокрушимую рѣшимость и непобѣдимую силу.

Насильники, глумившіеся надъ волей народа, ждутъ твоего суда.

19 мая. Членъ Государственной Думы *А. Е. Тесля.*

СТѢНА.

Что же дальше? Что будетъ дѣлать теперь Дума послѣ того какъ она твердо и мужественно заявила, что не признаетъ правительствомъ ту кучу звѣздоносныхъ хищниковъ, которые называютъ себя министрами?

Они отказываются повиноваться волѣ народныхъ представителей, они не желаютъ отказаться отъ власти, они продолжаютъ убійства и насилія.

Что же дальше?

За Горемыкинымъ стоитъ всесильный временщикъ Треповъ, дворцовый комендантъ, самый приближенный къ царю человѣкъ,—за Треповымъ—полки солдатъ, казаковъ, пушки и пулеметы.

Толстая стѣна невѣжества, злобы и грубой силы.

За Думой—только народное горе и народная воля.

Но народная воля не выковала еще народнаго меча.

Что же дальше? Что же дѣлать? Стѣна не разсыплется отъ рѣчей депутатовъ, хотя бы онѣ были громче іерихонскихъ трубъ.

Только одинъ выходъ, только одна задача можетъ быть теперь у

народныхъ представителей: каждымъ своимъ шагомъ, каждымъ словомъ усиливать и укрѣплять свою связь съ народомъ.

Запросы Думы министрамъ только ослабляютъ значеніе Думы и укрѣпляютъ «Звѣздную палату».

Обращеніе народныхъ представителей должны направляться теперь только въ одну сторону—къ народу. Только эти обращенія достойны Думы, и только они одни могутъ дать ей силу разрушить проклятую стѣну.

19 мая.

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ И «ИСТИННО-РУССКІЕ» ЛЮДИ.

Дума высказалась за немедленную отмѣну смертной казни.

Со всѣхъ сторонъ Россіи несутся голоса: «Отмѣна смертной казни! Долой смертную казнь!»

Лучшая часть русскаго народа ясно и твердо сказала: «Смертная казнь—это убійство, это нарушеніе всѣхъ законовъ, потому что не можетъ быть закона, повелѣвающаго одному человѣку убивать другого!»

И въ это самое время въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» печатается цѣлый рядъ черносотенныхъ воззваній, требующихъ отъ имени «истинно-русскихъ» людей сохраненія смертной казни. И эти «истинно-русскіе» люди чуть ли не Христовымъ именемъ заклинаютъ правительство убивать, разстрѣливать и вѣшать людей для «успокоенія» страны.

Они ошибаются, эти «истинно-русскіе» люди; успокоить страну могутъ не пытки и казни, не кровь, и безъ того уже обильно пролитая, а порядокъ, основанный на законѣ.

И, дѣйствительно, чего достигаютъ казни? Устрашенія? Мы знаемъ, что только съ января по 1-е мая убито и казнено болѣе 700 человѣкъ, а успокоенія не видно. Наоборотъ, каждая новая казнь вызываетъ новыя убійства и новыя казни.

Или можетъ быть, этими казнями желаютъ удалить изъ общества наиболѣе вредныхъ членовъ его?—Опять-таки и это неправильно. Мы очень хорошо знаемъ, что казнятъ далеко не всегда вожаковъ-

Въ чемъ же дѣло и о чемъ такъ хлопочутъ «истинно-русскіе» люди?

Смертная казнь нужна имъ, какъ месть. Смертной казни требуютъ они только потому, что иныхъ способовъ борьбы со своими врагами они не видятъ.

Имъ отлично извѣстно, какъ смотрятъ революціонеры на политическія убійства. Имъ извѣстно, что еще партія «Народной Воли» неоднократно заявляла: «Дайте волю народу, установите порядокъ на точномъ соблюденіи законовъ, выработанныхъ народовъ, и не будетъ больше убійствъ». Имъ извѣстно, что то же самое говорятъ и нынѣшніе революціонеры. Но они не хотятъ и слышать этого и требуютъ: «Крови! Крови!»

«Истинно-русскіе» люди очень хорошо понимаютъ, что съ наступленіемъ всѣхъ свободъ ихъ царству придетъ конецъ. Они видятъ, что мало по-малу рушатся стѣны старой тюрьмы и на обломкахъ ея воздвигается новое зданіе народной свободы. И они всѣми силами стараются поддержать старые обломки и безпощадно мстятъ тѣмъ, кого они считаютъ строителями новой жизни.

Но имъ не остановить этой новой жизни. Она все же восторжествуетъ!

19 мая. *Черм.*

Военная хитрость.

Подручные г. Трепова, самовольно называющіе себя министрами, осмѣлились вчера не только явиться на засѣданіе Государственной Думы, но и принять участіе въ преніяхъ по аграрному вопросу.

Зачѣмъ понадобилась имъ эта излишняя наглость?

Вѣдь «звѣздной палатой», послѣ засѣданія 13-го мая, было рѣшено, чтобы отставленное и осмѣянное министерство Горемыкина не появлялось болѣе передъ народными представителями.

И вдругъ, неожиданно для всѣхъ, Дума снова была осквернена присутствіемъ приказчиковъ «звѣздной палаты» и они снова были всенародно осмѣяны.

Передъ лицомъ всей Россіи, передъ лицомъ всего міра, Треповъ и Побѣдоносцевъ произвели этотъ нелѣпый опытъ, конечно, помимо

своей воли. Не могли же они предполагать, что полуграмотные Стишинскій и Гурко могутъ сказать что-нибудь путное въ вопросѣ такой громадной важности, какъ аграрный. Исходъ этого клоунскаго выхода былъ предрѣшенъ заранѣе: подручные были посланы своими начальниками на поруганіе вполнѣ сознательно. Имъ за это, конечно, хорошо заплатятъ, они оботрутся и какъ рабы будутъ ждать другихъ порученій своихъ господъ.

Конечно, «звѣздной палатѣ» не выгодно, чтобы ея ставленники и официіальные представители — проявляли свое невѣжество и свою наглость такъ публично, чтобы ихъ сѣкли такъ передъ всей Европой, какъ высѣкъ вчера Герценштейнъ генераловъ: Стишинскаго и Гурко. Европа смѣется...

Но что дѣлать,—изъ двухъ золъ приходится выбирать наименьшее. Пусть сѣкутъ, но пусть Европа все же знаетъ, что Дума еще говоритъ съ министерствомъ, которому она выразила недовѣріе. А нужно это потому, что, какъ говорятъ газеты, у заграничныхъ банкировъ какая-то заминка происходитъ съ выдачей Россіи займа: банкиры задумываются давать или не давать денегъ правительству, которому страна и Дума такъ ясно выразили свое недовѣріе.

Приходится посылать на поруганіе подручныхъ. Ихъ высмѣютъ, но банкиры и Европа все же увидятъ, что полнаго разрыва между Думой и правительствомъ нѣтъ, что примиреніе между ними можетъ состояться.

Вотъ, по нашему мнѣнію, единственный смыслъ въ этомъ новомъ выступленіи передъ народными представителями *бывшихъ* министровъ.

«Звѣздной палатѣ» въ настоящее время прямой разрывъ съ Думой не выгоденъ. Она мечтаетъ о разгонѣ народныхъ представителей, но пока... руки коротки; приходится проявлять свое невѣжество въ парламентскихъ рѣчахъ и взывать къ «патреотизму» жителей Ерогинскаго пансіона.

Дума не можетъ поддерживать этой игры и, если сознаніе достоинства народныхъ представителей не удержало нѣкоторыхъ депутатовъ отъ разговоровъ съ Стишинскимъ и Гурко, то пусть удержитъ ихъ отъ этого мысль, что дешевыми побѣдами надъ приказчиками «звѣздной палаты» они только помогаютъ ей въ ея военной хитрости.

21 мая.

Балашовскій герой.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Столыпинъ оказался въ непріятномъ положеніи: ему сдѣлали запросъ о незаконномъ образѣ дѣйствій саратовскаго губернатора Столыпина и доказываютъ, что саратовскій губернаторъ Столыпинъ долженъ быть отданъ подъ судъ. Спрашивается, чѣмъ кончится это интересное дѣло? Окажется ли министръ на высотѣ закона? Признаетъ ли онъ беззаконнаго губернатора преступникомъ и потребуетъ ли для него строгой кары? Другими словами, согласится ли Столыпинъ пересѣсть съ министерскаго кресла на скамью подсудимыхъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, приведемъ одинъ случай изъ «боевой» дѣятельности Столыпина, когда онъ былъ губернаторомъ; «боевой» дѣятельности у него было довольно, какъ и у всякаго губернатора, но мы возьмемъ только одинъ случай, за который онъ получилъ въ исторіи прозвище «балашовскій герой».

21 іюля 1905 г. въ Балашовѣ (Саратовской губ.) произошелъ черносотенный погромъ; было разгромлено нѣсколько домовъ извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей и жестоко избита кучка интеллигентовъ, главнымъ образомъ врачей. Избіеніе происходило прямо на глазахъ губернатора, а разгромъ домовъ—тотчасъ послѣ побоища. Въ городѣ были полиція и казаки, а погромъ готовился заранѣе. О немъ зналъ самъ губернаторъ и его можно было предупредить—это внѣ сомнѣнія. Но въ толпѣ черносотенцевъ были царскіе портреты, а губернаторомъ былъ Столыпинъ. Очевидно, погромъ долженъ былъ совершиться безпрепятственно. И даже больше: въ немъ, на глазахъ губернатора, приняли участіе казаки, отъ которыхъ нѣсколько ударовъ нагайкой попало, между прочимъ, теперешнему члену Гос. Думы Н. Н. Львову, исправлявшему тогда должность балашовскаго уѣзднаго предводителя дворянства.

Итакъ, погромъ совершился безпрепятственно. Въ этомъ въ сущности признается, противъ своей воли, самъ Столыпинъ. Въ офиціальномъ сообщеніи («Саратовск. Дневн.», № 181, 1 сентября) онъ *«напоминаетъ, что онъ всю ночь лично наблюдалъ за охраною города, что казаки и полиція все время были у него на глазахъ»*.

Какъ видно, большей безцеремонности и не придумать. Человѣкъ самъ сознается, что все произошло подъ его наблюденіемъ. Остановить же толпу у него-де не было силъ. Оно и понятно — откуда у губернатора возьмутся для погромщиковъ силы? Силъ тутъ не можетъ быть никакихъ. Вѣдь вотъ, что мы, напр., читаемъ о погромѣ, происшедшемъ уже въ Саратовѣ 19 октября:

«Въ сопровожденіи полусотни казаковъ съ винтовками, и группы любопытныхъ губернаторъ П. А. Столыпинъ проходилъ по разгромленнымъ улицамъ. *Кое-гдѣ погромъ въ это время продолжался. Навстрѣчу губернатору* несли желѣзныя кровати, умывальники, стулья изъ склада Коганъ, на Московской улицѣ, *гдѣ въ это время происходилъ разгромъ*. Какой то громила, съ сіяющимъ лицомъ, скакалъ на извозчикѣ, сидя верхомъ на грудѣ награбленнаго платья; виденъ былъ огромный коверъ и шуба на лисьемъ мѣху. («Сарат. Дневн.» № 211, 23 октября).

Ну, какъ же тутъ остановить такихъ милыхъ, «патреотовъ»? Иное дѣло, когда надо стрѣлять въ толпу *мирныхъ* жителей, или самооборону отъ громилъ, (какъ было въ Саратовѣ). Тогда у губернаторовъ найдутся и силы, и умѣнье—и рѣкою льется по улицамъ кровь...

Однако, что же вышло изъ всей балашовской исторіи? Въ газетахъ и обществѣ поднялся страшный шумъ (тогда мы къ погромамъ еще не такъ привыкли, какъ теперь). Всѣ потребовали отдачи виновныхъ подъ судъ. Столыпинъ, какъ стражъ законности, и сдѣлалъ свое дѣло. Онъ жестоко покаралъ... всѣхъ избитыхъ. Обязательнымъ постановленіемъ отъ 25 августа 36 человѣкъ, главнымъ образомъ, врачей, «приговорены» (безъ суда!) къ аресту до 3 мѣс. и штрафу до 300 руб. («Русь» № 219, 14 сент.)—и должны были отсидѣть во славу справедливости и закона. Намъ не повѣрятъ — но это непреложная истина. А негодяи, производившіе убіеніе? Да что жъ ихъ преслѣдовать? Они помогали патріотамъ...

Итакъ, вотъ обликъ Столыпина. Когда его назначили министромъ, то даже завзятые льстецы указывали все же на одну его маленькую «слабость»—во что бы то ни стало покрывать своихъ согрѣшившихъ подчиненныхъ.

Нечего, значитъ, и задавать вопроса: какъ министръ Столыпинъ отнесется къ преступному губернатору Столыпину? Отвѣтъ ясенъ... На то онъ—балашовскій герой!

24 мая. *Желтогорскій.*

Недовѣріе министровъ и трудовая группа.

Давно—за 200 лѣтъ до Рождества Христова, начинало укрѣплятьcя могущество Рима, и его завоеванія уже направлялись на противоположный берегъ широкаго моря, гдѣ были раскинуты владѣнія цвѣтущаго Карѳагена.

Богатый Карѳагенъ имѣлъ прекрасный флотъ, а Римъ, сильный духомъ и легіонами войскъ, владѣлъ только жалкими лодками: но Римъ хотѣлъ, Римъ долженъ былъ во имя своего могущества сломить могущество Карѳагена.

Терпя неудачи, упорный въ достиженіи цѣлей своихъ, Римъ соорудилъ свой флотъ, по образцу захваченныхъ кораблей карѳагенскихъ, Римъ двинулъ къ Карѳагену легіоны свои—и пало могущество цвѣтущаго Карѳагена: сжечь онъ принужденъ былъ флотъ свой и сталъ простымъ данникомъ суроваго Рима.

Гордо поднялъ свою голову Римъ,—тихо, гдѣ-то вдали, лишенный богатства и флота, уныло стоялъ Карѳагенъ. Но даже былое могущество его не переставало тревожить Римъ; даже былое могущество его сжимало тревогой сердце стараго Катона, суроваго блюстителя нравовъ Рима. И всякій разъ, когда происходило засѣданіе римскаго сената, и когда приходилось говоритъ Катону,—всегда и всякій разъ, о чемъ бы ни говорилъ суровый старикъ, онъ неизмѣнно заканчивалъ свою рѣчь однимъ и тѣмъ же заявленіемъ: «А все-таки Карѳагенъ долженъ быть разрушенъ!..»

И только тогда, когда палъ Карѳагенъ и стѣны его были срыты и сравнены съ землей, только тогда пересталъ тревожиться могучій Римъ.

Это было давно,—слишкомъ за 200 лѣтъ до Рождества Христово; но сказанія далекой старины живо воскресаютъ во мнѣ въ великіе дни обновленія родины.

Эти дни переживаемъ мы, и въ памяти нашей всплываютъ и оживаютъ одно за другимъ сказанія древности—и гордый Римъ, и цвѣтущій Карѳагенъ, и блюститель нравовъ Рима—Катонъ.

Вотъ, въ великомъ числѣ милліоновъ уже поднимаетъ свою голову великій русскій народъ; а вотъ, все еще въ блескѣ золотыхъ мундировъ, въ оградѣ штыковъ, въ желѣзномъ кольцѣ пулеметовъ и пушекъ, снаружи цвѣтущее, но уже довѣрія народа лишенное, стоитъ на дорогѣ могущества народа офиціальное правительство, а между ними, между правительствомъ и народомъ—стражъ интересовъ народа,—сыны его и братья, представители трудящихся.

Власть министровъ и всего правительства уже подточена въ корнѣ громкимъ и справедливымъ выраженіемъ *недовѣрія* къ нему, но оно еще дѣйствуетъ, оно еще угнетаетъ и разоряетъ страну; оно еще сильно,—такъ!

Но если слабый Карѳагенъ тревожилъ могущество Рима,—то еще существующая безотвѣтственная власть правительства грозитъ могуществу, праву и свободѣ народа. И если Катону, блюстителю нравовъ Рима, нужно было безпокоитъ сенатъ напоминаніемъ о жалкомъ Карѳагенѣ, то представителямъ трудящихся классовъ, призваннымъ стоять на стражѣ интересовъ народа, нужно всегда, каждый часъ напоминать всѣмъ о тѣхъ, кто препятствуетъ народу осуществить свои права.

Пусть министры выходятъ на трибуну въ Думѣ и говорятъ все одно и то же: «непріемлемо, недопустимо!»

Пусть входятъ на трибуну за ними желающіе добра народу, пусть они обращаются къ совѣсти министровъ, къ ихъ чести и къ патріотизму ихъ; пусть спорятъ съ ними,—пока еще разъ не извѣрятся и въ чести, и въ совѣсти, и въ патріотизмѣ министровъ.

За ними взойдутъ на кафедру представители трудящихся классовъ, и каждый разъ, всякую рѣчь свою будутъ заключать требованіемъ—уйти министерству въ отставку для блага народа.

Передъ лицомъ представителей народа, передъ лицомъ всей страны, всякій разъ они будутъ повторять свое требованіе,—пока не разольется оно по всей странѣ, и въ отвѣтъ ему, какъ дыханіе собравшейся бури, какъ ропотъ волнъ моря, какъ раскаты могучаго грома, грознымъ эхомъ отзовется страна: «Пора уйти и мѣсто свое предоставить другому правительству, моимъ довѣріемъ облеченному».

26 мая. Депутатъ *С. Бондаревъ.*

Сколько надо съ министровъ взыскать за свободу?

Свобода — драгоцѣннѣйшее достояніе человѣка и цѣлыхъ государствъ. Свобода—жизнь и достоинство народовъ, сказалъ одинъ пламенный народолюбецъ.

За границей народы давно завоевали себѣ свободу и берегутъ ее какъ зѣницу ока. Попасть въ тюрьму считается тамъ самымъ тяжкимъ несчастіемъ (въ Россіи къ этому привыкли!), но зато тамъ и не бываетъ незаконныхъ арестовъ. За незаконное же лишеніе свободы власти несутъ строжайшую отвѣтственность, и это сильно охлаждаетъ ихъ пыль. Чтобы сравнить наши порядки съ заграничными, приведемъ одинъ примѣръ изъ англійской жизни. По распоряженію министра одинъ типографскій ученикъ былъ незаконно арестованъ и подвергся заключенію въ теченіе шести часовъ. Что же вышло? Хотя схваченъ онъ былъ по ошибкѣ, хотя отправленъ былъ въ помѣщеніе лучшее, чѣмъ то, гдѣ онъ жилъ, хотя пищу ему давали лучше той, которой онъ питался обыкновенно—все-таки судъ строго осудилъ министра и присудилъ уплатить типографскому ученику 3000 р. Сумма огромная; потерпѣвшій не заработалъ бы ее и въ цѣлые годы. Но верховный судья Грей заявилъ по этому поводу, что никакая плата за свободу не можетъ считаться «несправедливой», потому что свобода—безмѣрно цѣннѣе всѣхъ благъ человѣческихъ...

Послѣ этого знаменитаго случая министрамъ въ Англіи особенно неповадно стало арестовывать людей незаконно, и такихъ случаевъ—теперь почти и не бываетъ.

Обратимся теперь къ русской жизни и посчитаемъ, сколько надо взыскать съ министровъ за незаконные аресты съ октября мѣсяца. 17 октября Россіи ясно дана свобода и «дѣйствительная неприкосновенность личности». А тамъ, гдѣ есть неприкосновенность личности, нельзя арестовывать по простому подозрѣнію и держать въ тюрьмѣ или ссылать безъ суда. Между тѣмъ у насъ съ зимы тюрьмы набиты биткомъ, въ Сибирь и сѣверныя губерніи то и дѣло отправляются цѣлые поѣзда ссыльныхъ. Сколько всего народа потерпѣло незаконное лишеніе свободы? Точныхъ цифръ нѣтъ, но газеты чаще всего называютъ 75000 человѣкъ. Эта цифра скорѣе меньше,

чѣмъ больше дѣйствительной (за одни зимніе мѣсяцы чрезъ саратовскую губернскую тюрьму прошло болѣе 3000 политическихъ). Мы видѣли, что за незаконный арестъ на шесть часовъ англійскій судъ присудилъ 3000 руб. Будемъ считать ту же сумму за цѣлыя сутки. Выходитъ, что за каждый день ареста 75000 человѣкъ министры, губернаторы, жандармы, исправники должны уплатить кругленькую цифру въ 225 милліоновъ рублей. Но вѣдь это беззаконіе тянется уже почти полгода! Возьмемъ круглымъ числомъ 100 дней; тогда окажется, что всего съ министровъ причитается получить двадцать два съ половиной милліарда рублей. Однихъ процентовъ съ этой суммы надо платить въ годъ 300 милліоновъ.

Русскій народъ, однако, не постоитъ за этой суммой; если народъ добьется дѣйствительной свободы, быть можетъ, отпуститъ насильниковъ по добру—по здорову. Но вѣдь беззаконіе все продолжается... Не умножайте же счета, господа министры—онъ и безъ того чрезмѣрно великъ! Не умножайте его...

27 мая. *Александръ Аловъ.*

Никогда.

Въ Варшавѣ повѣшенъ Марчевскій; четверо рабочихъ въ Варшавѣ и семь человѣкъ въ Ригѣ приговорены къ смертной казни. Въ Севастополѣ четверо отданы во власть военнаго суда, т. е., безусловно, приговорены къ смерти. Изъ нихъ Макарову 16 лѣтъ, а Савинковъ несомнѣнно не принималъ никакого участія въ покушеніи на г. Неплюева. 15 молодыхъ жизней уже въ рукахъ палачей.

Государственная Дума объявила, что отнынѣ смертныя казни она признаетъ убійствами.

Дума—законодательное учрежденіе страны—считала необходимымъ исчерпать всѣ предоставленные ей законами прошлаго способы воздѣйствія на преступное министерство и только послѣ этого объявила, что убійцъ будетъ считать убійцами.

Мы—русскіе граждане—болѣе свободны въ своихъ чувствахъ и въ своихъ приговорахъ. Мы давно уже сказали правительству: воен-

ные разстрѣлы и смертныя казни, производимые теперь въ Россіи, являются убійствами самыми возмутительными и ужасными изъ всѣхъ убійствъ, какія только видѣло послѣднее столѣтіе.

Мы давно уже оставили просьбы и мольбы о пощадѣ, мы давно уже изнемогли отъ криковъ ужаса и негодованія.

Пусть не ждутъ отъ насъ воплей, криковъ и словъ.

Сжавъ зубы, мы молчимъ.

Но убійцы прочтутъ въ этомъ молчаніи мысль, которой полно все наше существо: никогда, даже въ свѣтлые дни освобожденія Россіи, никогда, никому изъ этихъ сановныхъ палачей мы не простимъ крови нашихъ братьевъ.

Никогда! Никому!

30 мая.

Когда министры уйдутъ въ отставку.

Въ субботу, въ 4 ч. дня, въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» въ самомъ верху крупными буквами депутаты читали: «Министерство Горемыкина подало въ отставку».

Въ субботу, отъ 4 до 5 ч. дня, депутаты радовались, и лица ихъ сіяли.

А въ 5 часовъ дня депутаты узнали, что газетное извѣстіе ложно. Радость исчезла.

Трудно было не повѣрить газетѣ, трудно было удержать сердце отъ трепетной радости.

Но въ политикѣ не бываетъ чудесъ.

А уходъ, отставка министерства было бы чудомъ — министерство Горемыкина никогда не уступитъ своего мѣста министрамъ, облеченнымъ довѣріемъ Думы. Конечно, когда-нибудь оно уйдетъ, но до этого долженъ пройти еще цѣлый рядъ событій, подобныхъ тѣмъ, которыя мы уже переживали.

Что до сихъ поръ дѣлало министерство?

Очень много.

Во-первыхъ: кабинетъ Витте-Дурново замѣнился такимъ же кабинетомъ Горемыкина.

народныхъ представителей: каждымъ своимъ шагомъ, каждымъ словомъ усиливать и укрѣплять свою связь съ народомъ.

Запросы Думы министрамъ только ослабляютъ значенie Думы и укрѣпляютъ «Звѣздную палату».

Обращенie народныхъ представителей должны направляться теперь только въ одну сторону—къ народу. Только эти обращенiя достойны Думы, и только они одни могутъ дать ей силу разрушить проклятую стѣну.

19 мая.

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ И «ИСТИННО-РУССКIЕ» ЛЮДИ.

Дума высказалась за немедленную отмѣну смертной казни.

Со всѣхъ сторонъ Россiи несутся голоса: «Отмѣна смертной казни! Долой смертную казнь!»

Лучшая часть русскаго народа ясно и твердо сказала: «Смертная казнь—это убiйство, это нарушенie всѣхъ законовъ, потому что не можетъ быть закона, повелѣвающаго одному человѣку убивать другого!»

И въ это самое время въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» печатается цѣлый рядъ черносотенныхъ воззванiй, требующихъ отъ имени «истинно-русскихъ» людей сохраненiя смертной казни. И эти «истинно-русскiе» люди чуть ли не Христовымъ именемъ заклинаютъ правительство убивать, разстрѣливать и вѣшать людей для «успокоенiя» страны.

Они ошибаются, эти «истинно-русскiе» люди; успокоить страну могутъ не пытки и казни, не кровь, и безъ того уже обильно пролитая, а порядокъ, основанный на законѣ.

И, дѣйствительно, чего достигаютъ казни? Устрашенiя? Мы знаемъ, что только съ января по 1-е мая убито и казнено болѣе 700 человѣкъ, а успокоенiя не видно. Наоборотъ, каждая новая казнь вызываетъ новыя убiйства и новыя казни.

Или можетъ быть, этими казнями желаютъ удалить изъ общества наиболѣе вредныхъ членовъ его?—Опять-таки и это неправильно. Мы очень хорошо знаемъ, что казнятъ далеко не всегда вожаковъ

Въ чемъ же дѣло и о чемъ такъ хлопочутъ «истинно-русскіе» люди?

Смертная казнь нужна имъ, какъ месть. Смертной казни требуютъ они только потому, что иныхъ способовъ борьбы со своими врагами они не видятъ.

Имъ отлично извѣстно, какъ смотрятъ революціонеры на политическія убійства. Имъ извѣстно, что еще партія «Народной Воли» неоднократно заявляла: «Дайте волю народу, установите порядокъ на точномъ соблюденіи законовъ, выработанныхъ народовъ, и не будетъ больше убійствъ». Имъ извѣстно, что то же самое говорятъ и нынѣшніе революціонеры. Но они не хотятъ и слышать этого и требуютъ: «Крови! Крови!»

«Истинно-русскіе» люди очень хорошо понимаютъ, что съ наступленіемъ всѣхъ свободъ ихъ царству придетъ конецъ. Они видятъ, что мало по-малу рушатся стѣны старой тюрьмы и на обломкахъ ея воздвигается новое зданіе народной свободы. И они всѣми силами стараются поддержать старые обломки и безпощадно мстятъ тѣмъ, кого они считаютъ строителями новой жизни.

Но имъ не остановить этой новой жизни. Она все же восторжествуетъ!

19 мая. *Черм.*

Военная хитрость.

Подручные г. Трепова, самовольно называющіе себя министрами, осмѣлились вчера не только явиться на засѣданіе Государственной Думы, но и принять участіе въ преніяхъ по аграрному вопросу.

Зачѣмъ понадобилась имъ эта излишняя наглость?

Вѣдь «звѣздной палатой», послѣ засѣданія 13-го мая, было рѣшено, чтобы отставленное и осмѣянное министерство Горемыкина не появлялось болѣе передъ народными представителями.

И вдругъ, неожиданно для всѣхъ, Дума снова была осквернена присутствіемъ приказчиковъ «звѣздной палаты» и они снова были всенародно осмѣяны.

Передъ лицомъ всей Россіи, передъ лицомъ всего міра, Треповъ и Побѣдоносцевъ произвели этотъ нелѣпый опытъ, конечно, помимо

своей воли. Не могли же они предполагать, что полуграмотные Стишинскій и Гурко могутъ сказать что-нибудь путное въ вопросѣ такой громадной важности, какъ аграрный. Исходъ этого клоунскаго выхода былъ предрѣшенъ заранѣе: подручные были посланы своими начальниками на поруганіе вполнѣ сознательно. Имъ за это, конечно, хорошо заплатятъ, они оботрутся и какъ рабы будутъ ждать другихъ порученій своихъ господъ.

Конечно, «звѣздной палатѣ» не выгодно, чтобы ея ставленники и офиціальные представители — проявляли свое невѣжество и свою наглость такъ публично, чтобы ихъ сѣкли такъ передъ всей Европой, какъ высѣкъ вчера Герценштейнъ генераловъ: Стишинскаго и Гурко. Европа смѣется...

Но что дѣлать,—изъ двухъ золъ приходится выбирать наименьшее. Пусть сѣкутъ, но пусть Европа все же знаетъ, что Дума еще говоритъ съ министерствомъ, которому она выразила недовѣріе. А нужно это потому, что, какъ говорятъ газеты, у заграничныхъ банкировъ какая-то заминка происходитъ съ выдачей Россіи займа: банкиры задумываются давать или не давать денегъ правительству, которому страна и Дума такъ ясно выразили свое недовѣріе.

Приходится посылать на поруганіе подручныхъ. Ихъ высмѣютъ, но банкиры и Европа все же увидятъ, что полнаго разрыва между Думой и правительствомъ нѣтъ, что примиреніе между ними можетъ состояться.

Вотъ, по нашему мнѣнію, единственный смыслъ въ этомъ новомъ выступленіи передъ народными представителями *бывшихъ* министровъ.

«Звѣздной палатѣ» въ настоящее время прямой разрывъ съ Думой не выгоденъ. Она мечтаетъ о разгонѣ народныхъ представителей, но пока... руки коротки; приходится проявлять свое невѣжество въ парламентскихъ рѣчахъ и взывать къ «патреотизму» жителей Ерогинскаго пансіона.

Дума не можетъ поддерживать этой игры и, если сознаніе достоинства народныхъ представителей не удержало нѣкоторыхъ депутатовъ отъ разговоровъ съ Стишинскимъ и Гурко, то пусть удержитъ ихъ отъ этого мысль, что дешевыми побѣдами надъ приказчиками «звѣздной палаты» они только помогаютъ ей въ ея военной хитрости.

21 мая.

Балашовскій герой.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Столыпинъ оказался въ непріятномъ положеніи: ему сдѣлали запросъ о незаконномъ образѣ дѣйствій саратовскаго губернатора Столыпина и доказываютъ, что саратовскій губернаторъ Столыпинъ долженъ быть отданъ подъ судъ. Спрашивается, чѣмъ кончится это интересное дѣло? Окажется ли министръ на высотѣ закона? Признаетъ ли онъ беззаконнаго губернатора преступникомъ и потребуетъ ли для него строгой кары? Другими словами, согласится ли Столыпинъ пересѣсть съ министерскаго кресла на скамью подсудимыхъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, приведемъ одинъ случай изъ «боевой» дѣятельности Столыпина, когда онъ былъ губернаторомъ; «боевой» дѣятельности у него было довольно, какъ и у всякаго губернатора, но мы возьмемъ только одинъ случай, за который онъ получилъ въ исторіи прозвище «балашовскій герой».

21 іюля 1905 г. въ Балашовѣ (Саратовской губ.) произошелъ черносотенный погромъ; было разгромлено нѣсколько домовъ извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей и жестоко избита кучка интеллигентовъ, главнымъ образомъ врачей. Избіеніе происходило прямо на глазахъ губернатора, а разгромъ домовъ—тотчасъ послѣ побоища. Въ городѣ были полиція и казаки, а погромъ готовился заранѣе. О немъ зналъ самъ губернаторъ и его можно было предупредить—это внѣ сомнѣнія. Но въ толпѣ черносотенцевъ были царскіе портреты, а губернаторомъ былъ Столыпинъ. Очевидно, погромъ долженъ былъ совершиться безпрепятственно. И даже больше: въ немъ, на глазахъ губернатора, приняли участіе казаки, отъ которыхъ нѣсколько ударовъ нагайкой попало, между прочимъ, теперешнему члену Гос. Думы Н. Н. Львову, исправлявшему тогда должность балашовскаго уѣзднаго предводителя дворянства.

Итакъ, погромъ совершился безпрепятственно. Въ этомъ въ сущности признается, противъ своей воли, самъ Столыпинъ. Въ офиціальномъ сообщеніи («Саратовск. Дневн.», № 181, 1 сентября) онъ *«напоминаетъ, что онъ всю ночь лично наблюдалъ за охраною города, что казаки и полиція все время были у него на глазахъ».*

лиціймейстера Кузнецкаго и его лабазниковъ, но несомнѣнно,—они-то «постараются», когда получатъ соотвѣтственный приказъ изъ центра.

Упорные слухи. Правительство готовится къ наступленію. Въ Бѣлостокѣ уже выступили передовыя части.

Въ Бѣлостокѣ погромъ уже разразился.

Обычная картина. Въ теченіе двухъ-трехъ недѣль упорные, неизвѣстно откуда идущіе слухи о предстоящемъ погромѣ, открыто на улицахъ и на базарѣ раздающіяся прокламаціи, призывающія къ избіенію евреевъ и интеллигенціи, провокаторская бомба, не причинившая никому вреда, неизвѣстно кѣмъ произведенные выстрѣлы, которыми ранено много обывателей и затѣмъ «смятеніе, перешедшее въ побоище. Громилы начали разносить лавки, разбивать торговыя заведенія. Вызванныя войска оказались безсильными подавить погромъ, который принялъ ужасающіе размѣры и занялъ нѣсколько улицъ. Владѣльцы магазиновъ старались оказать сопротивленіе нападающимъ на ихъ магазины, но тутъ же были избиваемы. Другіе спѣшили закрыть лавки и спасались бѣгствомъ. На улицахъ лежали раненые, требовавшіе помощи, но въ свалкѣ трудно было оказать первую медицинскую помощь. Были и убитые. Громилы дѣйствовали и револьверами, и ножами, и булыжниками».

Вотъ какъ характеризуетъ бѣлостокскій погромъ телеграмма, посланная 1-го іюня на имя министра внутреннихъ дѣлъ Столыпина и подписанная выборщикомъ Циринымъ слѣдующаго содержанія: «Начался еврейскій погромъ, подготовленный заранѣе; идетъ рѣзня; много убитыхъ и раненыхъ; населеніе въ паникѣ; просимъ защиты. Вопреки распространившимся слухамъ, изъ министерства въ теченіе цѣлаго дня никакихъ распоряженій не поступало. Населеніе въ страхѣ бѣжитъ изъ города; носятся упорно слухи, что брошенная бомба, не причинившая никому вреда, провокаціонная. Погромъ усердно агитировался уже двѣ недѣли; по улицамъ, въ особенности по вечерамъ, раздавались прокламаціи, призывавшія къ избіенію не только евреевъ, но и интеллигенціи; полиція смотрѣла на это сквозь пальцы. Число пострадавшихъ еще не опредѣлено, но есть основанія предполагать, что оно колоссально. До сихъ поръ отвѣта нѣтъ. Власти бездѣйствуютъ. Населеніе терроризовано».

Какъ по рецепту.

Слухи. Провокаторскіе выстрѣлы. Заранѣе организованная черная сотня. Непонятное безсиліе войска. Непонятныя и также безуспѣшныя «увѣщанія» губернатора.

И также какъ по писанному:

«Къ вечеру погромъ принялъ такіе размѣры, что войскамъ пришлось дѣйствовать силою оружія. До самой поздней ночи слышались выстрѣлы. Только къ утру удалось прекратить погромъ. Число жертвъ еще не приведено въ извѣстность но пострадавшихъ много. Убытки, понесенные владѣльцами магазиновъ, громадны. Теперь арестовываются главари. Судебныя власти производятъ слѣдствіе. Всѣ улицы оцѣплены войсками. Разъѣзжаютъ конные патрули».

Бѣдному обывателю приходится обращаться за помощью къ тому самому Столыпину, который всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, будучи саратовскимъ губернаторомъ, самъ также «увѣщевалъ» черную сотню не громить и не убивать и такъ же безуспѣшно, какъ и гродненскій губернаторъ въ Бѣлостокѣ.

Къ тому самому Столыпину, который такъ «справедливо» разобралъ погромное дѣло въ Саратовѣ и Балашовѣ, что въ тюрьмѣ очутились не погромщики, съ которыми онъ тщетно ласково бесѣдовалъ, а пострадавшіе, избитые черной сотней доктора, учителя, учительницы.

Теперь Столыпинъ — министръ внутреннихъ дѣлъ и, конечно, разберетъ бѣлостокское дѣло еще «справедливѣе».

Тѣмъ болѣе, что теперь имѣется уже Государственная Дума, которая и обратилась съ запросомъ къ нему, къ министру внутреннихъ дѣлъ: 1) принимаются ли въ настоящее время надлежащія мѣры къ защитѣ еврейскаго населенія города Бѣлостока и 2) что намѣренъ г. министръ предпринять для предупрежденія убійствъ, грабежей и насилій надъ еврейскимъ населеніемъ въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи?..

Министръ Столыпинъ черезъ мѣсяцъ отвѣтитъ Государственной Думѣ, что онъ «мѣры» принялъ, увѣщевалъ безуспѣшно господъ губернаторовъ, г-да губернаторы безуспѣшно увѣщевали организованныя полиціймейстерами черныя сотни, войска бездѣйствовали, казаки грабили, и въ результатѣ — нѣсколько сожженныхъ городовъ, тысячи убитыхъ и искалѣченныхъ жителей.

Все будетъ сдѣлано по закону.

Слѣдователи будутъ съ особымъ рвеніемъ вести слѣдствіе, созданные ими «главари» погромовъ будутъ сначала арестованы,—а затѣмъ «главари» исчезнутъ и дѣло будетъ направлено къ прекращенію, какъ, напримѣръ, дѣло о второмъ погромѣ въ Гомелѣ, такъ какъ «не оказывается подсудимыхъ», хотя весь городъ знаетъ всѣхъ «вдохновителей погрома и знаетъ, какія должности они сейчасъ занимаютъ».

Мы, вѣдь, также знаемъ, какую должность занимаетъ теперь бывшій саратовскій губернаторъ Столыпинъ.

Запросъ министру—вещь, конечно, хорошая, и развиваетъ парламентскія привычки, но врядъ-ли дѣйствительная. Не полезнѣе-ли было бы одновременно съ запросомъ о «мѣрахъ» г-на Столыпина заявить, что единственно дѣйствительной мѣрой борьбы съ погромами Дума считаетъ организацію милиціи и самообороны?

Закончимъ нашу статью тѣмъ же, чѣмъ начали ее.

Кровавая полоса погромовъ, въ которую мы, видимо, снова входимъ—указываетъ на то, что наше правительство—«звѣздная палата» переходитъ въ рѣшительное наступленіе.

Народные представители, готовьтесь къ битвѣ!

3 іюня.

Знаютъ ли власти, почему крестьяне бунтуютъ?

Много приходится слышать разговоровъ о томъ, что всѣ крестьянскія волненія идутъ отъ разныхъ смутьяновъ и злонамѣренныхъ людей, которые изъ любви, якобы, къ смутѣ поднимаютъ народъ на безпорядки. То и дѣло заявляютъ объ этомъ губернаторы и исправники: у министровъ это—любимый разговоръ; приходится читать о томъ же и въ манифестахъ.

Прежде всего, является вопросъ: да что же это за странные люди, которые изъ любви къ безпорядкамъ рискуютъ и достояніемъ, и свободой, и даже жизнью? Возможно-ли это дѣло? И не проще-ли предположить, что поступать такъ могутъ только тѣ, для кого благо народа ближе, чѣмъ свое благо и своя жизнь?

А кромѣ того, нѣтъ-ли въ самой жизни крестьянской чего-нибудь

такого, что неизбѣжно должно толкать его на вѣчные «безпорядки»? И всякій, въ комъ есть разумъ и совѣсть, тотчасъ отвѣтитъ: есть такое въ народной жизни, что заставляетъ его волноваться; это — безысходная нужда, безземелье, отсутствіе помощи, а вмѣсто нея дикія надругательства сильныхъ, богатыхъ и знатныхъ.

Спрашивается: неужели же это неизвѣстно губернаторамъ, министрамъ и всякимъ чиновникамъ, которые должны же, вѣдь, знать, что дѣлается въ русскомъ народѣ, которымъ они управляютъ? Оказывается, что они знаютъ — но только помалкиваютъ объ этомъ про себя, а вслухъ повторяютъ все ту же ложь, тотъ же безсмысленный, нелѣпый обманъ.

Газетѣ «Рѣчь» удалось добыть цѣлый рядъ очень важныхъ секретныхъ бумагъ: тайныхъ секретнѣйшихъ донесеній, которыя губернаторы слали министрамъ о причинахъ крестьянскихъ волненій прошлаго года. Въ секретныхъ бумагахъ губернаторамъ нечего было лгать и обманывать — и въ нихъ мы читаемъ необычныя вещи, читаемъ какъ разъ — то, что всегда разсказывалось въ разныхъ подпольныхъ листкахъ и книжкахъ, за которые людей сажали по тюрьмамъ. Губернаторы говорятъ какъ разъ о томъ, что настоящая причина крестьянскихъ волненій — отчаянное, до крайности, положеніе народа и самое вопіющее угнетеніе его помѣщиками и чиновниками. Говорятъ объ этомъ въ одинъ голосъ губернаторы самыхъ различныхъ губерній: Орловской, Черниговской, Полтавской, Воронежской, Харьковской, Симбирской, Архангельской, Тверской, Эстляндской, Витебской.

Вездѣ губернаторы и даже жандармскіе офицеры, въ секретныхъ бумагахъ, рисуютъ одну и ту же картину: полную бѣдственность и нужду народа, нужду, которой и конца краю нѣтъ.

Вотъ, напримѣръ, какія причины волненій въ Харьковской губерніи перечислены въ тайной запискѣ генералъ-адъютанта Струкова: 1) недостаточность земельныхъ надѣловъ; 2) невозможность въ большинствѣ случаевъ получать аренду изъ первыхъ рукъ; 3) полное отсутствіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выпасовъ для скота; 4) черезполосица; 5) отдаленность въ нѣкоторыхъ случаяхъ надѣловъ отъ крестьянскихъ усадебъ; 6) неудовлетворительно составленныя въ свое время уставныя грамоты, и 7) отсутствіе дешеваго кредита.

Вотъ какова доля крестьянская... Удивительно, какъ можно было

еще жить такой жизнью; и мудрено ли, что тамъ, какъ и вездѣ, возникли «безпорядки».

О томъ же говорятъ и другіе губернаторы и еще добавляютъ о множествѣ беззаконій, которыя совершаютъ съ крестьянами помѣщики, міроѣды, купцы-кулаки, удѣльные чиновники и такъ далѣе. Про одного помѣщика начальникъ витебскаго жандармскаго управленія секретно доноситъ, что онъ (помѣщикъ Реутъ) стѣсненіями и притѣсненіями довелъ окрестныхъ крестьянъ до крайней вражды, и имѣніе его рано или поздно постигнетъ печальная участь.

Однимъ словомъ, сами власти отлично понимаютъ, что не злонамѣренные люди виноваты въ крестьянскихъ волненіяхъ, а несправедливые теперешніе порядки, что крестьянство просто потому бунтуетъ, что иначе грозитъ ему смерть.

Но какъ же тогда назвать, во-первыхъ, то, что губернаторы не въ тайныхъ бумагахъ, а въ громогласныхъ приказахъ объявляютъ народъ бунтовщиками и сулятъ ему великія кары, а иногда даже обѣщаютъ стереть бунтовщиковъ съ лица земли вмѣстѣ съ ихъ семьями? И какъ, во вторыхъ, назвать заявленія властей о томъ, что крестьянину нечего ждать себѣ прибавки земли, безъ которой, какъ знаютъ сами власти, не можетъ успокоиться народъ?

Пусть подберетъ этимъ двумъ вещамъ названіе самъ читатель...

3 іюня. *А. В. Глѣбовъ.*

Накануне.

Положеніе обостряется.

Въ городахъ разгараются забастовки рабочихъ, пока еще отдѣльныя, не объединенныя общимъ планомъ.

Бастуютъ на многихъ фабрикахъ и заводахъ Петербурга, Москвы, Лодзи, Вильно, Одессы; бастуютъ судовые рабочіе въ Одессѣ и Саратовѣ, 24 мая забастовали рабочіе рыбинскихъ мастерскихъ московсковско-виндаво-рыбинской желѣзной дороги; бастуютъ рабочіе лѣсопильныхъ заводовъ въ Архангельскѣ; каменщики въ Керчи, хлѣбопеки въ Харьковѣ; во многихъ городахъ типографскіе наборщики.

Изъ Юзовки пишутъ въ «Наш. Ж.»

«Положеніе на рудникахъ таково, что общая стачка неизбѣжно вспыхнетъ, но хозяева не желаютъ дѣлать никакихъ уступокъ, очевидно, разсчитывая на содѣйствіе властей».

Всѣ эти забастовки возникаютъ стихійно, на почвѣ мѣстныхъ требованій и недовольства,—но уже во многихъ мѣстахъ—снова выставляются резолюціи и требованія общаго хкрактера—вродѣ постановленія кронштадскихъ рабочихъ, оканчивающагося словами: «земля—крестьянамъ, безъ выкупа. Рабочимъ—восьмичасовой рабочій день. Учредительное Собраніе на основѣ 4-хъ членной формулы (всеобщее, прямое, равное, тайное голосованіе)».

Число безработныхъ въ городахъ растетъ ежедневно, образуется громадная армія безработныхъ. Эти арміи организуются «совѣтами безработныхъ» и становятся грозной силой.

Во многихъ мѣстахъ городскіе рабочіе снова поговариваютъ о вооруженномъ возстаніи.

Въ деревнѣ тоже не спокойно.

Изъ Харьковской губерніи сообщаютъ: настроеніе до того тревожное, что помѣщики положительно отказываются нанимать рабочихъ на полевыя работы. Въ нѣкоторыхъ экономіяхъ крестьяне твердо и рѣшительно заявили: «не допустимъ до работъ». Помѣщики не рѣшаются выдавать задатковъ сельскимъ рабочимъ и бѣгутъ изъ деревни.

Но деревня все еще выжидаетъ; она съ надеждой смотритъ на Думу и шлетъ туда свои наказы, приговоры, просьбы. Шлетъ ежедневно. Но эти надежды деревни становятся съ каждымъ днемъ все тревожнѣе, наказы все рѣшительнѣе и опредѣленнѣе. «Добудьте землю и волю! Боритесь до послѣдняго. А мы поддержимъ». Вотъ вкратцѣ все содержаніе этихъ наказовъ и обращеній къ Думѣ...

Начинаютъ поднимать голову и забитые солдаты. Солдатскія волненія, и даже бунты, все учащаются.

Козловскій, обоянскій и льговскій полки въ Курскѣ; кіевскій полкъ въ Воронежѣ, елецкій и сѣвскій полки въ Полтавѣ, резервный батальонъ въ Грузіи; даже казаки колеблются—отказываются усмирить взбунтовавшіяся пѣхотныя войска.

Въ военныхъ тюрьмахъ сидитъ много солдатъ—«политическихъ»...

Положеніе обостряется...

Государственная Дума все ближе и ближе къ прямому и рѣзкому разрыву съ властью.

«Звѣздная палата» попыталась бросить прямой вызовъ народнымъ представителямъ—привлечь депутата Ульянова къ судебной отвѣтственности и исключить изъ числа депутатовъ за то, что онъ былъ редакторомъ газеты «Дѣло Народа», отстаивавшей народные интересы.

Дума не только рѣзко отказала въ этомъ правительству, но и внесла особый проектъ закона, который подтверждаетъ неприкосновенность депутата...

Генералъ Павловъ, главный военный прокуроръ, на запросъ Думы о тѣхъ преступныхъ убійствахъ, которыя совершаются военными властями,—отвѣчалъ, что всѣ эти безчисленныя убійства совершаются по закону.

Дума выразила этому генералу—защитнику убійствъ — свое презрѣніе и негодованіе.

Многіе депутаты кричали ему:

— Вонъ, палачъ! вонъ, убійца!

Наконецъ, на бѣлостокскій погромъ Дума отвѣтила тѣмъ, что послала въ Бѣлостокъ трехъ депутатовъ для разслѣдованія на мѣстѣ этого новаго возмутительнаго преступленія «звѣздной палаты».

Это—начало новой дѣятельности Думы — прямой борьбы съ правительствомъ Треповыхъ.

Въ добрый часъ.

«Звѣздная палата», съ своей стороны, какъ будто хочетъ перейти въ наступленіе. Ходятъ слухи, что она рѣшила еще усилить преслѣдованія «политическихъ». Ходятъ слухи, что надняхъ будутъ произведены повальные аресты всѣхъ неудобныхъ этимъ звѣздоносцамъ людей, въ томъ числѣ и многихъ депутатовъ Государственной Думы.

Не поздно ли задумали это дѣло, господинъ Треповъ?

Вѣдь теперь въ тюрьму придется посадить всю Россію.

Кто же будетъ «сажать», кто охранять? Вотъ, солдаты въ Курскѣ заявляютъ, что не станутъ болѣе слушать своихъ офицеровъ. «Не будемъ больше,—говорятъ солдаты,—стрѣлять въ нашихъ братьевъ—крестьянъ, которые борются за землю и волю».

А вѣдь пулеметы сами не стрѣляютъ.

Правда, у «звѣздоносцевъ» есть еще много «вѣрныхъ» полковъ, которые могутъ избить еще много тысячъ народу. Ну, а дальше что?

Долго ли эти полки могутъ продержаться? Долго ли будутъ «вѣрны» семеновцы?

Нѣтъ, господа, не распускайте этихъ слуховъ, не трудитесь напрасно:

Вамъ все равно никто не повѣритъ.

Вы *не можете* усилить вашихъ преслѣдованій, вы *не можете* арестовать депутатовъ, вы *не можете* разогнать Думу.

Не можете, такъ какъ самое существованіе ваше теперь — есть одно великое недоразумѣніе.

Вашъ прямой, окончательный разрывъ съ Думой удалитъ это недоразумѣніе и вмѣстѣ съ нимъ смететъ васъ, какъ придорожную пыль.

Вы это чувствуете — и потому вы боитесь прямого разрыва съ Думой.

Вы распускаете эти слухи, думая напугать наиболѣе трусливыхъ, наиболѣе «правыхъ» депутатовъ, въ надеждѣ, что они пойдутъ на уступки.

И погромы вы устраиваете съ этою же цѣлью: напугать наступленіемъ и приступить къ торгу.

И торгъ этотъ могъ бы состояться, но только раньше, гораздо раньше. Вы пропустили всѣ сроки, которые вамъ давала исторія... и кадеты. Но вы все еще надѣетесь—если не выиграть, то хоть сдѣлать ничью.

И пока вы надѣетесь—до тѣхъ поръ вы не приведете въ исполненіе вашихъ угрозъ, до тѣхъ поръ ваши наступленія будутъ повторять манчжурскія.

Когда вы рѣшитесь разогнать Думу, это будетъ значить, что вы поняли всю безнадежность вашей игры, сознали ваше окончательное пораженіе.

Аресты, казни, разстрѣлы, которые вы будете тогда производить, будутъ уже не вашей политикой, а мщеніемъ отчаянія, выраженіемъ злобы проигравшагося игрока.

Не распускайте же слуховъ о разгонѣ Думы.

Вамъ не повѣрятъ, ни здѣсь, ни заграницей.

4 іюня.

ЗАКОНЪ.

Теперь очень часто приходится слышать это слово: законъ. Многіе ждутъ, что Дума поможетъ издать новые законы, которые отдадутъ въ руки трудящагося народа землю и волю. Другіе же напротивъ говорятъ, что Дума ничего не сдѣлаетъ.

Кто правъ? Въ этомъ необходимо разобраться. Прежде всего мы спросимъ: всегда-ли законы бываютъ справедливыми? Если вы только вспомните, что еще не такъ давно (всего 45 лѣтъ тому назадъ) людей продавали, мѣняли на щенковъ и, вообще, обходились съ ними не какъ съ людьми, а какъ со скотомъ или вещью, если вы вспомните, что все это дѣлалось по закону, то вы, конечно, согласитесь съ нами, что законы не всегда бываютъ справедливыми.

Итакъ, есть законы справедливые и несправедливые. Напримѣръ, законъ о томъ, что нельзя никого убивать, нельзя грабить, нельзя разорять и жечь чужого имущества, нельзя никого истязать, нельзя насиловать женщинъ—все это, конечно, справедливые законы. Но всегда ли они исполняются. Если вы читали газеты, то знаете, что въ Россіи генералы, полковники и даже простые офицеры стражники, солдаты и казаки убиваютъ и истязуютъ мирныхъ жителей, грабятъ и сжигаютъ ихъ дома, насилуютъ женщинъ и даже дѣвочекъ и все это вопреки всякому закону и тѣмъ не менѣе совершенно безнаказанно.

Вы видите теперь, что и самые справедливые законы исполняются только до тѣхъ поръ, пока это выгодно и нужно тѣмъ, въ чьихъ рукахъ находится власть.

А власть всегда находится въ рукахъ болѣе сильныхъ. Сильные издаютъ такіе законы, посредствомъ которыхъ можно угнетать болѣе слабыхъ. Если бы вы познакомились съ этими законами, то увидали бы, что всѣ они несправедливые.

Если же и существуютъ справедливые законы, то они изданы для того, чтобы имъ повиновались только угнетаемые. Властители, какъ мы видѣли, этимъ законамъ не повинуются. У нихъ есть свой законъ. Онъ гласитъ такъ:

Кто сильнѣе, тотъ и правъ.

Неправильно думаетъ, значитъ, тотъ, кто вѣритъ, что страна управляется закономъ. Она всегда управлялась силой. Такъ было, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ.

Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ помѣщики, фабриканты, капиталисты, священники и чиновники обирали народъ и никакой законъ имъ не мѣшалъ въ этомъ, потому что сила была на ихъ сторонѣ. Всѣ законы имъ покровительствовали, и если законъ былъ противъ нихъ, то они находили тысячи способовъ, чтобы его не исполнять.

Но вѣдь ихъ немного. Почему же у нихъ такая сила? Въ чемъ она заключается?

Ихъ сила въ народной темнотѣ.

И они это хорошо знаютъ. Они дѣлаютъ все, что только можно, чтобы народъ остался впотьмахъ. Хотя и позволяютъ открывать въ деревняхъ школы, но не позволяютъ учителямъ бесѣдовать съ взрослыми крестьянами, не позволяютъ продавать въ деревняхъ и держать въ читальняхъ хорошихъ книгъ и газетъ.

Если же придетъ въ деревню человѣкъ, который захочетъ просвѣтить крестьянъ, то явится урядникъ, становой и жандармы или убьютъ такого человѣка, или посадятъ въ тюрьму и увезутъ куда-нибудь въ Якутскую область.

Если крестьяне изъ разныхъ деревень, а тѣмъ болѣе изъ разныхъ уѣздовъ или губерній, вздумаютъ собраться вмѣстѣ, чтобы обсудить свое положеніе, то ихъ сейчасъ же объявятъ бунтовщиками и запрутъ въ тюрьмы.

Вы видите, что тѣ, въ чьихъ рукахъ сила и власть, больше всего боятся свѣта. Въ самомъ дѣлѣ, что другое, какъ не народная тьма, позволяетъ имъ дѣлать изъ солдатъ послушное орудіе своей воли?

Вѣдь этотъ солдатъ, этотъ казакъ, который теперь по приказанію своего начальника топчетъ лошадью народъ, разстрѣливаетъ мирныхъ жителей, сжигаетъ ихъ дома, вѣдь онъ еще недавно силою взятъ изъ своей родной деревни. И вотъ теперь онъ помогаетъ своимъ начальникамъ, которые заодно съ помѣщиками, фабрикантами и чиновниками, онъ помогаетъ имъ противъ народа, онъ самъ куетъ ту цѣпь, которая держитъ въ рабствѣ и его вмѣстѣ съ народомъ.

Полицейскій, стражникъ, тюремный сторожъ, всѣ они изъ народа.

Всѣхъ ихъ загнала сюда нищета и всѣ они помогаютъ угнетать народъ, держать его въ рабствѣ и нищетѣ, всѣ они сами куютъ себѣ цѣпь.

Повторяемъ, что темнота народа является причиною того, что сила и власть не въ рукахъ народа, а въ рукахъ небольшой кучки паразитовъ, живущихъ его трудами.

Только тогда эти паразиты потеряютъ свою силу, когда народъ прозрѣетъ, когда пойметъ, что онъ самъ помогаетъ себя связывать. Тогда наступитъ конецъ ихъ власти.

Теперь собралась Дума. Но въ ея ли рукахъ власть? Ей ли повинуются солдаты, казаки, стражники, жандармы? Нѣтъ, не ей, а прежнимъ чиновникамъ.

Вы знаете, что прошелъ уже цѣлый мѣсяцъ послѣ того, какъ собралась Дума и по прежнему по всей странѣ казаки, стражники, полицейскіе и солдаты продолжаютъ по приказанію своего начальства убивать и истязать мирныхъ жителей, разстрѣливать неповинныхъ людей, сжигать ихъ дома. Въ награду за такое послушаніе имъ позволяютъ заниматься грабежомъ и насиловать женщинъ и дѣвочекъ.

Вы видите, что Дума собралась, а все осталось по прежнему. И пусть не говорятъ, что это происходитъ отъ того, что Дума не выработала ни одного закона. Вы, вѣдь, знаете теперь, что законы тутъ не причемъ. Тѣ, въ чьихъ рукахъ сила, не будутъ повиноваться никакимъ справедливымъ законамъ до тѣхъ поръ, пока сила находится въ ихъ рукахъ.

Теперь они болѣе всего разсчитываютъ на войско, на темноту солдата. Они теперь больше всего заботятся о томъ, чтобы у солдатъ не открылись глаза. Дошло даже до того, что солдату не даютъ читать письма отъ родныхъ, если только въ этомъ письмѣ есть напоминаніе о томъ, что и солдатъ человѣкъ, что и онъ, вѣдь, взятъ изъ народа, что и у него должна быть совѣсть.

Они понимаютъ, что не Дума страшна имъ, а голосъ правды, который можетъ просвѣтить солдатъ и открыть имъ глаза; властители понимаютъ, что въ тотъ день, когда это случится, ихъ власти придетъ конецъ, потому что у нихъ не будетъ уже никакой силы.

Есть люди, которые говорятъ: «Вы видите, что Дума ничего сдѣлать не можетъ. Зачѣмъ же она собралась? зачѣмъ засѣдаетъ въ Питерѣ? Не надо этой Думы».

Съ этимъ мнѣніемъ мы согласиться не можемъ.

Народъ избралъ своихъ представителей, чтобы они заявили властямъ о его нуждахъ. Народъ до сихъ поръ былъ какъ бы несмысленнымъ младенцемъ. Онъ думалъ, что тамъ въ Петербургѣ высшія власти болѣютъ душой за него, что онѣ не знаютъ о его нуждахъ и стоитъ имъ только услышать объ этихъ нуждахъ отъ депутатовъ, посланныхъ народомъ, какъ эти власти тотчасъ же удовлетворятъ справедливыя народныя желанія.

И вотъ, эти избранники съѣхались въ Петербургъ. Громко передъ всей страной заявили они о страшномъ горѣ и нищетѣ народной. Теперь народъ знаетъ, что его нужда и горе извѣстны властямъ; онъ знаетъ, что депутаты просили у власти хлѣба и милости, какъ сынъ проситъ этого у отца, со смиреніемъ и покорностью. Только власть эта не захотѣла быть тѣмъ, чѣмъ считалъ ее народъ. Ни хлѣба, ни милости, а казаки, военное положеніе, усиленная охрана, пушки и пулеметы,—вотъ чѣмъ отвѣчаютъ народу.

И у пораженнаго недоумѣніемъ народа открываются глаза; изъ младенца онъ дѣлается мощнымъ богатыремъ, который надѣется только на себя и свои силы.

Пусть же не говорятъ, что Дума ничего не сдѣлала. Нѣтъ, она сдѣлала очень много; она окончательно открыла глаза народа. Недалекъ тотъ день, когда прозрѣетъ и солдатъ и казакъ и полицейскій.

Тогда, въ этотъ день народъ станетъ свободнымъ; тогда не будетъ никакой уже силы, которая могла бы заставить исполнять несправедливые законы. Тогда, и только тогда, у трудящагося народа будетъ вся земля и вся воля.

4 іюня. *В. Р.*

Близка развязка.

Государственная Дума находится въ настоящее время въ крайне тяжеломъ положеніи. Исчерпываются послѣдніе мирные пріемы народнаго представительства въ борьбѣ съ бюрократическимъ режимомъ, съ тупымъ упрямствомъ Горемыкинскаго министерства. Народъ, минуя Государственную Думу, начинаетъ пробовать свои средства.

Аграрныя волненія разрастаются съ каждымъ днемъ; все чаще и

чаще случаи самыхъ рѣшительныхъ столкновеній между крестьянами и крупными помѣщиками. Въ воздухѣ пахнетъ кровью, настроеніе не только въ народѣ, но и въ войскѣ повышенно-тревожное. Обманутый обѣщаніями правительства предоставить законодательныя права Государственной Думѣ, народъ начинаетъ открыто выражать свое негодованіе. Каждый день, со всѣхъ концовъ Россіи, почта и телеграфъ приносятъ депутатамъ сотни протестовъ, наказовъ, общественныхъ приговоровъ, напоминающихъ народнымъ представителямъ ихъ обѣщанія—дѣйствовать рѣшительно и смѣло, имѣя въ виду, что за ними вся сплоченная общимъ горемъ трудовая Россія. «Требованія Трудовой группы—это наши крестьянскія требованія и вы, наши представители, не должны отступаться отъ нихъ». Это требуютъ крестьяне, о томъ-же говорятъ многочисленныя солдатскія заявленія. Каждый день я получаю печатныя и письменныя заявленія отъ различныхъ частей войскъ петербургскаго гарнизона, выражающихъ свое глубокое негодованіе правительству. Въ нихъ они описываютъ свое невыносимо-тяжелое положеніе. Солдатамъ запрещаютъ читать правдивыя газеты и о засѣданіяхъ Государственной Думы. Начальники всячески стараются вооружать солдатъ противъ Думы. Все это солдаты просятъ довести до свѣдѣнія Государственной Думы, какъ единственной ихъ защитницы. Въ Курскѣ, въ Полтавѣ и др. городахъ Россіи происходятъ волненія въ войскахъ. Заговорили профессіональные, политическіе, національные и сословные союзы, всѣ объединяются на однихъ общихъ требованіяхъ: «долой старый бюрократическій строй, гнетъ, произволъ и насиліе! Довольно жертвъ, довольно крови, довольно звѣрскихъ издѣвательствъ надъ народомъ, мы хотимъ жить и требуемъ себѣ человѣческихъ правъ для жизни».

Это вопль измученной, истрадавшейся народной души. И народные представители, взволнованные и потрясенные, не могутъ уже заниматься спокойно своимъ дѣломъ. Близко уже время, когда Дума должна будетъ, наконецъ, обратиться къ странѣ и прямо указать, гдѣ корень зла, кто мѣшаетъ обновленію Россіи. Народъ чутко прислушивается къ каждому слову Думы и немедленно на нихъ отзовется. Народъ все болѣе и болѣе приходитъ къ убѣжденію, что самодержавное правительство не хочетъ удовлетворить народныхъ требованій. Очевидно, словами «Звѣздную палату» не проймешь. Это хорошо поняли тѣ крестьяне, которые даютъ теперь клятву не платить по-

датей, чтобы ихъ трудовые рубли не пошли на покрытіе произведеннаго правительствомъ за границей займа.

Надо полагать, что и Государственная Дума съ своей стороны сдѣлаетъ все отъ нея зависящее, чтобы вторая половина займа не могла бы состояться.

Членъ Государственной Думы *А. Е. Тесля.*

6 іюня.

Шагъ впередъ, два назадъ.

«И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ».

Радъ былъ бы Треповъ выжечь всю Россію—да руки коротки.

Вотъ и погромъ Бѣлостокскій удалось устроить. Сотни жертвъ, главнымъ образомъ женщинъ, стариковъ, дѣтей.

Власти—организаторы погрома.

Удалось и войска втравить въ эту позорную бойню. Большинство ранъ—штыками и пулями солдатскихъ винтовокъ. Офицеры владимірскаго полка врываются въ дома интеллигенціи и стрѣляютъ въ беззащитныхъ дѣвушекъ...

Казалось бы полное торжество «звѣздной палаты». Первыя «побѣды». Сладострастное предвкушеніе новыхъ погромовъ и новыхъ грабежей.

Но наступленіе оказалось куропаткинскимъ: шагъ впередъ, два назадъ.

Европа заволновалась.

Одна изъ самыхъ консервативныхъ и самыхъ вліятельныхъ англійскихъ газетъ—«Таймсъ» (Times) пишетъ по поводу Бѣлостокскаго погрома: «нельзя найти достаточно рѣзкихъ словъ и выраженій, чтобы осудить мерзкую, жестокую и безбожную дѣятельность русскаго правительства, занимающагося предумышленными убійствами».

Даже безстрастная международная биржа отвѣтила пониженіемъ русскихъ бумагъ.

Московскіе фабриканты заволновались и просили Трепова спрятать на время свои кровавыя руки,—а то—крахъ и русскія цѣнности полетятъ книзу.

Пришлось удовлетвориться Бѣлостокскою бойней и дать распоряженіе Столыпину—попридержать своихъ губернскихъ и уѣздныхъ палачей.

Шагъ впередъ, два назадъ...

Еще на дняхъ одинъ казачій полковой командиръ въ Петербургѣ хвалился, что ему—только свистни—и онъ мигомъ вырѣжетъ всѣхъ членовъ Государственной Думы...

Но... царскосельскіе гусары заволновались и даже самаго Трепова попросили «уйти честью» изъ ихъ солдатскаго круга. Пришлось самому царю побезпокоиться и разговаривать съ солдатами. И сказали гусары, что они впредь не желаютъ рука объ руку съ полиціей избивать свой же народъ.

И пришлось донскому полковнику остаться съ своей палаческой похвальбой ни при чемъ...

А посланные Думой депутаты успокаиваютъ жителей Бѣлостока. И сообщаютъ Думѣ, что погромъ былъ произведенъ при содѣйствіи войскъ и полиціи...

Шагъ впередъ, два назадъ...

Сегодня полиція и цензура не удовольствовались обычной конфискаціей газетъ.

Эти организаторы погромовъ и черной сотни изобрѣли новый способъ борьбы съ свободнымъ словомъ. Они явились въ типографіи газетъ: «Голосъ», «XX Вѣкъ», «Впередъ», «Трудовая Россія», «Призывъ», «Курьеръ» и «Русскій Набатъ» и остановили самое печатаніе газетъ, вопреки даже своимъ собственнымъ постановленіямъ, которыя они называютъ «Временными правилами о печати».

Тяжело работать, тяжело писать при такихъ условіяхъ, и только одна мысль даетъ нѣкоторое удовлетвореніе: какъ ни какъ, а все же за эти два года борьбы мы добились большей свободы печати, чѣмъ за все время ея существованія въ Россіи.

Правительство неумолимо преслѣдуетъ печать и грозится уничтожить свободное слово,—но это-та же похвальба донского полковника..

Шагъ впередъ, два назадъ...

Насъ гнетутъ и давятъ, но все же подвигаемся впередъ мы—борящіеся за свободу, а не «они»—живые мертвецы, несмотря на ихъ кажущуюся мощь.

Это даетъ бодрость и силу для дальнѣйшей борьбы.

Шагъ впередъ, два назадъ, г-нъ Треповъ!

Но удастся ли вамъ въ этомъ танцѣ дойти счастливо до Вержболова? Мы не ручаемся.

7 іюня.

Охранители собственности.

Сладко пѣлъ передъ Государственною Думой о неприкосновенности частной собственности министръ Горемыкинъ. Онъ увѣрялъ депутатовъ, что если уничтожить частную собственность, то погибнетъ Россія. Члены Думы отвѣтили тѣмъ, что образовали комитетъ о преступленіяхъ, совершенныхъ правительствомъ и чиновниками. Придется этой комиссіи между прочимъ заняться и грабителями—усмирителями. А что офицеры и солдаты не только избивали, но и грабили жителей—это внѣ сомнѣнія. Такъ напримѣръ фельдфебели, унтеръ-офицеры изъ войскъ трусливаго генерала Орлова живутъ очень хорошо. Самъ генералъ Орловъ еще въ первую китайскую войну за грабежи мирныхъ китайскихъ городовъ былъ преданъ военному суду... но высочайше помилованъ. Теперь его подручные возвратились изъ похода противъ латышей, празднуютъ свою побѣду. Ихъ съ женами и дѣтьми можно видѣть теперь раскатывающими по городу на «собственныхъ», отмѣнно откормленныхъ, лоснящихся жеребцахъ. Ихъ супруги, разодѣтыя въ шелка, гордо выставляютъ напоказъ блестящія на солнцѣ слишкомъ дорогія для «унтерши» кольца и серьги.

А вотъ, что сообщаетъ о подвигахъ офицеровъ семеновскаго полка мѣщанинъ Бѣдняковъ въ своемъ прошеніи на имя членовъ Государственной Думы отъ Костромской губерніи.

«27-го декабря 1905 года въ Москвѣ семеновскимъ полкомъ былъ арестованъ и разстрѣлянъ братъ мой, Юрьевскій, Владимірской губ., мѣщанинъ Анатолій Павловичъ Бѣдняковъ.

Я послалъ прошеніе московскому генералъ-губернатору съ требованіемъ удостовѣренія о смерти брата и высылкѣ вещей, которыя находились въ моментъ его ареста, а именно: пальто на мѣху, па-

паха, чемоданъ съ бѣльемъ и книгами, въ которомъ находилось марокъ почтовыхъ приблизительно на сумму 10 рублей, и документы на хранящіяся въ ростовскомъ банкѣ деньги, портмонэ съ находившимися въ немъ 82 рублями, принадлежащими ростовской группѣ соціаль-демократической рабочей партіи, золотые часы и цѣпь, очки и перстень; причемъ *офицеръ Аглаимовъ*, отдававшій распоряженіе стрѣлять, *снялъ упомянутые часы и цѣпь*, *подарилъ ихъ рядовому*, *исполнявшему роль палача*; *очки тѣмъ же офицеромъ были разбиты*.

Я обращаюсь къ членамъ Государственной Думы съ просьбой приказать полковнику семеновскаго полка *Мину* выдать вещи покойника намъ, родственникамъ убитаго, причемъ считаю не лишнимъ присовокупить, что вещи эти желаю я, не какъ вещи, составляющія цѣнность, а какъ вещи брата, за которыя я съ удовольствіемъ уплатилъ бы ихъ стоимость полковнику *Мину*, если только послѣ разстрѣла онѣ ему принадлежатъ».

О грабежахъ на Кавказѣ, въ Грузіи даже и говорить не приходится. Они признаны самимъ начальствомъ.

А вотъ сценка грабежа въ Варшавѣ.

На-дняхъ, въ 11 часовъ вечера, у Вольской заставы былъ задержанъ патрулемъ одинъ молодой человѣкъ для обыска. Паспортъ оказался въ наличности и ничего «политическаго» не найдено—значитъ, слѣдовало бы немедленно отпустить, но не тутъ-то было... Молодой человѣкъ былъ еще разъ обысканъ. Въ карманѣ брюкъ патруль нащупалъ что-то «подозрительное». Слѣдуетъ грозный вопросъ:

— Что такое?

— Деньги.

— Какія чертъ деньги!—и кошелекъ исчезаетъ изъ кармана молодого человѣка. То же произошло и съ часами, при повтореніи слова въ слово вышеописаннаго діалога. Въ заключеніе—возгласъ:

— Ну, теперь можешь итти.

Кажется, мы не ошиблись, назвавъ нашихъ «усмирителей» — «грабителями». Вотъ о чемъ не слѣдовало бы забывать прогнанному Думой министру Горемыкину, когда онъ и его подручные защищаютъ «святое право собственности».

7 іюня. *Сав.*

Мы подождемъ.

Шайка убійцъ и грабителей, которая называетъ себя русскимъ правительствомъ, употребляетъ всѣ усилія, чтобы вызвать междуусобную войну... Каждый часъ приноситъ все новыя и все болѣе и болѣе ужасныя подробности Бѣлостокскаго погрома.

Въ Кишиневскомъ погромѣ нужно было доказывать участіе полиціи въ организаціи погрома и преступное бездѣйствіе войска въ подавленіи кровопролитія и въ усмиреніи черной сотни.

Въ октябрьскихъ погромахъ сразу было ясно, что погромы организовало правительство, но нужно было доказывать участіе войскъ въ убійствахъ и въ грабежѣ.

Теперь въ Бѣлостокѣ все ясно до ужаса.

Погромъ организованъ правительствомъ. «Звѣздная палата» пустила пробный шаръ: «Авось выгоритъ! Авось устрашимъ».

Убивали и грабили войска и полиція.

Черная сотня была малочисленна, всего 40—50 человѣкъ.

Околодочный Венярскій громилъ съ хулиганами и солдатами; помощникъ пристава громилъ лавку Вейнера, околоточный Дальгертъ заманилъ въ участокъ фельдшера Сошицкаго, тамъ его убили; городовые, скинувъ мундиры, а то и въ мундирахъ, грабили и убивали; награбленное свозили въ участки...

Войскамъ начальство заявляло: «*приказано стрѣлять въ евреевъ, если они покажутся на улицахъ, въ воротахъ, окнахъ*». И войска не только стрѣляли, но и кололи штыками и издѣвались надъ убиваемыми. Солдаты, вмѣстѣ съ хулиганами, врывались въ дома евреевъ, убивали и грабили. Многіе офицеры переодѣвались и также грабили, не брезговали и золотыми цѣпочками...

Убійцы вколачивали колья въ горло своимъ беззащитнымъ жертвамъ, распарывали животы дѣтямъ, выкалывали глаза, вырывали мясо изъ груди, вбивали въ голову гвозди. Одного отца, мать, двухъ дѣтей связали вмѣстѣ и убили гвоздями. Одного каменщика распяли на стѣнѣ вокзала...

Это—даже не средневѣковье съ его ужасами инквизиціи и съ

преслѣдованіями евреевъ. Тамъ изувѣры, фанатики и невѣжественный народъ были убѣждены, что они мстятъ евреямъ за Христа.

Здѣсь—организованное убійство, политическая месть кучки развращенныхъ сановниковъ, чувствующихъ, что власть ускользаетъ отъ нихъ. Умирая, они душатъ все, что попадетъ въ ихъ окровавленныя руки.

Они думаютъ объ одномъ: еще хоть нѣсколько мѣсяцевъ, нѣсколько недѣль, хоть нѣсколько часовъ удержать эту власть и пожить въ свое удовольствіе. Они думаютъ, что для этого выгоднѣе всего—вызвать на открытый бой проснувшійся народъ, пока есть еще темныя силы, которыя по слѣпотѣ и изъ страха будутъ отстаивать свое начальство. Поэтому они вызывающе не даютъ амнистіи, поэтому они устраиваютъ погромъ, поэтому они снова воздвигли на печать еще небывалыя гоненія.

Будемъ считаться.

Кто за васъ, г-нъ патронодержецъ Треповъ?

Придворные лакеи разныхъ степеней, дѣйствительныя тайныя и тайныя развалины въ золотыхъ мундирахъ, крупное «трудовое дворянство» (да и то не все), часть духовенства, защищающая смертную казнь и церковныя земли, можетъ быть, часть крупнаго купечества, военные—оберъ-палачи манчжурскіе трусы и грабители—Дубасовъ, Рождественскій, Ренненкампфъ, Орловъ и ихъ «молодцы»—Минъ, Риманъ и какъ ихъ тамъ еще... Офицеры, солдаты.

Вотъ здѣсь-то и вопросъ.

Правда, въ Бѣлостокѣ офицеры и солдаты убивали и грабили, какъ шайка самихъ гнусныхъ разбойниковъ. Но не хочется вѣрить, чтобы всѣ войска, бывшія въ то время въ Бѣлостокѣ, участвовали въ этихъ преступленіяхъ. Мы увѣрены, что только незначительная часть.

Допустимъ даже, что всѣ. Но вѣдь на Бѣлостокѣ—свѣтъ не клиномъ сошелся. Мы знаемъ, что теперь всюду идутъ солдатскія волненія—даже семеновцы и гусары волнуются и съ большимъ начальствомъ разговариваютъ совсѣмъ по новому.

Мы не обольщаемся надеждами, мы не думаемъ, что войска сразу встанутъ на сторону народа. Слишкомъ вы забили несчастныхъ солдатъ, чтобы они всѣ сразу поняли, что вы—самый злѣйшій ихъ врагъ, такой же врагъ, какъ и всего народа. Но мы утверждаемъ, что, чѣмъ больше будетъ разгораться ваша борьба съ народомъ, тѣмъ

сознательнѣе станетъ солдатъ и тѣмъ больше и больше солдатъ будетъ переходить на сторону народа.

Но вѣдь мы и не собираемся сейчасъ давать вамъ сраженія. Этого хотите вы, г-да звѣздоносцы, такъ какъ думаете застать народъ неподготовленнымъ.

Зачѣмъ же мы будемъ доставлять вамъ это минутное удовольствіе, зачѣмъ литься лишней крови?!

Трудовой народъ слишкомъ долго ждалъ и терпѣлъ, онъ можетъ подождать и еще нѣсколько недѣль или даже мѣсяцевъ. Мы не примемъ сейчасъ предлагаемаго вами генеральнаго сраженія.

Трудовой народъ знаетъ, что не избѣжать великой битвы съ вами, со всѣми темными силами, которыя вы выставите. Но онъ приметъ эту битву тогда, когда самъ захочетъ, а не теперь, когда вы этого хотите.

Мы не скрываемъ, что битва эта будетъ ужасна, такъ какъ вы—отцы лжи—соберете вокругъ себя все, что есть на Руси самаго темнаго, злого, преступнаго и развращеннаго. А много еще у насъ такихъ людей: слишкомъ долго длилось ваше царство и много народу въ корень испорчено вами—всѣ эти грабители и насильники офицеры, эти банковскіе служащіе и реалисты, громившіе въ Бѣлостокѣ, директора Добровольскіе, отдающіе на произволъ черни и солдатъ своихъ ученицъ евреекъ, всѣ сыщики, полиція, жандармы, земскіе начальники, сельскіе стражники, сельскіе кулаки—міроѣды...

За нами—за Новой Россіей: только городскіе рабочіе, проснувшееся крестьянство и революціонная интеллигенція.

Только.

Но мы ни на минуту не сомнѣваемся, что побѣда все же за нами.

8 іюня.

Всероссійскій позоръ.

Когда графъ Витте еще не былъ графомъ и первымъ министромъ, когда онъ занималъ должность, при которой можно было безотчетно и безнаказанно расхищать народную казну и спаивать народъ казенной водкой, что на языкѣ нашихъ заправилъ называется «запи-

мать постъ министра финансовъ»—онъ заявилъ какъ-то во всеуслышанье, что за всѣ свои дѣйствія на этомъ «посту» онъ неповиненъ такъ какъ онъ былъ только «*приказчикомъ*» его величества государя императора».

Съ тѣхъ же поръ, какъ наше правительство потерпѣло позорное пораженіе въ войнѣ съ японцами, когда всѣ его пороки и преступленія стали видны всякому, точно злыя болячки изъ подъ рубища прокаженнаго, съ тѣхъ поръ, когда наши министры въ конецъ потеряли довѣріе страны, они стали *приказчиками иностранныхъ банкировъ*.

И вотъ какъ это произошло: чтобы поддержать свое существованіе, имъ нужны были деньги, много денегъ.

Эти деньги имъ нужны, чтобы платить огромныя жалованья чиновникамъ, которые до сихъ поръ ничего кромѣ вреда трудовому народу не приносили — полицейскимъ, стражникамъ, земскимъ начальникамъ, шпіонамъ, исправникамъ, жандармамъ, предателямъ и т. д. безъ конца. На всю эту свору полицейской опричины ежегодно тратится много милліоновъ народныхъ денегъ. Не далѣе какъ съ мѣсяцъ тому назадъ, напримѣръ, былъ объявленъ высочайшій указъ, чтобы выдать изъ народной казны *девять милліоновъ рублей* только на *увеличеніе* жалованья полицейскимъ всѣхъ чиновъ! Сколько же народныхъ милліоновъ на самое ихъ жалованье пропадаетъ, когда на одну *прибавку* столько сразу отвалили? Прибавьте теперь жалованье да награды разнымъ министрамъ, генераламъ да чиновникамъ, затѣмъ пенсіи всѣмъ этимъ дармоѣдамъ, и получится не одинъ десятокъ милліоновъ рублей каждогодно растрачиваемыхъ нашимъ правительствомъ зря.

Откуда же взять нашимъ министрамъ столько денегъ, когда все, что было въ казнѣ запасу растрачено на войну, да на стотысячныя жалованья бездарнымъ генераламъ? Вѣдь народъ давно уже пересталъ платить, ибо нечего съ него даже силою содрать.

Съ властью же да съ грабежами — министрамъ разстаться не охота. Ну, вотъ они и обратились за помощью къ иностраннымъ богачамъ. А этимъ двойная выгода: съ нуждающагося можно здоровый процентъ содрать, это — разъ; за нашихъ министровъ руку держатъ наши помѣщики да фабриканты, и поддержать ихъ такіе же иностранные помѣщики, фабриканты да банкиры всегда готовы —

противъ трудового народа это — два. Они хоть и разныхъ странъ богатѣи, а обираютъ трудовой народъ одинаково.

Такимъ образомъ, чѣмъ круче нашимъ министрамъ съ деньгами приходилось здѣсь, тѣмъ больше денегъ они забирали у иностранныхъ банкировъ, тѣмъ больше шли они къ иностранцамъ въ приказчики.

Оно и понятно. Вотъ послѣдній разъ иностранцы уйму денегъ дали подъ самые безсовѣстные проценты, и выплачивать ихъ придется народу цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ. Дать то дали, да теперь хотятъ знать, какъ ихъ приказчики, а наши министры, эти деньги расходовать будутъ. И выходитъ теперь вотъ что: 1) въ отвѣтъ на адресъ царю отъ Государственной Думы первый министръ Горемыкинъ вставилъ заявленіе о томъ, что частную собственность на землю нужно сохранить, потому что «на этомъ настояли иностранные богачи черезъ банкира Мендельсона»; 2) «Какъ только Горемыкинъ прочелъ отвѣтъ въ Думѣ, такъ сейчасъ «изъ Петергофа (тамъ царскій дворецъ) была послана большая секретная (шифрованная) телеграмма нѣмецкому императору» (см. газ. «Рѣчь»). Этотъ императоръ какъ сосѣдъ, очень заинтересованъ, чтобы у насъ земли крестьянамъ не давали и положеніе рабочихъ не улучшали: голоднаго сосѣда всегда дешевле на работы нанять можно, да и его крестьянамъ и рабочимъ соблазну не будетъ. Вотъ когда поляки въ прошломъ октябрѣ, послѣ 17-го числа, вмѣстѣ съ нами поднялись за нашу общую свободу, варшавскій генералъ-губернаторъ Скалонъ прямо пригрозилъ имъ нѣмецкими солдатами. А теперь даже черносотенная газета «Свѣтъ» сообщаетъ, что въ Берлинѣ (столица Германіи) ожидается пріѣздъ великаго князя Владиміра Александровича и что «этой поѣздкѣ въ высшихъ сферахъ (у министровъ и другихъ большихъ сановниковъ) придается большое значеніе».

Не срамъ-ли это для русскаго народа, не всероссійскій-ли это позоръ?! Неужели народъ и теперь смолчитъ, неужели позволитъ онъ долго еще иностраннымъ приказчикамъ трепать его народную честь по прихожимъ иноземныхъ ростовщиковъ?!

8 іюня. *Дм. Митинъ.*

Тяжелое положеніе нашего «правительства».

Сегодня въ Думѣ министръ внутреннихъ дѣлъ Столыпинъ увѣрялъ народныхъ представителей, что въ организаціи погромовъ департаментъ полиціи не принималъ участія цѣликомъ, что «съ поличнымъ попались» только нѣкоторые жандармскіе офицеры, которымъ министерство и сдѣлало соотвѣтственное внушеніе: «не попадайся».

Министръ дошелъ даже до такой степени уступчивости Думѣ, что обѣщалъ и впредь дѣлать своимъ подчиненнымъ внушеніе за неловкость, несмотря на то, что одинъ изъ этихъ получившихъ внушеніе былъ одновременно осчастливленъ высочайшей наградой за удачную борьбу съ революціей.

Съ другой стороны, министръ съ гордостью отрицалъ какую либо свою зависимость отъ генерала Трепова и принималъ всю отвѣтственность за охрану «порядка» въ Россіи на себя.

Вотъ, поистинѣ, вѣрный рабъ, который не выдастъ своего господина.

Ораторы кадетовъ не повѣрили рабской самоотверженности г-на Столыпина и въ теченіе 2-хъ часовъ доказывали ему, что онъ,— министръ внутренихъ дѣлъ,—конечно, не безъ пятенъ,—но все же суть не въ немъ, а въ Треповѣ—и вообще въ негласномъ правительствѣ,—дающемъ указанія правительству гласному.

Кадеты — большіе политики и парламентаріи и потому прямо Трепова не называли и патронодержатель именовался у нихъ «ротмистръ Пышкинъ», который, какъ извѣстно, организовалъ погромъ въ Вологдѣ.

Но въ своей газетѣ «Дума» кадеты менѣе скромны и сообщаютъ, напр., что «Звѣздная палата» обсуждала вопросъ о необходимости разрыва съ Государственной Думой. Во время этого обсужденія графъ Игнатьевъ сказалъ, что самое лучшее создать этотъ разрывъ на почвѣ еврейскаго вопроса; тогда можно будетъ уронить значеніе Думы въ глазахъ темнаго народа. Это совѣщаніе происходило за нѣсколько дней до Бѣлостокскаго погрома.

Мы уже говорили, что «Звѣздная палата» обожглась на Бѣлостокскомъ погромѣ. Пришлось дать отбой.

Мы уже говорили, что одной изъ причинъ этого отбоя являются солдатскія волненія.

Телеграфъ и почта приносятъ все новыя и новыя свѣдѣнія.

Сегодня та же «Дума» сообщаетъ о сильныхъ волненіяхъ солдатъ въ Красноярскѣ; солдаты убили штабсъ-капитана Козьмина, сильно избили полковника Шурина. И тотъ и другой въ пьяномъ видѣ рубили шашками солдатъ.

Въ Севастополѣ съ 5 іюня солдатскія сходки; однѣ части остались «вѣрными», другія бунтуютъ. Столкновенія между тѣми и другими.

Изъ Рязани полковникъ Ларіоновъ телеграфируетъ царю о бунтѣ Болховскаго полка изъ-за недостатка бѣлья и амуниціи; полковникъ обвиняетъ въ подстрекательствѣ какихъ то неизвѣстныхъ «посторонних»».

Семеновскіе солдаты волнуются, такъ какъ недовольны своей славой московскихъ палачей; офицеры этого полка—сподвижники Мина—угрожаютъ своимъ солдатамъ привести для ихъ укрощенія преображенцевъ...

Тутъ не до погромовъ. Приходится бить отбой... и даже Думѣ давать обѣщанія.

И все же съ депутатскихъ скамей «лѣвой» несутся крики: «Каины! погромщики!»—Неблагодарные!

Да, положеніе незавидное: съ одной стороны, разогнать Думу нельзя; съ другой—не разогнать невозможно. Вотъ тутъ и выкручивайся; отвѣчай на запросы, выгораживай петергофскихъ патронодержцевъ, выслушивай оскорбленія, говори о земельномъ и иныхъ вопросахъ, въ которыхъ ничего не смыслишь.

«О, тяжела ты шапка Мономаха!»

Развѣ иноземцы помогутъ?—Вотъ говорятъ, недавно австрійскій и германскій императоры совѣщались, какъ бы «Звѣздной палатѣ» помочь въ столь ея тягостномъ положеніи. Говорятъ, что скоро и еще свиданіе въ германскихъ водахъ предвидится.

Но вѣдь иноземцы даромъ не помогутъ. Придется что нибудь имъ подарить. Бѣловѣжскую пущу—что ли?

«О, тяжела ты шапка Мономаха!»

9 іюня.

АМНИСТІИ ВАМЪ НЕ БУДЕТЪ!

Номера нашей газеты, такъ же какъ и нѣкоторыхъ другихъ, полиція, вопреки даже изданнымъ ею самой такъ называемымъ «Временнымъ правиламъ», конфискуетъ еще *до выхода въ свѣтъ*, въ самой типографіи, на печатномъ станкѣ. Конфискуются первые отпечатанные номера и прекращаютъ дальнѣйшее печатаніе—полицейскіе разбиваютъ стереотипъ.

О такомъ беззаконномъ нарушеніи всякихъ «правъ собственности», о такой грубой замѣнѣ бывшей «предварительной цензуры» простымъ полицейскимъ грабежомъ сегодня сдѣланъ въ Государственной Думѣ членами Трудовой группы запросъ министру внутреннихъ дѣлъ. Этотъ запросъ мы приводимъ ниже.

Министру Столыпину, насаждающему въ Россіи «порядокъ» при помощи ротмистровъ Пышкиныхъ, выгодно зажать ротъ тѣмъ газетамъ, которыя отстаиваютъ права народа и утверждаютъ что «порядокъ» министра Столыпина и ротмистра Пышкина на русскомъ языкѣ называется убійствомъ и грабежомъ.

На думскій запросъ министерство черезъ мѣсяцъ, если уцѣлѣетъ до того времени, отвѣтитъ, что пристава грабили въ типографіяхъ *по закону*, что нѣкоторые изъ нихъ получили даже высочайшую награду.

Насъ это не занимаетъ.

Министры и ихъ господа изъ «Звѣздной палаты» забронированы отъ словесныхъ воздѣйствій. И даже когда пробьетъ ихъ часъ—они почувствуютъ это заранѣе и поѣздъ-молнія успѣетъ, вѣроятно, умчать ихъ отъ народнаго гнѣва за границу, въ объятія своихъ иноземныхъ родственниковъ.

Тамъ,

«Подъ плѣнительнымъ небомъ Сициліи,
Въ благовонной древесной тѣни»...

или въ парижскихъ и лондонскихъ вертепахъ, они будутъ прожигать награбленныя въ Россіи деньги.

Но всѣ эти маленькіе пособники преступленій «Звѣздной палаты», всѣ эти пристава, околодочные, инспектора типографій, чиновники

цензурнаго вѣдомства, почтовые чиновники и проч., и проч. развѣ могутъ они надѣяться, что Треповъ возьметъ ихъ съ собой въ Сицилію и они уйдутъ отъ суда праведнаго?!

Напрасная надежда! Всѣ они останутся въ Россіи и всѣ они понесутъ кару за свои преступленія.

Творящіе беззаконіе—зарубите это въ своей памяти!

Мы не забудемъ вашихъ именъ и вамъ амнистіи не будетъ!

10 іюня.

Предсѣдателю Государственной Думы.

Срочное заявленіе.

6, 7 и 8 іюня чины с.-петербургской полиціи появились въ типографіяхъ газетъ: «Трудовая Россія», «Голосъ», «Впередъ», «Курьеръ», «Русскій Набатъ», «Призывъ», «XX Вѣкъ», и «Современная Жизнь» и, предъявивъ гектографированный листокъ, потребовали пріостановить печатаніе названныхъ газетъ. Отпечатанные экземпляры этихъ номеровъ были конфискованы. Все это полиція выполнила ссылаясь на постановленіе с.-петербургскаго комитета по дѣламъ печати, нашедшаго нѣчто преступное въ этихъ номерахъ. Въ виду того, что со времени отправки установленнаго числа экземпляровъ въ означенный комитетъ и моментомъ пріостановки печатанія и конфискаціи номеровъ 6 и 7 іюня не проходило и четверти часа, мы можемъ утверждать, что комитетъ по дѣламъ печати не имѣлъ времени не только прочитать, но даже и получить вышеозначенные номера. Все это доказываетъ, что приказъ о конфискаціи былъ отданъ раньше выхода означенныхъ газетъ, что является явнымъ и вопіющимъ нарушеніемъ ст. 9, отдѣла VII высочайшаго указа правительствующему сенату отъ 24 ноября 1905 г.

8-го числа конфискація газетъ «Трудовая Россія» и «Голосъ» произошли при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Ровно въ $5^1/_2$ часовъ утра, черезъ полчаса послѣ того, какъ машина была пущена въ ходъ, явился приставъ въ сопровожденіи полицейскихъ и сыщиковъ и потребовалъ, въ случаѣ отказа угрожая употребить силу, выдачи пробныхъ экземпляровъ указанныхъ газетъ.

АМНИСТІИ ВАМЪ НЕ БУДЕТЪ!

Номера нашей газеты, такъ же какъ и нѣкоторыхъ другихъ, полиція, вопреки даже изданнымъ ею самой такъ называемымъ «Временнымъ правиламъ», конфискуетъ еще *до выхода въ свѣтъ*, въ самой типографіи, на печатномъ станкѣ. Конфискуются первые отпечатанные номера и прекращаютъ дальнѣйшее печатаніе—полицейскіе разбиваютъ стереотипъ.

О такомъ беззаконномъ нарушеніи всякихъ «правъ собственности», о такой грубой замѣнѣ бывшей «предварительной цензуры» простымъ полицейскимъ грабежомъ сегодня сдѣланъ въ Государственной Думѣ членами Трудовой группы запросъ министру внутреннихъ дѣлъ. Этотъ запросъ мы приводимъ ниже.

Министру Столыпину, насаждающему въ Россіи «порядокъ» при помощи ротмистровъ Пышкиныхъ, выгодно зажать ротъ тѣмъ газетамъ, которыя отстаиваютъ права народа и утверждаютъ что «порядокъ» министра Столыпина и ротмистра Пышкина на русскомъ языкѣ называется убійствомъ и грабежомъ.

На думскій запросъ министерство черезъ мѣсяцъ, если уцѣлѣетъ до того времени, отвѣтитъ, что пристава грабили въ типографіяхъ *по закону*, что нѣкоторые изъ нихъ получили даже высочайшую награду.

Насъ это не занимаетъ.

Министры и ихъ господа изъ «Звѣздной палаты» забронированы отъ словесныхъ воздѣйствій. И даже когда пробьетъ ихъ часъ—они почувствуютъ это заранѣе и поѣздъ-молнія успѣетъ, вѣроятно, умчать ихъ отъ народнаго гнѣва за границу, въ объятія своихъ иноземныхъ родственниковъ.

Тамъ,

«Подъ плѣнительнымъ небомъ Сициліи,
Въ благовонной древесной тѣни»...

или въ парижскихъ и лондонскихъ вертепахъ, они будутъ прожигать награбленныя въ Россіи деньги.

Но всѣ эти маленькіе пособники преступленій «Звѣздной палаты», всѣ эти пристава, околодочные, инспектора типографій, чиновники

цензурнаго вѣдомства, почтовые чиновники и проч., и проч. развѣ могутъ они надѣяться, что Треповъ возьметъ ихъ съ собой въ Сицилію и они уйдутъ отъ суда праведнаго?!

Напрасная надежда! Всѣ они останутся въ Россіи и всѣ они понесутъ кару за свои преступленія.

Творящіе беззаконіе—зарубите это въ своей памяти!

Мы не забудемъ вашихъ именъ и вамъ амнистіи не будетъ!

10 іюня.

Предсѣдателю Государственной Думы.

Срочное заявленіе.

6, 7 и 8 іюня чины с.-петербургской полиціи появились въ типографіяхъ газетъ: «Трудовая Россія», «Голосъ», «Впередъ», «Курьеръ», «Русскій Набатъ», «Призывъ», «XX Вѣкъ», и «Современная Жизнь» и, предъявивъ гектографированный листокъ, потребовали пріостановить печатаніе названныхъ газетъ. Отпечатанные экземпляры этихъ номеровъ были конфискованы. Все это полиція выполнила ссылаясь на постановленіе с.-петербургскаго комитета по дѣламъ печати, нашедшаго нѣчто преступное въ этихъ номерахъ. Въ виду того, что со времени отправки установленнаго числа экземпляровъ въ означенный комитетъ и моментомъ пріостановки печатанія и конфискаціи номеровъ 6 и 7 іюня не проходило и четверти часа, мы можемъ утверждать, что комитетъ по дѣламъ печати не имѣлъ времени не только прочитать, но даже и получить вышеозначенные номера. Все это доказываетъ, что приказъ о конфискаціи былъ отданъ раньше выхода означенныхъ газетъ, что является явнымъ и вопіющимъ нарушеніемъ ст. 9, отдѣла VII высочайшаго указа правительствующему сенату отъ 24 ноября 1905 г.

8-го числа конфискація газетъ «Трудовая Россія» и «Голосъ» произошли при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Ровно въ $5^1/_2$ часовъ утра, черезъ полчаса послѣ того, какъ машина была пущена въ ходъ, явился приставъ въ сопровожденіи полицейскихъ и сыщиковъ и потребовалъ, въ случаѣ отказа угрожая употребить силу, выдачи пробныхъ экземпляровъ указанныхъ газетъ.

Приставъ ссылался на *словесное* распоряженіе старшаго инспектора типографій. Таковыя дѣйствія явно нарушаютъ статью 9 отдѣла VII высочайшаго указа правительствующему сенату отъ 24 ноября 1905 г.

Черезъ $^3/_4$ часа (въ 6 час. 15 мин. утра) былъ доставленъ приказъ о конфискаціи очередныхъ №№ названныхъ газетъ, причемъ приказъ о конфискаціи № 15 газеты «Голосъ» помѣченъ 7 іюня, т. е. на день раньше выхода № отъ 8 іюня.

Кромѣ того, чины с.-петербургскаго почтамта, по простому телефонному сообщенію, не дожидаясь официальнаго приказа, систематически задерживали почти всѣ номера теперь пріостановленныхъ уже рѣшеніемъ спб. судебной палаты газетъ «Извѣстія Крестьянскихъ Депутатовъ» и «Народный Вѣстникъ».

Чины с.-петербургской полиціи отбирали систематически всѣ номера «Извѣстій Крестьянскихъ Депутатовъ», даже тѣ, о конфискаціи которыхъ не было отдано распоряженіе градоначальника. Въ виду всего вышеизложеннаго, мы, нижеподписавшіеся, предлагаемъ Государственной Думѣ сдѣлать г. министру внутреннихъ дѣлъ слѣдующій запросъ:

1. Извѣстны ли г. министру внутреннихъ дѣлъ нарушенія закона, чинимыя его подчиненными по вѣдомствамъ главнаго управленія по дѣламъ печати, почтовому и полиціи, особенно по отношенію къ газетамъ, издаваемымъ и редактируемымъ членами Государственной Думы?

2. Какія мѣры намѣренъ принять г. министръ внутреннихъ дѣлъ для привлеченія къ отвѣтственности чиновниковъ, явно нарушившихъ законъ?

Слѣдуетъ 31 подпись.

10 іюня.

Политическій вопросъ.

Приставъ ссылался на *словесное* распоряженіе старшаго инспектора типографій. Таковыя дѣйствія явно нарушаютъ статью 9 отдѣла VII высочайшаго указа правительствующему сенату отъ 24 ноября 1905 г.

Черезъ 3/4 часа (въ 6 час. 15 мин. утра) былъ доставленъ приказъ о конфискаціи очередныхъ №№ названныхъ газетъ, причемъ приказъ о конфискаціи № 15 газеты «Голосъ» помѣченъ 7 іюня, т. е. на день раньше выхода № отъ 8 іюня.

Кромѣ того, чины с.-петербургскаго почтамта, по простому телефонному сообщенію, не дожидаясь официальнаго приказа, систематически задерживали почти всѣ номера теперь пріостановленныхъ уже рѣшеніемъ спб. судебной палаты газетъ «Извѣстія Крестьянскихъ Депутатовъ» и «Народный Вѣстникъ».

Чины с.-петербургской полиціи отбирали систематически всѣ номера «Извѣстій Крестьянскихъ Депутатовъ», даже тѣ, о конфискаціи которыхъ не было отдано распоряженіе градоначальника. Въ виду всего вышеизложеннаго, мы, нижеподписавшіеся, предлагаемъ Государственной Думѣ сдѣлать г. министру внутреннихъ дѣлъ слѣдующій запросъ:

1. Извѣстны ли г. министру внутреннихъ дѣлъ нарушенія закона, чинимыя его подчиненными по вѣдомствамъ главнаго управленія по дѣламъ печати, почтовому и полиціи, особенно по отношенію къ газетамъ, издаваемымъ и редактируемымъ членами Государственной Думы?

2. Какія мѣры намѣренъ принять г. министръ внутреннихъ дѣлъ для привлеченія къ отвѣтственности чиновниковъ, явно нарушившихъ законъ?

Слѣдуетъ 31 подпись.

10 іюня.

Политическій вопросъ.

Амнистія!..

Вотъ уже больше двухъ недѣль со всѣхъ сторонъ Россіи несутся единодушныя требованія амнистіи—освобожденія невинно пострадавшихъ. Надрывающимъ душу воплемъ вырывается это слово — «амнистія» изъ изстрадавшагося народнаго сердца. Стоитъ только вспомнить хотя бы тѣ привѣтствія насъ депутатовъ въ день открытія Думы, чтобы понять, съ какимъ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ ея весь народъ: по всему пути отъ Зимняго къ Таврическому дворцу стоялъ непрерывный гулъ отъ массы голосовъ, повторявшихъ слова: «Амнистія... Мы требуемъ амнистіи»!. Во многихъ мѣстахъ виднѣлись заплаканныя лица женщинъ, съ дрожью въ голосѣ напоминавшихъ намъ о нашемъ священномъ долгѣ немедленно же потребовать амнистію. Казалось, что нѣтъ такой силы, которая не уступила бы этому единодушному требованію народа и всѣ готовы были вѣрить, что амнистія не можетъ быть не объявлена. Вѣрили этому, очевидно, и привѣтствовавшіе насъ изъ оконъ тюремъ борцы за свободу. Эти трогательныя привѣтствія нашли дружный откликъ въ сердцахъ депутатовъ; въ первомъ же засѣданіи Думы всѣ они единодушно потребовали немедленной амнистіи.

Но вотъ проходитъ нѣсколько дней. Амнистіи нѣтъ. Часть публики начинаетъ сомнѣваться въ желаніи правительства пойти навстрѣчу требованіямъ народа. Отвѣтъ предсѣдателя совѣтъ министровъ Горемыкина разсѣялъ и послѣднія надежды. Со свойственной нашему правительству безцеремонностью, Горемыкинъ заявилъ Думѣ, что ни о какой амнистіи и рѣчи быть не можетъ. Какой насмѣшкой звучатъ слова министра, обѣщающія освободить тѣхъ невинно заключенныхъ и сосланныхъ, «предоставленіе коимъ свободы не угрожаетъ общественной безопасности». Можно подумать, что рѣчь идетъ дѣйствительно о какихъ-то врагахъ отечества, а не о тѣхъ смѣлыхъ и честныхъ борцахъ за свободу, которые не побоялись открыто указать

правительству на его преступную дѣятельность, не о тѣхъ тысячахъ изголодавшихся крестьянъ, жизнь которыхъ является сплошной каторгой. Не въ тюрьмѣ морить слѣдовало бы этихъ несчастныхъ страдальцевъ, а позаботиться объ устраненіи тѣхъ причинъ, которыя приводятъ ихъ къ подобному состоянію. У насъ же до сихъ поръ въ такихъ случаяхъ примѣнялись лишь тюрьмы, да розги съ казацкими нагайками.

Правительство не хочетъ считаться съ требованіями народа и его представителей, но пусть оно знаетъ, что народъ прекрасно уже понимаетъ, насколько, дѣйствительно, «преступны» тѣ, кому выпало на долю сдѣлаться жертвами необузданнаго произвола чиновниковъ, и мы, его представители, снова настойчиво требуемъ открыть двери къ свободѣ тѣмъ работникамъ, которые намъ проложили дорогу въ Думу. Никакія отдѣльныя уступки не удовлетворяютъ страну, — необходима полная немедленная амнистія. Пора же, наконецъ, понять ту простую истину, что насиліе и рождаетъ насиліе.

17 мая. *Крестьянскій депутатъ.*

О русской революціи.

Насъ часто пугаютъ революціей. Намъ часто говорятъ, что пройдетъ немного времени, и въ Россіи вспыхнетъ «настоящая» революція, когда камень на камнѣ не останется отъ стараго строя. Намъ угрожаютъ разными ужасами, всеобщей рѣзней и т. п.

Попробуемъ разобраться въ этомъ.

Прежде всего намъ нечего бояться революціи, потому что мы уже переживаемъ «Великую русскую революцію», и когда она кончится, никому неизвѣстно.

Вѣдь что такое революція въ жизни народа?

Это есть быстрый переходъ,—(быстрый, потому что нѣсколько лѣтъ революціи въ жизни народа ничто по сравненію со столѣтіями мирнаго развитія),—быстрый переходъ къ новому строю жизни, рѣзко отличающемуся отъ стараго.

Въ Россіи теперь идетъ революція и притомъ не одна, а цѣлыхъ три: политическая, національная и соціальная.

Политическая революція заключается въ томъ, что весь народъ, недовольный старыми порядками, добивается замѣны самовластія чиновниковъ народовластіемъ, т. е. такимъ строемъ, при которомъ вся власть въ государствѣ будетъ находиться въ рукахъ народа. А установить такой порядокъ можетъ только *учредительное собраніе*, созванное на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. И когда будетъ созвано это собраніе, когда оно «учредитъ» основные законы, тогда и кончится политическая революція.

Національная революція заключается въ томъ, что различныя народности, входящія въ составъ русскаго государства, требуютъ правъ на самоопредѣленіе. Другими словами, поляки, армяне, латыши и др. желаютъ, чтобы ихъ не заставляли измѣнять своему языку, вѣрѣ, обычаямъ, и желаютъ сами распоряжаться своими дѣлами, а не черезъ продажныхъ чиновниковъ, присылаемыхъ къ нимъ правительствомъ. Это не есть раздѣленіе или распаденіе государства. Мы видимъ, что Финляндія уже добилась этихъ правъ, однако никто не скажетъ, что она отложилась отъ Россіи.

Наконецъ, третья *революція—соціальная*—состоитъ въ томъ, что все трудовое крестьянство и городскіе рабочіе—сознали уже свою силу и властно требуютъ осуществленія своихъ правъ, и главнаго права «земли и воли». Если же это произойдетъ, то въ будущемъ у власти встанетъ не отдѣльная кучка «случайныхъ людей, а трудящіеся классы страны.

Вотъ почему всѣ три революціи идутъ подъ однимъ знаменемъ «земли и воли».

Кому же страшна русская революція? Трудящемуся народу? Нѣтъ, ему она не страшна, потому что при новыхъ порядкахъ ему будетъ жить несравненно легче, чѣмъ теперь. Народъ самъ будетъ издавать законы, самъ будетъ облагать себя налогами, слѣдить за государственными доходами и расходами и т. д., и думается, что народъ не станетъ ничего дѣлать во вредъ себѣ.

Революція страшна самодержавной бюрократіи (чиновничеству). Люди, стоящіе теперь у власти, очень хорошо понимаютъ, что при настоящемъ народовластіи ихъ значеніе будетъ ничтожно; они знаютъ, что у нихъ тогда не будетъ ни многотысячныхъ окладовъ, ни

доходныхъ мѣстечекъ, что имъ нельзя будетъ безъ отчета распоряжаться наградными деньгами и т. д.

И вотъ они напрягаютъ всѣ силы, чтобы помѣшать народу въ его стремленіи къ землѣ и волѣ. Они выбрасываютъ десятки милліоновъ рублей на вооруженную охрану, они посылаютъ во всѣ концы Россіи пушки и пулеметы, надѣясь задавить революцію.

Но народъ проснулся. Народъ понялъ, кто его враги и кто друзья, и поддерживаетъ своихъ друзей въ требованіи осуществленія народныхъ правъ. Отказаться отъ нихъ онъ не можетъ, потому что безъ нихъ ему остался одинъ путь—въ могилу. И онъ сумѣетъ убрать со своего пути тѣхъ, кто становится ему на дорогѣ.

21 мая. *Черм.*

Къ еврейскому вопросу.

Русская революція, поставившая себѣ цѣлью освобожденіе всего народа отъ бюрократической (чиновничьей) опеки, конечно, разрѣшитъ и еврейскій вопросъ. Нѣтъ никакихъ сомнѣній, что уравненіе евреевъ въ правахъ со всѣмъ остальнымъ населеніемъ послѣдуетъ сейчасъ же за переходомъ власти въ руки народа. Доказывать необходимость этого мы считаемъ ниже своего достоинства. Теперь же мы хотимъ дать только маленькую историческую справку о тѣхъ гоненіяхъ, которымъ подвергались евреи за послѣднія десятилѣтія, чтобы обрисовать, какъ тяжело живется евреямъ въ Россіи и какія чувства должны они питать къ государству, поставившему ихъ въ такія ужасныя условія.

Время великихъ гоненій начинается съ 80-хъ годовъ. Такъ, въ 1882 году евреямъ, живущимъ въ чертѣ осѣдлости, воспрещается жить внѣ черты городовъ и мѣстечекъ и, кромѣ того, воспрещается тамъ не только покупать недвижимыя имущества и землю, но даже арендовать ее, хотя бы для занятія земледѣліемъ. А въ 1887 году прикрѣпляютъ къ мѣстамъ всѣхъ евреевъ, поселившихся ранѣе 82 г. въ сельскихъ мѣстахъ.

Въ 1890 г. евреевъ Царства Польскаго лишаютъ права на аренду казенныхъ земельныхъ участковъ и въ 1891 г. имъ воспрещаютъ въ

Царствѣ Польскомъ покупать и арендовать земли. Въ томъ же 91 г. имъ воспрещаютъ пріобрѣтать и владѣть въ Финляндіи недвижимыми имуществами. Послѣдній законъ былъ проведенъ вопреки желанію финляндскаго народа.

Далѣе, въ 1887 году устанавливается опредѣленный—весьма низкій (отъ 2% до 5%) процентъ при пріемѣ евреевъ въ высшія и среднія учебныя заведенія; въ нѣкоторыя учебныя заведенія ихъ рѣшено не принимать совсѣмъ.

Въ 1886 году устанавливаютъ штрафъ въ 300 руб. съ *семействъ* евреевъ, уклонившихся отъ отбыванія воинской повинности.

Далѣе, въ 1890—92 гг. евреямъ воспрещаютъ служить въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи.

Въ 1891 году воспрещаютъ евреямъ-ремесленникамъ селиться въ Москвѣ и московскомъ градоначальствѣ и выселяютъ въ черту осѣдлости на основаніи этого «закона» около 17 тысячъ евреевъ—многихъ коренныхъ жителей Москвы.

Въ 18..., но довольно. Мы указали только на главнѣйшія мѣропріятія нашего правительства. Не даромъ же евреи въ настоящее время, можетъ быть еще болѣе страстно, чѣмъ остальной русскій народъ, ведутъ борьбу за свободу.

Да будетъ же стыдно тому члену Государственнаго Совѣта, который недавно заявилъ, что разрѣшить еврейскій вопросъ очень легко: стоитъ имъ только перейти въ православіе и все станетъ прекрасно.

24-го мая. *Черм.*

Освобожденіе крестьянской женщины.

Среди множества интересныхъ матеріаловъ, поступающихъ депутатамъ Трудовой группы, особенно интересны письма, постановленія, разные очерки и т. п., показывающія, что не только крестьянинъ, но и крестьянская женщина пробуждается къ новой лучшей и свѣтлой жизни.

Ниже печатаемый съ нѣкоторыми сокращеніями отчетъ «женскаго вопроса въ деревнѣ», недавно присланный въ Трудовую группу, рисуетъ яркую, бодрящую картину. Въ заключеніе я указываю нѣко-

торые основные выводы изъ этихъ наблюденій близко знакомаго съ деревней автора, одной изъ дѣятельницъ союза женскаго равноправія.

«Въ теченіе многихъ лѣтъ я работаю среди крестьянскаго населенія одной изъ южныхъ губерній Россіи. Лѣтомъ, въ одной темной деревнѣ я пробовала говорить съ женщинами о равноправіи, о надѣленіи женщинъ землей. Невообразимо грустно стало! Въ большинствѣ случаевъ на вопросъ, не хотятъ ли лучшей бабьей доли, хорошо ли было, если бы и бабы имѣли тѣ же права, что и мужики, отвѣчали: «когда намъ думать объ этомъ, у насъ у кажинной работы по горло: нужно округъ двора своего все схлопотать, обмыть, обшить ребятъ — вѣдь мужики въ этомъ бабѣ не помогаютъ». «Да нѣшто мужики станутъ обучать насъ общественному дѣлу? Они насъ глупыми считаютъ, нѣшто, говорятъ, баба пойметъ чего? Да и взаправду, наврядъ ли мы поймемъ, какъ мужики свои сельскія да волостныя дѣла справляютъ». Въ будущемъ, по ихъ словамъ, мало надежды на то, чтобы за женщинами были признаны права, какъ человѣка и какъ члена общества въ частности. «Да какъ же мы будемъ служить? а куда же, бабье-то дѣло, дворъ свой дѣнемъ? Вѣдь, и гдѣ бабъ въ семьѣ много—безъ дѣла не сидятъ». Грустно, невыразимо тяжело дѣлается отъ этихъ словъ и, кажется, что будущее крестьянки такъ же безпросвѣтно, какъ и прошлое... Только, когда первое впечатлѣніе сгладилось и думать стало спокойнѣе—вспомнились слова другихъ бабъ—другія деревни, гдѣ народъ поразвитѣе, и вѣра воскресла, что такая безпросвѣтная бабья доля недолго уже царить будетъ... Обучите читать, писать, дайте правдивое, живое слово, общеніе съ людьми «учеными» и вы не узнаете деревни. Пусть остаются даже тяжелыя условія тѣ же, лишь бы новыя мысли... и старые устои затрещатъ и рухнутъ. Дѣлаю такое заключеніе не теоретически—выводъ этотъ мнѣ сама жизнь въ деревнѣ подвела. Женщины другой, ближайшей къ нашему хутору деревни въ тѣхъ же тяжелыхъ условіяхъ остались, тотъ же строй семьи, та же работа— запали лишь новыя мысли и сколько мрака разсѣялось уже!..

Царило убѣжденіе среди мужиковъ, что бабу не бить никакъ нельзя и хоша однова, а за виски надо оттаскать. Били женъ старики и безусые мальчишки-мужья. Случаи непризнанія личности въ женщинѣ, всей грубости и жестокости, что видѣла въ первые годы жизни въ деревнѣ, не перечту и не передамъ, конечно. Вижу только,

что теперь много лѣтъ нѣтъ такого произвола кулака. Настолько мягче стало обращеніе мужей. Стали стыдиться того, чѣмъ раньше гордились, и не бояться того, что раньше постыднымъ считали, противъ чего упирались и въ жизни, и въ разговорахъ. Что повліяло на смягченіе и просвѣщеніе нравовъ? Думаю все: школы, чтенія, слушаніе хорошихъ книгъ, общеніе съ интеллигентными людьми, расположенными искренно къ деревнѣ, спектакли, а главное, искреннее, живое, смѣлое слово. Въ этой деревнѣ большинство мужей не боятся открыто признать, что «баба такой же человѣкъ» не боятся пожалѣть бабы, поняли, что и «бабѣ на свѣтѣ божьемъ тоже хочется порадоваться». Крестьянки уже сломили многія традиціи и не думаютъ, что учиться женщинѣ стыдно, замужъ выйти поздно позорно; выходятъ замужъ теперь больше по симпатіи, любви, а не по сватовству. Пѣть пѣсни, со скверными словами, стыдятся, дѣвушки перестали пить водку, женщины пьютъ рѣдко, и не до пьяна, какъ раньше, работать подъ праздникъ и въ праздникъ, не грѣшно и репетировать (были народные спектакли) то же, что и «хорошую книжку читать» или притчу слушать.

Больше мягкости и участія пробуждается къ горю другого въ деревнѣ, *какъ и уваженіе къ труду другого человѣка.* Много новыхъ черточекъ замѣчаешь—всѣхъ не передашь. Если мужъ молодой побьетъ жену, то уже украдкой, и потомъ стыдится и скрываетъ свой поступокъ, а раньше бы величался имъ. За одного парня нашей деревни ни одна дѣвушка не пошла замужъ, потому что онъ «скверными словами ругается, какой же это человѣкъ». Женихъ красивый и дворъ не изъ бѣдныхъ. Взяли невѣсту изъ другого села и «скверныхъ словъ не слыхать, кабыть, больше». Раньше за нашими невѣстами не гнались женихи—были бѣдны да и очень темны.

Теперь дѣвушки этой деревни считаются «образованными». Многіе женихи хотѣли бы да боятся сватать «не пойдутъ», другіе женихи упорно добиваются согласія. Дѣвушки не охотно выходятъ замужъ въ другія села—темнота и грубость нравовъ пугаютъ. При сватовствѣ часто родня жениха заявляетъ «будетъ жить, какъ у себя на селѣ, попрекать книжками не будемъ, ни что чай привыкла пить и на комедь смотрѣть пущать будемъ». Нѣкоторые и играть на сценѣ разрѣшаютъ. Въ смягченіи нравовъ мужей и жениховъ огромную роль играло и развитіе самихъ нашихъ крестьянокъ. Не говорю

торые основные выводы изъ этихъ наблюденій близко знакомаго съ деревней автора, одной изъ дѣятельницъ союза женскаго равноправія.

«Въ теченіе многихъ лѣтъ я работаю среди крестьянскаго населенія одной изъ южныхъ губерній Россіи. Лѣтомъ, въ одной темной деревнѣ я пробовала говорить съ женщинами о равноправіи, о надѣленіи женщинъ землей. Невообразимо грустно стало! Въ большинствѣ случаевъ на вопросъ, не хотятъ ли лучшей бабьей доли, хорошо ли было, если бы и бабы имѣли тѣ же права, что и мужики, отвѣчали: «когда намъ думать объ этомъ, у насъ у кажинной работы по горло: нужно округъ двора своего все схлопотать, обмыть, обшить ребятъ — вѣдь мужики въ этомъ бабѣ не помогаютъ». «Да нѣшто мужики станутъ обучать насъ общественному дѣлу? Они насъ глупыми считаютъ, нѣшто, говорятъ, баба пойметъ чего? Да и взаправду, наврядъ ли мы поймемъ, какъ мужики свои сельскія да волостныя дѣла справляютъ». Въ будущемъ, по ихъ словамъ, мало надежды на то, чтобы за женщинами были признаны права, какъ человѣка и какъ члена общества въ частности. «Да какъ же мы будемъ служить? а куда же, бабье-то дѣло, дворъ свой дѣнемъ? Вѣдь, и гдѣ бабъ въ семьѣ много—безъ дѣла не сидятъ». Грустно, невыразимо тяжело дѣлается отъ этихъ словъ и, кажется, что будущее крестьянки такъ же безпросвѣтно, какъ и прошлое... Только, когда первое впечатлѣніе сгладилось и думать стало спокойнѣе—вспомнились слова другихъ бабъ—другія деревни, гдѣ народъ поразвитѣе, и вѣра воскресла, что такая безпросвѣтная бабья доля недолго уже царить будетъ... Обучите читать, писать, дайте правдивое, живое слово, общеніе съ людьми «учеными» и вы не узнаете деревни. Пусть остаются даже тяжелыя условія тѣ же, лишь бы новыя мысли... и старые устои затрещатъ и рухнутъ. Дѣлаю такое заключеніе не теоретически—выводъ этотъ мнѣ сама жизнь въ деревнѣ подвела. Женщины другой, ближайшей къ нашему хутору деревни въ тѣхъ же тяжелыхъ условіяхъ остались, тотъ же строй семьи, та же работа—запали лишь новыя мысли и сколько мрака разсѣялось уже!..

Царило убѣжденіе среди мужиковъ, что бабу не бить никакъ нельзя и хоша однова, а за виски надо оттаскать. Били женъ старики и безусые мальчишки-мужья. Случаи непризнанія личности въ женщинѣ, всей грубости и жестокости, что видѣла въ первые годы жизни въ деревнѣ, не перечту и не передамъ, конечно. Вижу только,

что теперь много лѣтъ нѣтъ такого произвола кулака. Настолько мягче стало обращеніе мужей. Стали стыдиться того, чѣмъ раньше гордились, и не бояться того, что раньше постыднымъ считали, противъ чего упирались и въ жизни, и въ разговорахъ. Что повліяло на смягченіе и просвѣщеніе нравовъ? Думаю все: школы, чтенія, слушаніе хорошихъ книгъ, общеніе съ интеллигентными людьми, расположенными искренно къ деревнѣ, спектакли, а главное, искреннее, живое, смѣлое слово. Въ этой деревнѣ большинство мужей не боятся открыто признать, что «баба такой же человѣкъ» не боятся пожалѣть бабы, поняли, что и «бабѣ на свѣтѣ божьемъ тоже хочется порадоваться». Крестьянки уже сломили многія традиціи и не думаютъ, что учиться женщинѣ стыдно, замужъ выйти поздно позорно; выходятъ замужъ теперь больше по симпатіи, любви, а не по сватовству. Пѣть пѣсни, со скверными словами, стыдятся, дѣвушки перестали пить водку, женщины пьютъ рѣдко, и не до пьяна, какъ раньше, работать подъ праздникъ и въ праздникъ, не грѣшно и репетировать (были народные спектакли) то же, что и «хорошую книжку читать» или притчу слушать.

Больше мягкости и участія пробуждается къ горю другого въ деревнѣ, *какъ и уваженіе къ труду другого человѣка.* Много новыхъ черточекъ замѣчаешь—всѣхъ не передашь. Если мужъ молодой побьетъ жену, то уже украдкой, и потомъ стыдится и скрываетъ свой поступокъ, а раньше бы величался имъ. За одного парня нашей деревни ни одна дѣвушка не пошла замужъ, потому что онъ «скверными словами ругается, какой же это человѣкъ». Женихъ красивый и дворъ не изъ бѣдныхъ. Взяли невѣсту изъ другого села и «скверныхъ словъ не слыхать, кабыть, больше». Раньше за нашими невѣстами не гнались женихи—были бѣдны да и очень темны.

Теперь дѣвушки этой деревни считаются «образованными». Многіе женихи хотѣли бы да боятся сватать «не пойдутъ», другіе женихи упорно добиваются согласія. Дѣвушки не охотно выходятъ замужъ въ другія села—темнота и грубость нравовъ пугаютъ. При сватовствѣ часто родня жениха заявляетъ «будетъ жить, какъ у себя на селѣ, попрекать книжками не будемъ, ни что чай привыкла пить и на комедь смотрѣть пущать будемъ». Нѣкоторые и играть на сценѣ разрѣшаютъ. Въ смягченіи нравовъ мужей и жениховъ огромную роль играло и развитіе самихъ нашихъ крестьянокъ. Не говорю

обратнаго, т. е. болѣе развитые крестьяне сравнительно съ женщинами и раньше были, а женщины все въ той же роли безсловесной рабы оставались и продолжали потакать своей покорностью всякой волѣ мужика, худшимъ сторонамъ его души. Когда же поняли, что кромѣ печки и мужа, есть и для нихъ еще что на свѣтѣ—то и мужчины стали соглашаться «нѣшто баба не такой же человѣкъ».

Въ концѣ августа изъ нашей деревни пришло ко мнѣ бабъ 30 провести вмѣстѣ вечерокъ. Я позвала болѣе умныхъ и развитыхъ. Были дѣвушки лѣтъ 18, бабы всѣхъ возрастовъ, двѣ старухи лѣтъ подъ 70. Мнѣ хотѣлось разсказать собравшимся о Государственной Думѣ, поговорить о равноправіи женщинъ. Отдѣльно съ 2, 3-мя приходилось не разъ толковать, но подробно и при большой аудиторіи такихъ слушательницъ раньше не удавалось.

Я знаю, что и бабамъ самимъ хотѣлось поговорить на эти темы—доходили до меня слухи. Толковали съ 6 ч. вечера до 11 часовъ ночи.

Объяснила имъ, чего русское общество желаетъ и какую Государственную Думу хотѣло и какая теперь утверждена правительствомъ. Слушали съ удивительнымъ вниманіемъ, буквально не шелохнулись, несводили глазъ съ меня. Постоянно раздавалось: «А... Да какъ же это», или «На что же такъ то»... «Да вѣдь такъ то плохо будетъ»...

Возмутилъ имущественный цензъ. «Обидно за бѣдный людъ». «Знамо, у нихъ богатства нѣтъ—ихъ богатство все въ нуждахъ». «Когда же всѣ люди то равны будутъ передъ царемъ»? «Мужика все слѣпымъ сдѣлать хотятъ—обмануть».—«Знамо, мужику до правды не добраться».—«А кто скажетъ ему правду, того хватаютъ». «Ужъ теперь и другъ съ другомъ не можно собраться проговорить».

«Да по газетамъ—кабы всю правду писали, али въ Думу эту пущали бы, народъ бы и зналъ, какой дворянинъ хлопотливѣе, какой дюжѣе старается о мужикѣ». «Да, это знамо... а то мужикъ, окромя своихъ сосѣдей окружныхъ, никого тамъ не зная—а вѣдь небось, много людей хорошихъ есть». «Выбирать народъ не такъ велятъ, а кого хотимъ изъ всея Россіи». «У, безтолковая, тебѣ говорятъ не допуститъ такъ начальство». «Да знамо—не допустя—а такъ надо бы». «Вотъ говоритъ Булыгинъ—то знатнаго рода ученый—небось сколько денегъ на себя проучилъ... а видать, онъ все таки человѣкъ темный.

«Не могу на мужика, какъ на человѣка смотрѣть». «Выходитъ, что работай, да давай деньги,—а какъ и на что—не твое дѣло».— «Мужики мы темные, а и то бабы своими деньгами распоряжаются—хоша мужъ и считается главой въ семьѣ».

Передача женщиной своего голоса мужчинѣ при выборахъ вызвала громкій смѣхъ.

«Будто и о бабахъ подумали». «Кабыть и за насъ стараются». «Такъ то и обидно, словно». «Да нѣшто мы нѣмыя и ужъ блаже ничего недавали бы, чѣмъ такъ то». «Бабу за человѣка не примаютъ». «И образованные никакъ насъ за человѣка не считаютъ». «А нужды то поболѣ, чѣмъ у мужика?». «А кто о насъ хлопоча? Эхъ головушка наша горькая».

«Въ отвѣтъ на это и вправду женщины охлопочутъ себѣ права»! Это хорошо—сами взялись за умъ! «Ахъ и хорошо ты разсказываешь, даже страшно; ну какъ не дадутъ такъ ничаго и невыйдя изъ хлопотъ». «Блаже бы и не знать и не думать объ этомъ! Нукась не выгоритъ наше дѣло бабье?» «Ахъ неграмотны мы—вотъ бѣда... Мы старыя неграмотны, а молодыя дѣвки да бабы всѣ у насъ въ селѣ грамотны!» «Вона, да нешто мы на всея Россею?» «Вотъ хорошо, кабы такъ то ясно намъ разсказывать о правахъ разныхъ, да о службахъ а то выберутъ насъ куда-нибудь, а мы какъ дурочки глазами хлопъ да хлопъ и больше ничего». «Ахъ, жаль, въ Думѣ учительницъ не будя. Черезъ нихъ бы опосля мы много узнали—онѣ хорошо, понятно объясняютъ: съ ребятами то школьниками изловчились». «Ну и смѣяться надъ нами будутъ! Какъ дурочки ничего не знаемъ. Чудно!» «Чудно—и мужики пошли, да не разскажи ему въ чемъ дѣло—не узнаетъ толкомъ—ну и онъ будя пнемъ сидѣть». «Надо бы сперва образованныхъ на общественныя дѣла выбирать—они бы все намъ разсказали—научили—ну знамо, тогда намъ смѣлѣе иттить было бы!» «Надо бы такъ, первые годы выбирать женщинъ служить только изъ образованныхъ, али такъ то только изъ тѣхъ, кто самъ пожелая—не боится, а опосля и всѣ мы потянулись бы!» Знамо, такъ то ловчѣе и складнѣе было бы!» «У ты!.. потянешься... и радъ бы да за тобой дѣти хвостомъ потянутся... да свекровь съ ухватомъ». «Да ну, бабы... разѣ мы не ходимъ въ Кіевъ, по роднѣ не ѣздимъ въ престольные праздники, вонъ и въ тіатрахъ играли на репетиціи уходили—захотимъ—небось и дѣти не

помѣшали. Да, знамо, законъ выйдя и свекровь за горшокъ возьмется, за дѣтьми присмотритъ». «Я отродилась—пускай меня выбираютъ!» «А мнѣ то какъ же? У меня что ни годъ, то ребенокъ!» «Ну да льготы будутъ, знамо, не всѣ въ солдатахъ служатъ, единственный сынъ не служитъ, хворыхъ не берутъ—ну и у насъ льготы будутъ».—«Надо обязательно всѣмъ бабамъ о правахъ разсказывать».

Просили меня разсказать о судѣ, о присяжныхъ.

«Вотъ хорошо будетъ, какъ мы въ судѣ будемъ сидѣть». «Мы то скорѣе разберемъ, виновата баба али нѣтъ, поймемъ, заступимся, а мужикъ и за человѣка не почитаетъ насъ. Свою бабу другой совсѣмъ не жалѣетъ—а чужая что ему»?

Мнѣ интересно было узнать мнѣніе одной старухи: а небось Федосьевна въ душѣ бранитъ насъ, что поновому толкуемъ — не въ свое дѣло суемся? «Нѣтъ — хорошо говоришь — все по совѣсти, по справедливости. Слава Богу, что за бабъ заступаешься—несчастныя онѣ всѣ, почитай — маются весь свой вѣкъ! Много горя и нужды бабьей! Была бы я помоложе—пошла бы по выборамъ сама служить и на сходки бы ходила! Вѣдь дѣло то изъ подъ дальки для насъ новое страшно, а не минуешь его небось—ухватишься».

Мнѣ захотѣлось узнать, сколько изъ оставшихся подъ конецъ вечера бабъ рѣшилось бы немедленно воспользоваться равноправіемъ. Изъ оставшихся 18 женщинъ готовы были итти по выборамъ служить 9, другія 9 признаютъ, что хорошо равноправіе, сочувствуютъ, ему, но «не смѣютъ», «неграмотны» и думаютъ, лучше сперва образованннымъ итти, но права для всѣхъ должны быть равны. Просили меня имъ «слушокъ» давать, «что и какъ женщины въ городахъ хлопочутъ, что новаго, какія права охлопочутъ». «А къ намъ пріѣзжай безпремѣнно опять скорѣе, опять собери насъ и не разъ, а почаще, а то въ одинъ вечеръ всего не переговоришь, а и что повторить надоть, сразу всего не упомнишь».

Долго въ эту ночь въ деревнѣ въ окошкахъ мелькалъ свѣтъ — бабы разсказывали мужикамъ обо всемъ слышанномъ. Многіе мужики «рады были», по словамъ бабъ, ихъ разсказамъ, «а какіе серчаютъ». Одинъ сказалъ, ревнивый, глупый, «не бывать этого бабьяго права я—какъ глава церкви, а ты жена—вѣникъ, которымъ полъ метутъ». На другой день при встрѣчахъ съ мужиками нашей деревни, я чувствовала къ себѣ не враждебность — всѣ какъ то особенно тепло,

ласково заговаривали со мною. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого собранія я раздала мужикамъ листики «Донской Рѣчи». Дала ихъ и одной грамотной бабѣ—съ тѣмъ, чтобы собрала неграмотныхъ бабъ и прочитала бы имъ. Она собрала, но не читала, такъ какъ онѣ всѣ уже знали эти листики—«слухали, когда мужики читали». «То, бывало, мужикъ со сходки придя—его и не спросишь, про что на сходкѣ шумѣли, а теперь мы будемъ прислушиваться, да приглядываться.—Вотъ немного поговорили — а ей-Боженьки, словно, чуемъ сами—даже поумнѣли». — «Ще же мы теперь не меньше мужиковъ знаемъ, они же насъ разспрашиваютъ». «Да у насъ Аксинья и то стала бабьи сходки собирать! Вотъ плотину мужики никакъ не справляютъ, а намъ безъ пруда никакъ невозможно, вотъ и пойдетъ Федоровна, какъ десятскій по избамъ бабъ скликать. Сговоримся это мы—да и веземъ навозъ на плотину. Чего подѣлаешь? Другого мужика никакъ не уломаешь—такъ мы ужъ бабьимъ умомъ до дѣла доходимъ—сами какъ умѣемъ, орудуемъ по своему на плотинѣ. Да Федотьевна анамеднись и на мужичью сходку ругаться ходила. Дѣлили сѣно съ общественнаго лужка. Осталось двѣ копны. Знамо, мужики хотѣли пропить, а то мало на всѣхъ придется. Ну, Аксинья— она горласта — давай ихъ ругать: кормовъ нѣтъ, набрали и такъ чуть сѣна плохого и послѣднее пропивать? — ну, стыдно стало — по клочку—а все же подѣлили». «За своего мужика, что ли, ходила»? «Ну, за мужика—онъ самъ на ногахъ—да такъ, само по себѣ»! «Да ея мужикъ только слава одна, что мужикъ - квелый, умомъ то плохъ и хозяйство то все баба его ведетъ—все мужичью работу справляетъ».

Какъ и всегда въ деревнѣ бываетъ, быстро облетѣли по деревнямъ толки о новыхъ «бабьихъ правахъ». Конечно, многое исказилось, получило легендарный оттѣнокъ—но интересъ къ «бабьимъ правамъ» во всѣхъ окружныхъ деревняхъ зародился — возбуждаетъ сильнѣе и сильнѣе споры, толки. За много верстъ—10,15 приходили бабы подъ предлогомъ продать мнѣ холстину поглядѣть «получше», «попристальнѣе» на меня — «начальницу надъ всѣми бабьими правами».

Какъ только коснулась вопроса о нарѣзкѣ земли на женскую душу, то моментально возникли споры, горячо высказывались мнѣнія. Интересно и дѣльно говорила переселенка хохлушка Елизавета о томъ, что баба непремѣнно должна быть сравнена въ правахъ съ

мужчинами и, такъ какъ хохлушки несутъ всѣ тяготы мужичьихъ работъ, то у нея доводы были особенно убѣдительны и хороши. Бабы—за надѣлъ земли на женскую душу, конечно. Видятъ въ этомъ независимость жены и особенно дочери. «Меньше побоевъ, да и попрековъ».

Противъ надѣла на женскія души возражала особенно горячо Марья, но она изъ темной семьи и боится, что лишняя душевая земля, которой владѣютъ сейчасъ, отойдетъ. Она повторяла: «не будетъ ладу въ семьѣ». Старуха Мавра поддерживала ея мнѣніе. Убѣжденно, умно и горячо отстаивала всѣ права женщины и необходимость земельнаго надѣла на женскую душу молодая Федосья. Это страшно важный вопросъ деревни. Малѣйшаго повода достаточно, чтобы возобновить разговоръ на эту тему, чтобы горячо заставить бабъ высказаться.

Вопросъ объ образованіи такъ ясенъ и понятенъ въ этой деревнѣ женскому населенію, что не возбуждаетъ и споровъ. Даже и мое собраніе, пестрое—въ этомъ было вполнѣ солидарно. Просили меня вамъ написать, что просятъ васъ и другихъ женщинъ хлопотать о томъ, чтобы безплатно можно было учиться и послѣ школы даже до «докторши»...

Итакъ, что же, мы видимъ, изъ этого краткаго очерка? Очень много.

Во-превыхъ, мы видимъ, что печальная участь женщины въ крестьянствѣ есть остатокъ старины, есть послѣдствіе темноты крестьянства. Долгое рабство пріучило крестьянина быть покорнымъ и терпѣливымъ къ сильному и вымещать свое безсиліе и свои обиды на слабомъ,—и конечно прежде всего на женщинѣ. По дикости и темнотѣ крестьянинъ полагалъ свое самолюбіе въ томъ, чтобы быть господиномъ въ своемъ домѣ, чтобъ хоть тутъ все предъ нимъ дрожало отъ страха, какъ самъ онъ дрожалъ предъ своими господами—помѣщиками и чиновниками...

Во-вторыхъ, мы видимъ, что такое жестокое отношеніе къ женщинѣ вошло въ самую натуру, въ самую природу крестьянина. Хорошо изучивши крестьянскую жизнь, авторъ приведеннаго очерка пишетъ: «Дайте правдивое живое слово, общеніе съ людьми «учеными»—и вы не узнаете деревни... Лишь бы новыя мысли—и старые

устои затрещатъ и рухнутъ... Значитъ, зло поправимо, значитъ общая свобода и равноправіе, какъ свѣжимъ воздухомъ, провѣютъ и сметутъ всѣ остатки рабства, не только налегшіе сверху надъ крестьянствомъ, но и скопившіеся внутри его... Любовь побѣдитъ злобу». Въ другомъ мѣстѣ авторъ очерка указываетъ, что за женское равноправіе особенно охотно высказывались женихи и молодожены, т. е. тѣ крестьяне, у которыхъ не остыло еще отъ суровой жизни горячее чувство любви къ женщинѣ, которые ее «жалѣютъ»... Такъ постепенно и всякій просвѣтившійся и освободившійся крестьянинъ разглядитъ въ женщинѣ, вмѣсто рабыни и рабочей скотины, за которую принимаютъ ее темные, необразованные люди,—товарища по труду и по жизни, такого же человѣка, какъ они сами, и полюбятъ ее новой теплой, человѣческой любовью.

Въ третьихъ, мы видимъ, что такой поворотъ къ лучшему уже и начинается, что во многихъ мѣстахъ многіе крестьяне начинаютъ стоять за полныя женскія права. Болѣе того, мы видимъ, что и сама крестьянская женщина не хочетъ больше оставаться въ рабствѣ, начинаетъ думать, читать, понимать, говорить, кое-гдѣ даже начинаетъ бороться за свои права. И это самое великое дѣло: свобода никогда не дается сверху угнетающимъ, а всегда берется снизу угнетеннымъ. И вотъ, если крестьянскія женщины сознали себя угнетенными, если онѣ объединятся и начнутъ бороться за свое освобожденіе, за полное женское равноправіе, то скоро въ союзѣ съ лучшими передовыми изъ мужчинъ, уже борющимися за освобожденіе женщины, добьются своей великой цѣли на благо себѣ и всему человѣчеству.

Въ четвертыхъ, мы видимъ, что это пробужденіе крестьянской женщины—не случайное, а что оно связано глубокими корнями съ великимъ вопросомъ крестьянской жизни, поднимающимъ теперь на великую борьбу почти все крестьянство: съ земельнымъ вопросомъ. Внутри общины, равняющей землю между хозяевами, чаще всего по однѣмъ мужскимъ душамъ, начинается недовольство: почему не надѣлять женскія души, развѣ онѣ не хотятъ такъ же ѣсть, не имѣютъ такого же права на жизнь, какъ и мужскія? По всей Россіи идетъ уже борьба во множествѣ общинъ за новый передѣлъ земли по всѣмъ душамъ обоего пола и во многихъ онъ уже совершенъ, въ другихъ начинается, въ третьихъ дѣло быстро идетъ къ тому же.

Такимъ образомъ, какъ разъ къ тому времени, какъ Россія подошла къ великой, огромной земельной реформѣ, ко всеобщему уравнительному земельному переустройству,—какъ разъ къ этому времени уже подготовилось внутри общинъ и новое земельное равноправіе: равное право на землю всѣхъ не только мужскихъ, но и женскихъ душъ.

Итакъ, по всему видно, что великая борьба за волю и землю, которая поднята нынѣ русскимъ народомъ, ведется за дѣйствительное, полное равноправіе и не хочетъ оставить обиженныхъ, обдѣленныхъ, безправныхъ. Она должна дать и дастъ полное право на волю и на землю не только великому страдальцу земли русской крестьянину, но еще болѣе великой страдалицѣ—крестьянской женщинѣ.

28 мая.

Личность неприкосновенна.

Съ нетерпѣніемъ ждала вся Россія, когда, наконецъ, соберется Государственная Дума. Народъ твердо вѣрилъ, что выйдутъ тогда изъ тюремъ всѣ борцы за свободу, прекратятся смертныя казни, безсудные разстрѣлы, казацкія безчинства. Не то оказалось на дѣлѣ.

Въ амнистіи правительство наотрѣзъ отказало, смертные приговоры объявляются чуть не каждый день. Когда Дума заступилась за восемь человѣкъ, неправильно осужденныхъ въ Ригѣ, то, какъ будто въ насмѣшку надъ ней, ихъ всѣхъ поспѣшили повѣсить. Возрастъ не принимается во вниманіе. Дѣтей разстрѣливаютъ наравнѣ съ взрослыми людьми. А сколько народа томится въ тюрьмахъ, сколько ссылается въ Сибирь да на каторгу,—и говорить не приходится. До того дошло, что стрѣляютъ чрезъ окна тюремъ и на смерть убиваютъ стоящихъ за рѣшетками заключенныхъ, которымъ убѣжать некуда.

Нужно ли упоминать о подвигахъ карательныхъ отрядовъ? Думаю, нѣтъ. Кто своими глазами не видѣлъ, тотъ ежедневно читаетъ въ газетахъ, какъ насилуютъ женщинъ, на смерть засѣкаютъ отцовъ семействъ, бомбардируютъ дома, выжигаютъ цѣлыя деревни.

И все за то лишь, что проснулся, наконецъ, русскій народъ, захотѣлъ сбросить рабскія цѣпи, потребовалъ земли и свободы. Все еще думаютъ насильники, что, вѣшая да разстрѣливая, принудятъ

весь народъ къ повиновенію. Другого средства въ ихъ рукахъ не осталось. Это послѣднее.

Вотъ почему въ первую очередь Дума поспѣшила обсудить законъ о «неприкосновенности личности и жилища». Не можетъ Дума работать, когда кругомъ кровь русская рѣкой льется, когда изъ всѣхъ угловъ необъятной Россіи несутся стоны людей, на смерть забитыхъ, замученныхъ, когда дѣти, цвѣтъ народа, погибаютъ отъ рукъ палачей.

Не можетъ быть спокойной работы въ Думѣ, пока лучшіе люди, безъ суда, безъ слѣдствія, будутъ томиться въ тюрьмахъ.

Новый законъ говоритъ, что человѣкъ только въ томъ случаѣ можетъ быть лишенъ свободы, когда на то есть прямое указаніе въ законѣ. Если же указанія такого нѣтъ, то никто не имѣетъ права подвергать человѣка аресту. Въ тюрьмѣ же держать можно человѣка, только приговореннаго къ тому судомъ.

Поэтому арестованный немедленно долженъ быть представленъ къ допросу. И если окажется, что онъ невиновенъ, то судъ долженъ его немедленно освободить.

Но этого мало. За всякій неправильный арестъ начальство должно передъ судомъ отвѣчать и нести тяжелое наказаніе. Тогда только оно будетъ бояться закона и станетъ его соблюдать.

У иныхъ народовъ, въ Англіи, напримѣръ, еще такъ установлено, что подчиненный отвѣчаетъ предъ судомъ, если совершитъ преступленіе, хотя бы и по приказанію своего начальства.

Ибо не можетъ быть приказанія, несогласнаго съ законами. Поэтому, если солдатъ, по приказанію начальника, убьетъ человѣка, то попадетъ за это подъ судъ. Онъ обязанъ знать, что убивать зря нельзя, и приказанія такого исполнять не долженъ.

Жилище человѣка тоже должно быть неприкосновенно. Англичане, которые жилье человѣческое чуть не священнымъ считаютъ, такъ говорятъ: «Хотя бы вѣтеръ завывалъ вокругъ хижины бѣдняка и дождь пронизывалъ насквозь, король не имѣетъ права войти въ нее». И только, если изъ дома раздаются крики о помощи, если въ домѣ скрывается преступникъ, если дому грозитъ пожаръ или наводненіе, — тогда только можетъ полиція войти въ него, не спрашивая у хозяина разрѣшенія.

Не должно быть въ свободной странѣ военнаго положенія, исключительныхъ законовъ и судовъ, отмѣняющихъ всѣ существующіе

законы. Непоколебимъ долженъ стоять законъ, оберегающій личность и жилище человѣка.

Тогда только каждый человѣкъ будетъ знать, что лишь за преступленіе онъ въ тюрьму попадетъ, что никто надъ нимъ насиліе учинить не посмѣетъ. Тогда только замолкнутъ стоны, проникающіе сквозь стѣны Государственной Думы, не дающіе обдумывать государственныя дѣла.

Весь народъ, какъ одинъ человѣкъ, долженъ поддержать законъ *«о неприкосновенности личности и жилища»*, ибо нѣтъ свободы въ странѣ, гдѣ всякаго человѣка можно зря засадить въ тюрьму, гдѣ всякаго человѣка можно лишить жизни,—безъ суда, безъ слѣдствія.

28 мая. *О. Волькенштейнъ.*

«Онъ проснулся»...

Еще недавно, еще во время японской войны русское крестьянство являлось загадкой. Отчаяніе закрадывалось въ души лучшихъ людей, скорбѣвшихъ о печальной долѣ мужика.

Какъ могъ онъ вынести эту вѣковую бездну насилій, нищеты и невѣжества, которая носитъ у насъ названіе русской исторіи?!

Вынести и выносить теперь, когда сотни тысячъ его сыновей оторваны отъ семей и посланы преступными правителями на безсмысленную бойну въ Манджуріи.

Какъ будто все осталось по старому, и поневолѣ вспоминались старые стихи нашего народнаго поэта:

«Ты проснешься исполненный силъ?!..
Иль, судебъ повинуясь закону,
Все, что могъ, ты уже совершилъ,
Создалъ пѣсню, подобную стону,
И духовно навѣки почилъ?»

Скорбный вопросъ поэта оставался по прежнему—тяжелымъ, загадочнымъ вопросомъ, хотя уже чувствовалось, что въ глубинахъ народной жизни происходитъ что-то громадное.

Ужасная война закончилась позорнымъ миромъ. Тогда только стало яснымъ, что основы вѣкового духовнаго уклада мужика рас-

шатаны, что въ деревню хлынула волна еще такъ недавно совершенно чуждыхъ ему, новыхъ мыслей и чувствъ. Событія слѣдовали за событіями и давали этому новому опредѣленныя твердыя опорныя точки...

Рабочія волненія. Всеобщая забастовка. Манифестъ 17 октября. Крестьянство поднялось, начались аграрные безпорядки. Карательныя экспедиціи генералъ-адъютантовъ дали крестьянамъ кровавый предметный урокъ. Они съ ясностью увидѣли, гдѣ ихъ враги, гдѣ друзья. Напряженная внутренняя работа въ крестьянствѣ шла все быстрѣе и быстрѣе. Выборами въ Государственную Думу, произведенными безъ всякой предварительной подготовки, при возмутительномъ «воздѣйствіи» начальства, крестьяне все же показали своимъ учителямъ—начальникамъ карательныхъ отрядовъ,—что кровавые уроки не пропали даромъ и прояснили народное сознаніе. Крестьянство росло не по днямъ, а по часамъ, и за 2 года темный, покорный всякому начальству «сѣрый людъ»—сталъ народомъ, сознательно и упорно строющимъ свою новую жизнь.

«Онъ проснулся, исполненный силъ».

Наказы, телеграммы, письма, сотнями поступающія въ Трудовую группу, отмѣчаютъ громадный ежедневный ростъ народной мысли, народнаго чувства.

На Думѣ сосредоточены всѣ помыслы, на нее возлагаются всѣ надежды крестьянства...

Когда въ одной волости Воронежской губерніи, «начальство» предложило на сходѣ выбрать уполномоченныхъ въ комиссію по пріисканію земель для покупки, то со всѣхъ сторонъ раздались негодующіе голоса крестьянъ: «Уполномоченныхъ!?... На что? А Дума? Развѣ Дума намъ врагъ, развѣ она не подумаетъ о мѣрахъ, какъ намъ добыть землю? Покупать земли не станемъ, земля должна быть.» Мѣстный старшина пытался было «образумить» крестьянъ, грозя имъ гнѣвомъ земскаго начальника, но всѣ его запугиванія не увѣнчались ни малѣйшимъ успѣхомъ. Крестьяне единогласно, всѣмъ сходомъ, постановили отклонить любезное предложеніе Крестьянскаго банка.

Къ министерскому отвѣту Думѣ крестьяне Кіевской губерніи относятся слѣдующимъ образомъ: «Защо правительство издівается надъ нашей Думой?»

Въ деревняхъ Екатеринославской губ. съ каждымъ полученіемъ

газетъ и телеграммъ, идутъ безконечные разговоры о томъ, что дѣлается въ Думѣ, кто и что тамъ говоритъ, кто стоитъ за народную нужду. Отвѣтный адресъ своимъ содержаніемъ произвелъ прекрасное впечатлѣніе, но онъ почти недоступенъ населенію по сухости изложенія и по языку. «Не лежитъ къ сердцу», сказалъ мнѣ недавно одинъ священникъ, читавшій адресъ простому люду.

Отказъ въ пріемѣ думской депутаціи съ адресомъ и декларація министерская повергли всѣхъ въ уныніе, у всѣхъ какъ-то сразу упала надежда на возможность осуществленія великихъ реформъ мирными средствами. Крестьянство въ особенности негодуетъ на отвѣтъ министерства и безъ всякихъ обиняковъ заявляетъ открыто, что «придется самимъ приниматься за дѣло».

Вотъ какъ описываетъ «Жизнь Крыма» чтеніе деклараціи въ одномъ изъ селъ мелитопольскаго уѣзда:

Крестьяне въ трепетномъ ожиданіи окружили чтеца, прислушиваясь къ каждому слову. То мѣсто отвѣта министерства, гдѣ говорится, что правительство отказывается отъ принудительнаго отчужденія въ пользу крестьянъ частновладѣльческихъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ и др. земель, вызвало со стороны нѣкоторыхъ, очевидно, болѣе нервныхъ слушателей, соотвѣтствующіе настроенію возгласы; иные слушали молча. Лишь недоумѣвающее выраженіе ихъ лицъ говорило постороннему наблюдателю, что что-то нарушило ихъ природное спокойствіе, что ихъ ожиданія и надежды кѣмъ-то и чѣмъ-то обмануты. Чтеніе кончилось. Съ минуту—гробовое молчаніе. Первымъ заговорилъ какой-то старикъ:—«Вишь, они хотятъ повернуть къ старому прижиму»,—произнесъ онъ. Возраженій на это не послѣдовало. Толпа глухо заволновалась... Стали разбиваться на кучки и оживленно разсуждать по поводу только что услышаннаго. Среди отдѣльныхъ возгласовъ порою до моихъ ушей ясно доносились выраженія: «Ну что-жъ, сами возьмемъ», или: «Съ кольями отобьемъ» и т. п. Нѣкоторые произносили одобрительные отзывы по адресу Думы и ея состава, выражая опасенія, какъ бы не разогнали Думу. Другіе, возражая на это, говорили, что теперь все равно: разгоняй, не разгоняй—ничего не поможетъ: земля будетъ наша...

Недавно въ селѣ Гуново (Тульской губ.) произошелъ такой случай: крестьяне всѣмъ сходомъ явились къ помѣщику П. покупать у него землю по назначенной ими цѣнѣ. «Продавай,—говорятъ,—а то худо

будетъ, силой отберемъ». Помѣщикъ оказался человѣкомъ разсудительнымъ и сталъ уговаривать крестьянъ.

— Вы, ребята, лучше Думы Государственной подождите, она ужъ не обидитъ и, какъ скажетъ, такъ я и сдѣлаю и подчинюсь, а ежели силой возьмете, все равно придутъ казаки и отберутъ все снова.

Мужики подумали, подумали и заявили: «Говоришь, Думы подождать,—ладно, подождемъ ужъ Думы, она и впрямь не обидитъ. Подождемъ ужъ».

Почти каждый разговоръ кончается: «Вотъ Богъ дастъ, Дума, она ужъ все рѣшитъ»...

Народъ выросъ политически сказочно быстро.

Передъ нами лежитъ только что полученное однимъ нашимъ знакомымъ письмо молодой крестьянки Симбирской губ. Беремъ изъ него наиболѣе характерныя мѣста:

«Вы въ Петербургѣ, навѣрное, празднуете конституцію, а я какъ разъ 27-го получила радость—Павла на годъ въ крѣпость осудили. Его *пристроили*, а я, вотъ, осталась не причемъ. Положеніе скверное: изъ дому пишутъ, чтобы и глазъ туда не казала, а то пасть ужъ готова; живьемъ самой не хочется лѣзть, и вотъ, повисла я между небомъ и землей. Дома трое у меня, все сердце выболѣло объ нихъ, а совсѣмъ негдѣ устроиться. Дѣла хозяйственныя, конечно, разстроились, ну да объ этомъ я не горюю Я чувствую, что со старой жизнью я ужъ порвала и теперь на распутьи очутилась,—куда итти?

«Если не будетъ амнистіи, то плохи наши дѣла будутъ, вѣдь, дома-то только старые да малые, да Ѳедя безрукій съ ними. У мамаши зять тоже въ С—ой тюрьмѣ сидитъ, самъ третъ съ братьями; ихъ обвиняютъ въ вооруженномъ возстаніи, тоже остался полонъ домъ малыхъ да старыхъ.

«Знакомыхъ всѣхъ вытурили съ фабрики за политическія убѣжденія.

«Ну, не такъ ужъ досадно теперь терпѣть, не долго ужъ, скоро конецъ темному царству. Что бы настоящая Дума ни надумала, у народа приговоръ готовъ! Только вѣра въ торжество правды поддерживаетъ и ослабляетъ личныя огорченія. Ужъ очень большая сила чувствуется въ народѣ, именно, *чувствуется*, многіе еще и не видятъ

ея. Въ эти 2 года всѣ выросли точно въ сказкѣ: росли не по днямъ, а по часамъ. Много народу выросло за это время!

«Народъ въ Б. и въ другихъ селахъ ничуть не испугался казаковъ, а наоборотъ, казаковъ такъ *наусмирили*, что они сами притихли, а ружья у нихъ отобрали.

«Удивительно какіе есть люди слѣпые Многіе, вѣдь, *искренне* вѣрятъ, что народъ такой-же, какой былъ два, три года тому назадъ. Да и трудно имъ повѣрить, что онъ не такой. Думаешь про себя и удивляешься, будто чудо какое совершилось, что и глазъ не уловилъ. Тѣ же люди, тѣ же лица, но уже чувствуется, что они такіе только *такъ*, *пока*, но что стоитъ чему-то случиться, и они будутъ совсѣмъ, совсѣмъ иные. Люди будто не принадлежатъ себѣ, не могутъ сказать, что они будутъ дѣлать завтра или послѣ завтра. Многіе говорятъ: «пожалуй не умрешь *своею* смертью!» «Не знаю еще, что до осени будетъ!» И говорится это такъ, точно ужъ что-то рѣшено и подписано, ужъ хочешь-не хочешь—*исполняй*...

«Что бы Дума ни подумала, а приговоръ готовъ...».

«Онъ проснулся исполненный силъ». Этого не замѣчаютъ только слѣпые.

Народнаго приговора не слышатъ только приговоренные.

Такъ всегда было,—такъ будетъ и у насъ въ Россіи.

31 мая. *Вагъ.*

Черная сотня.

Правительство натравливаетъ противъ народа, борющагося за свое лучшее будущее, черносотенцевъ. Полиція собираетъ черносотенцевъ въ особыя общества—дружины,—вооружаетъ ихъ револьверами и снабжаетъ патронами.

Вотъ, напримѣръ, текстъ удостовѣренія, выдаваемаго такими обществами своимъ членамъ:

ОБЩЕСТВО
активной борьбы съ революціей и анархіей.
2-го мая, 1906 г.
№ 411.

Удостовѣреніе.

Дано сіе крестьянину Новгородской губ., Боровическаго уѣзда, Концанской волости, дер. Горлова Якову Петровичу *Петрову*—въ томъ, что обществомъ выданъ ему, Петрову, револьверъ съ 6 патронами.

Членъ комитета *В. Степановъ.*

Вотъ текстъ членскаго билета черной сотни:

ОБЩЕСТВО
активной борьбы съ революціей и анархіей.
БИЛЕТЪ
ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ ЧЛЕНУ
Федору Яковлевичу Бурухину.
Членъ комитета *Л. Егоровъ.* 1906 г.

Партія «Правового Порядка» также раздаетъ своимъ членамъ—«дружинникамъ» особые билеты. Приводимъ текстъ:

ПАРТІЯ ПРАВОВОГО ПОРЯДКА
Дружинникъ.
Свободный входъ на всѣ митинги и собранія.
Старшина отряда.

Посмотримъ, какъ исполняютъ порученія правительства черносотенцы? Вотъ что происходило въ рабочихъ кварталахъ г. Петербурга. Тутъ черносотенцы не стѣснялись; они врывались въ жилища рабочихъ, подвергали истязаніямъ и насиліямъ ихъ семейства и уносили все имѣющее хоть какую нибудь цѣнность. Попался имъ разъ въ руки студентъ Ршинейшвели, они его обыскали, побили, судили въ трактирѣ «Тверь», отвели въ участокъ, гдѣ тоже били, арестовали и затѣмъ препроводили въ охранное отдѣленіе. Многіе черносотенцы одновременно состоятъ агентами охраннаго отдѣленія. Недавно въ мастерскихъ Семянниковскаго завода появилось объявленіе отъ черной сотни съ приговоромъ къ смертной казни трехъ рабочихъ этого завода. Подобное объявленіе появилось и па другомъ заводѣ—Берта.

Что эти приговоры не шуточные, указываютъ, напримѣръ, такіе факты. Въ началѣ мая за Невской заставой было совершено нападеніе черносотенцевъ на рабочаго днемъ: ему нанесли въ голову 5 ранъ; 7 мая тутъ же былъ убитъ рабочій, причемъ полиція только послѣ усиленныхъ требованій, арестовала убійцу. На Витебской улицѣ домъ № 5/6, гдѣ помѣщается главная квартира черносотенцевъ, со дня открытія Государственной Думы превратился въ военный лагерь. Въ этомъ домѣ ежедневно съ 7 ч. до 9 ч. вечера происходятъ упражненія въ стрѣльбѣ изъ револьверовъ. 19 марта за Невской заставою черносотенцы напали на рабочихъ и стали стрѣлять.

Этихъ фактовъ достаточно, чтобы понять,—сколько зла дѣлаютъ народу его же братья, продавшіе себя правительству.

Конечно, народъ выходитъ изъ терпѣнія и съ своей стороны такъ же жестоко расправляется съ черносотенцами. Въ концѣ января, напримѣръ, въ трактиръ «Тверь», гдѣ собрались главари черной сотни, были брошены двѣ бомбы, причемъ трое было убито, 11 ранено. За послѣдніе два мѣсяца за Невской заставой револьверными выстрѣлами было убито 5 черносотенцевъ. Въ мастерской Николаевской желѣзной дороги рабочіе, возмущенные дѣлами черносотенцевъ, рѣшили удалить ихъ съ завода или заставить выдать оружіе, для чего они выкрасили черносотенцевъ красною краскою и вывели изъ завода. То же самое происходило на многихъ заводахъ: черносотенцевъ разоружали и значки ихъ сжигали въ печахъ. Наиболѣе упорныхъ грозили сжечь въ печахъ, такъ, напримѣръ, на заводѣ Крейтона хотѣли предателя-черносотенца бросить въ калильную печь, но потомъ одумались: облили черносотенца ведромъ сурика, вываляли въ пескѣ и снова выкрасили сурикомъ, а затѣмъ посадили на тачку и вывезли за ворота завода, приказавъ болѣе не возвращаться...

Вотъ до чего, натравливая братъ на брата, доводитъ правительство народъ... Конечно, чѣмъ больше будетъ злобы, жестокостей, убійствъ между братьями-рабочими, тѣмъ правительству легче вести свою линію и держать народъ въ прежнемъ рабствѣ и нищетѣ. Но и тутъ оно ошибается въ своихъ расчетахъ. Трудовой народъ не можетъ жить жестокостями...

Уже теперь болѣе сознательные рабочіе осуждаютъ своихъ товарищей за тѣ ненужныя жестокости и издѣвательства, которыя они продѣлываютъ надъ черносотенцами. Они говорятъ, что нужно учить

черносотенцевъ, объяснить имъ, что они братья трудового народа, который борется съ правительствомъ и своими угнетателями за свое освобожденіе, что борьба ихъ не разбой, а святое, общее дѣло, что побѣда народа принесетъ имъ больше благъ, чѣмъ побѣда правительства, для котораго они играютъ роль сторожевыхъ собакъ — ни больше... Эта товарищеская поддержка уже даетъ хорошіе результаты: на многихъ фабрикахъ и заводахъ черносотенцы добровольно отдаютъ оружіе и значки и, стоя на колѣняхъ, вымаливаютъ себѣ прощеніе за свое предательство...

Рабочіе должны поддержать заблудшихся своихъ братьевъ, просвѣтить ихъ темные умы, а не гасить въ нихъ вѣру въ лучшую будущность; многіе изъ теперешнихъ черносотенцевъ могутъ одуматься и стать въ ряды честныхъ борцовъ за *землю и волю.*

31 мая. *Мих. Радловъ.*

Съ западной Грузіи.

Въ началѣ текущаго 1906 года я нарочно объѣхалъ Грузію и видѣлъ лично тѣ ужасныя картины разрушенія и опустошенія, какія создали усмирители. Поджоги, грабежи, насилія надъ женщинами со стороны войскъ (главнымъ образомъ, казаковъ)... Населеніе, напуганное насиліями нашихъ карательныхъ отрядовъ, или перебѣгало изъ одного селенія въ другое, или же укрывалось въ горахъ. Къ полевымъ работамъ во многихъ мѣстахъ вовсе не приступали, въ другихъ эти работы шли вяло.

Я—коренной русскій человѣкъ и отъ лица своего и всѣхъ грузинъ, которые ко мнѣ обращались, какъ корреспонденту, съ мольбой помочь ихъ горю, *взываю къ русскому народу обратить вниманіе на отчаянное положеніе обездоленнаго измученнаго ужасомъ населенія Грузіи*, избавивъ его отъ произвола г-дъ Алихановыхъ, Гавриловыхъ, Крыловыхъ и т. п. судей и временщиковъ. Во время поѣздки по Грузіи я очень подробно ознакомился съ освободительнымъ движеніемъ въ Грузіи и собралъ обстоятельный матеріалъ.

Смѣло подъ клятвою могу подтвердить, что народное движеніе въ

Грузіи произошло на почвѣ экономическаго гнета и полнѣйшаго безправія. Чиновники, которымъ необходимо оправдать свои звѣрства, распространяютъ слухи, что Грузія хотѣла отложиться отъ Россіи. Это наглая ложь. Никакого «сепаратизма» (желанія отложиться отъ Россіи) не было въ грузинскомъ движеніи. Грузія, какъ и вся Россія, была охвачена сильнымъ народнымъ движеніемъ за землю и волю. Въ Грузіи, точно такъ же какъ и у эстовъ и латышей, было движеніе крестьянское: съ одной стороны, борьба угнетаемаго и измученнаго вѣками грузинскаго крестьянства со старымъ дворянствомъ, съ другой стороны—съ полицейскимъ строемъ русскаго государства, поддерживавшаго дворянъ—помѣщиковъ, исконныхъ угнетателей крестьянъ. Грузія—это единственная часть Закавказья, которая всей душой отозвалась великому всероссійскому движенію въ то время, когда въ другой части Закавказья разыгрывалась ужасная и небывалая по своимъ размѣрамъ братоубійственная война двухъ сосѣднихъ народовъ, армянъ и татаръ, созданная все тѣми же чиновниками. Происшедшія и происходящія понынѣ событія полнаго произвола и насилія надъ грузинскимъ обнищавшимъ населеніемъ, конечно, будутъ записаны въ лѣтописи Грузіи кровавыми, несмываемыми буквами. Недаромъ теперь грузины сравниваютъ нашествіе Алиханова-Аварскаго съ нашествіемъ сто лѣтъ тому назадъ лютаго Аги-Магометъ-Хана съ персидскими войсками. Послѣдствія тогдашняго и теперешняго нашествія одинаковы: огонь и мечъ все сметалъ и все пожиралъ.

Факты на лицо, ихъ не опровергнешь: Бѣлогоры, Квирилы (гдѣ сожжено лавокъ и частныхъ домовъ—278, сельскохозяйственный банкъ взаимнаго кредита и театръ), Свири, Багдаты, Ново-Сенаки, Самтреди, Сачтеры, Чіатури, Озургеты, Ногомари, Они, Цагеры, лучшая часть Кутаиса, Сакаро, Аргвети, Квалити, Пути, Илеми, Цево, Шроша, Кацхи, Кицхи и много другихъ,—все это живые свидѣтели грубаго произвола и гнуснаго насилія надъ населеніемъ.

«Уничтожая революцію въ корнѣ» (выраженіе мѣстныхъ властей), военная власть никакими средствами не брезгаетъ. Ложь, конечно у ней, какъ всегда, на первомъ планѣ. Алихановскія телеграммы, завѣдомо подтасованныя съ цѣлью затемнить и убить истинную правду.

Что массовые поджоги и убійства дѣйствительно совершаются войсками, то это мнѣ лично подтверждали въ разговорахъ какъ войсковые начальники, такъ равно и мѣстная администрація; и что

эти поджоги и убійства совершаются по строго опредѣленному плану, выработанному въ Петербургѣ. Идя еще въ январѣ мѣсяцѣ изъ Тифлиса на усмиреніе населенія Кутаисской губерніи, войсковые начальники уже были ознакомлены съ этимъ «адскимъ» планомъ усмиренія и даже войсками были заготовлены соотвѣтствующіе инструменты и горючіе матеріалы для приведенія въ исполненіе этого плана. Вотъ какъ, напримѣръ, разсказывалъ одинъ приставъ, разговоръ котораго я слыхалъ, о способахъ, какіе принимались въ губерніи для сбора налоговъ, недоимокъ, выдачи оружія, поставки въ извѣстный срокъ рекрутовъ новобранцевъ и выполненія всѣхъ требованій, предъявленныхъ властями къ населенію.

— У насъ по участку и уѣзду (Шаропанскому) отдано общее распоряженіе вр. ген.-губернат. о томъ, чтобы въ отношеніи населенія принимать самыя строгія репрессіи (наказанія) до поджоговъ включительно, ежели только оно, т. е. населеніе, откажется исполнять въ извѣстный срокъ то или иное требованіе власти. Такъ были собраны съ населенія Шаропанскаго уѣзда взятые революціонерами въ декабрѣ 1905 года изъ квирильскаго казначейства 201 тысяча рублей и похищенныя въ августѣ того же года изъ Чіатурской почтовой конторы 42 тысячи рублей. Населенію было объявлено, что если оно не внесетъ въ теченіе двухъ недѣль эту сумму денегъ, то въ селеніяхъ будутъ совершены войсками пожары, и деньги все равно будутъ отобраны силою.

— Неужели такъ было объявлено?

— Да, такъ и было объявлено, и населеніе, убоявшись, всѣ деньги внесло теперь сполна,—отвѣтилъ приставъ.

— Были-ли въ дѣйствительности совершены поджоги и разгромы въ селеніяхъ?

— Были, въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ народъ или не хотѣлъ, или медлилъ платить.

Совершенно при такихъ же условіяхъ и обстоятельствахъ былъ совершенъ въ этомъ году наборъ новобранцевъ, собраны недополученные налоги, недоимки, приступлено населеніемъ къ полевымъ работамъ по приказанію начальства. Очень часто всѣ эти требованія сопровождались поджогами, разгромами и, какъ водится, въ такихъ случаяхъ, грабежами и насиліями надъ женщинами со стороны, главнымъ образомъ, казаковъ.

Грузіи произошло на почвѣ экономическаго гнета и полнѣйшаго безправія. Чиновники, которымъ необходимо оправдать свои звѣрства, распространяютъ слухи, что Грузія хотѣла отложиться отъ Россіи. Это наглая ложь. Никакого «сепаратизма» (желанія отложиться отъ Россіи) не было въ грузинскомъ движеніи. Грузія, какъ и вся Россія, была охвачена сильнымъ народнымъ движеніемъ за землю и волю. Въ Грузіи, точно такъ же какъ и у эстовъ и латышей, было движеніе крестьянское: съ одной стороны, борьба угнетаемаго и измученнаго вѣками грузинскаго крестьянства со старымъ дворянствомъ, съ другой стороны—съ полицейскимъ строемъ русскаго государства, поддерживавшаго дворянъ—помѣщиковъ, исконныхъ угнетателей крестьянъ. Грузія—это единственная часть Закавказья, которая всей душой отозвалась великому всероссійскому движенію въ то время, когда въ другой части Закавказья разыгрывалась ужасная и небывалая по своимъ размѣрамъ братоубійственная война двухъ сосѣднихъ народовъ, армянъ и татаръ, созданная все тѣми же чиновниками. Происшедшія и происходящія понынѣ событія полнаго произвола и насилія надъ грузинскимъ обнищавшимъ населеніемъ, конечно, будутъ записаны въ лѣтописи Грузіи кровавыми, несмываемыми буквами. Недаромъ теперь грузины сравниваютъ нашествіе Алиханова-Аварскаго съ нашествіемъ сто лѣтъ тому назадъ лютаго Аги-Магометъ-Хана съ персидскими войсками. Послѣдствія тогдашняго и теперешняго нашествія одинаковы: огонь и мечъ все сметалъ и все пожиралъ.

Факты на лицо, ихъ не опровергнешь: Бѣлогоры, Квирилы (гдѣ сожжено лавокъ и частныхъ домовъ—278, сельскохозяйственный банкъ взаимнаго кредита и театръ), Свири, Багдаты, Ново-Сенаки, Самтреди, Сачтеры, Чіатури, Озургеты, Ногомари, Они, Цагеры, лучшая часть Кутаиса, Сакаро, Аргвети, Квалити, Пути, Илеми, Цево, Шроша, Кацхи, Кицхи и много другихъ,—все это живые свидѣтели грубаго произвола и гнуснаго насилія надъ населеніемъ.

«Уничтожая революцію въ корнѣ» (выраженіе мѣстныхъ властей), военная власть никакими средствами не брезгаетъ. Ложь, конечно у ней, какъ всегда, на первомъ планѣ. Алихановскія телеграммы, завѣдомо подтасованныя съ цѣлью затемнить и убить истинную правду.

Что массовые поджоги и убійства дѣйствительно совершаются войсками, то это мнѣ лично подтверждали въ разговорахъ какъ войсковые начальники, такъ равно и мѣстная администрація; и что

эти поджоги и убійства совершаются по строго опредѣленному плану, выработанному въ Петербургѣ. Идя еще въ январѣ мѣсяцѣ изъ Тифлиса на усмиреніе населенія Кутаисской губерніи, войсковые начальники уже были ознакомлены съ этимъ «адскимъ» планомъ усмиренія и даже войсками были заготовлены соотвѣтствующіе инструменты и горючіе матеріалы для приведенія въ исполненіе этого плана. Вотъ какъ, напримѣръ, разсказывалъ одинъ приставъ, разговоръ котораго я слыхалъ, о способахъ, какіе принимались въ губерніи для сбора налоговъ, недоимокъ, выдачи оружія, поставки въ извѣстный срокъ рекрутовъ новобранцевъ и выполненія всѣхъ требованій, предъявленныхъ властями къ населенію.

— У насъ по участку и уѣзду (Шаропанскому) отдано общее распоряженіе вр. ген.-губернат. о томъ, чтобы въ отношеніи населенія принимать самыя строгія репрессіи (наказанія) до поджоговъ включительно, ежели только оно, т. е. населеніе, откажется исполнять въ извѣстный срокъ то или иное требованіе власти. Такъ были собраны съ населенія Шаропанскаго уѣзда взятые революціонерами въ декабрѣ 1905 года изъ квирильскаго казначейства 201 тысяча рублей и похищенныя въ августѣ того же года изъ Чіатурской почтовой конторы 42 тысячи рублей. Населенію было объявлено, что если оно не внесетъ въ теченіе двухъ недѣль эту сумму денегъ, то въ селеніяхъ будутъ совершены войсками пожары, и деньги все равно будутъ отобраны силою.

— Неужели такъ было объявлено?

— Да, такъ и было объявлено, и населеніе, убоявшись, всѣ деньги внесло теперь сполна,—отвѣтилъ приставъ.

— Были-ли въ дѣйствительности совершены поджоги и разгромы въ селеніяхъ?

— Были, въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ народъ или не хотѣлъ, или медлилъ платить.

Совершенно при такихъ же условіяхъ и обстоятельствахъ былъ совершенъ въ этомъ году наборъ новобранцевъ, собраны недополученные налоги, недоимки, приступлено населеніемъ къ полевымъ работамъ по приказанію начальства. Очень часто всѣ эти требованія сопровождались поджогами, разгромами и, какъ водится, въ такихъ случаяхъ, грабежами и насиліями надъ женщинами со стороны, главнымъ образомъ, казаковъ.

— А скажите, пожалуйста, правда-ли, что временнымъ генералъ-губернаторомъ было отдано распоряженіе, чтобы за всякое нераскрытое убійство отъ населенія той деревни, гдѣ совершено убійство, взыскивалось бы администраціей подъ угрозой жестокаго наказанія, якобы на обезпеченіе семьи убитаго, въ размѣрѣ отъ 1000--2000 рублей?

— Совершенно правильно,—закончилъ приставъ.

Въ настоящей статьѣ всѣхъ случаевъ произвола и насилія властей не опишешь. Приведемъ болѣе яркія на выборъ изъ имѣющагося матеріала.

1 января 1906 г. 1-я рота Мингрельскаго полка и одна сотня пластуновъ на разсвѣтѣ прибыли изъ Тифлиса на станцію Михайлово. Побили старшаго помощника начальника станціи Хечипова, кассиру Георгію Чархишвили разбили прикладомъ голову, 20 человѣкъ арестовали. Въ 2 часа ночи подожгли 6 домовъ, 8 магазиновъ, гостиницу «Кавказъ». Въ ту же ночь совершено 3 насилія надъ дѣвушкой армянкой и надъ грузинами: м.терью и дочерью.

7—8 января на станціи Бѣлогоры сожжены 20 магазиновъ. Базаръ въ мѣстечкахъ Квирилы выжженъ весь. На станціи Аджиметы застрѣлено 12 человѣкъ.

11 января въ селеніи Курта выстрѣлами изъ пушекъ разнесенъ домъ Георгія Мачабели.

10—12 января выжжены Чіашуры. Въ селеніи Калвати учинено три насилія надъ дѣвушкой, которая вскорѣ умерла.

16 января 80 казаковъ выжгли въ селеніи Лолшскана (Горійскій уѣздъ) 8 домовъ.

18 января въ городѣ Кутаисѣ на Подъѣздной улицѣ сожжено 7 магазиновъ, а остальные разграблены. На Балихванской ул. сожжено 2 магазина, нѣсколько разграблено. Награбленныя вещи увезены казаками и солдатами на подводахъ.

18 января въ селеніи Карели домъ князя Дмитрія Циціа снесенъ 13-ю пушечными выстрѣлами.

Въ мѣстечкѣ Багдахъ (Кутаисской губ.) 10 января 120 казаковъ подъ начальствомъ 2-хъ офицеровъ сожгли 37 магазиновъ и нѣсколько жилыхъ домовъ. Убытокъ 120,000 рублей.

23 января въ селеніе Меджврисхева (Горійскій уѣздъ) явился отрядъ войска съ пушками. Выбрали 50 человѣкъ жителей, изъ

которыхъ часть высѣкли розгами, а часть отправили въ Горійскую тюрьму. Пушками разгромлены 3 дома.

16 и 17 января въ мѣстечкахъ Салетриди отрядъ изъ нѣсколькихъ сотенъ пластуновъ и одинъ батальонъ Эриванскаго полка спалилъ 30 домовъ. Въ селеніи Дзалисѣ разрушенъ пушками домъ Ягоря Ноніашвили; въ мѣстечкѣ Сенаки въ Мингреліи сожжены 3 магазина, въ селеніи Шхепи 1 домъ; въ селеніи Нокалакеви 6 домовъ, въ селеніи Бандза 15 домовъ.

28 января въ мѣстечкѣ Ново-Сенаки 4-мъ стрѣлковымъ батальономъ сожжено 42 магазина и одна гостиница.

31 января въ Гуріи сожжены въ селеніи Нагомари нѣсколько домовъ, а въ тѣхъ же окрестностяхъ деревни Бахни, Аяани, Аскона и Акету, всего около 500 домовъ.

Въ мѣстечкѣ Хобы (Мингрелія) сожжено около 30 магазиновъ.

5 февраля недалеко отъ мѣстечка Сахчери сожжены 3 дома, въ селеніи Гундаэто (Шар. уѣзда) сожжено 4 дома.

6 февраля въ селеніи Мгвимеди сожжено 2 дома.

Въ селеніи Чхвиши (Рача) сожжено около 10 домовъ. Въ селеніи Тола разрушенъ пушками 1 домъ, а въ селеніи Хванчкари сожгли 47 домовъ.

Въ селеніи Акети (Гурія) 1 февраля почти всѣ жители были избиты. Сожжено 48 домовъ.

14 февраля въ селеніи Ланчхуты (Гурія) арестованы: старикъ Спиридонъ Джапаридзе, двѣ дочери его, зять учитель Эрмила Джаши и двѣ находившіяся у нихъ въ гостяхъ дѣвушки. Дѣвушки изнасилованы.

20 февраля въ селеніи Сареки (Шар. уѣздъ) сожгли домъ и изнасиловали дѣвушку.

22 февраля усмирители отправились въ селеніе Цирквали (Шар. уѣздъ), гдѣ сожгли 2 усадьбы крестьянъ по фамиліи Гурули. Ограбили все населеніе и изнасиловали нѣсколько женщинъ.

2 февраля въ селеніи Хванчкари (Рачинскій уѣздъ) отрядъ подъ начальствомъ полковника Гаврилова сжегъ всю деревню. Сгорѣли 48 усадьбъ.

24 февраля въ селеніи Гора (Кутаисскаго уѣзда) явились 25 казаковъ Хоперскаго полка. Многихъ избили, а женщинъ изнасиловали.

26 февраля въ томъ же селеніи казаки застрѣлили 15-лѣтнюю дѣвушку Картвелишвили.

Въ Лехумскомъ уѣздѣ сожжено 19 домовъ и 3 магазина.

Въ селеніи Кацхи (Шароп. у.) изнасилована дѣвушка.

Въ селеніи Чанвинджахъ (Зугдидскій у.) сожжено до 50 домовъ.

Въ селеніи Иванцминди казаки изнасиловали женщину, которая тяжко заболѣла.

28 февраля въ селеніи Багдады (Кутаисскаго уѣзда) прибыло 200 казаковъ Полтавскаго полка, разграбили дома, изнасиловали женщинъ и убили старуху Харабидзе 60-ти лѣтъ.

3 марта въ селеніи Кербоули (Шар. уѣз.) казаки Хоперскаго полка изнасиловали 3-хъ дѣвушекъ, Магарашвили, изъ которыхъ одна сошла съ ума.

Въ селеніи Парухма (Гурія) разрушено и сожжено до 20 домовъ.

15 марта казаки сожгли въ селеніи Свири (Шор. уѣз.) 6 домовъ. Многихъ ограбили. Женщины изнасилованы. Одна дѣвушка сошла съ ума, другая пропала безъ вѣсти.

Грузинскій народъ, истекая кровью, все же глубоко надѣется, что скоро взойдетъ заря новой жизни.

31-го мая. *А. С—въ.*

Свободное слово.

Мѣсяцъ тому назадъ вся Россія провожала депутатовъ въ Государственную Думу. На Кавказѣ, въ Сибири проводы еще и теперь продолжаются.

И повсюду, во всѣхъ углахъ необъятной Россіи повторяется одно и то же напутствіе депутатамъ: «Добывайте намъ землю и волю, крѣпко на томъ стойте, а мы васъ поддержимъ. Вы—впереди, а мы—за вами».

Мѣсяцъ ужъ засѣдаетъ Дума, а напутствія и привѣтствія все идутъ и повторяютъ все то же: о землѣ, о волѣ, о поддержкѣ Думы народомъ.

Дума читаетъ эти привѣтствія. И чѣмъ ихъ больше, тѣмъ смѣлѣе должна себя чувствовать, тѣмъ смѣлѣе должна стоять она за народныя требованія. Вѣдь каждое слово привѣта вылилось изъ души не

одного человѣка, не десятка человѣкъ, а всего многомилліоннаго русскаго народа. *Весь* народъ русскій привѣтствуетъ Думу, онъ весь постоитъ за нее, если она будетъ бороться за землю и волю.

И нужно, чтобъ голосъ всей Россіи звучалъ въ Думѣ, чтобъ не порывалась связь между передовымъ отрядомъ—Думой и всей боевой арміей—многомилліоннымъ народомъ.

Связь эту можетъ поддержать *свободное слово.*

Говорятъ депутаты въ Думѣ о землѣ, о волѣ. Газеты подхватываютъ каждое слово, чтобъ разнести его по всей Россіи, въ самые отдаленные уголки ея, въ глухую провинцію, въ далекую деревушку... Ждутъ русскіе люди, знать хотятъ, что сказалъ тотъ или другой депутатъ, что сказала вся Дума. Ждутъ свободнаго слова, всѣ ждутъ— и ученые и неграмотные.

Но не тутъ то было. Свободно лишь слово черносотенныхъ прокламацій. Многое множество ихъ распространяется по Россіи. О насиліи говорятъ онѣ, кровью угрожаютъ свободѣ. Отвѣтъ министровъ Думѣ о томъ, что ни земли, ни воли народу не будетъ, расклеивается по городамъ и деревнямъ. Въ одномъ мѣстѣ не постѣснились даже къ церковнымъ дверямъ прибить. И говорить черносотенцамъ все, что угодно, позволено. А собранія ихъ охраняются вооруженной стражей. Слово для нихъ въ Россіи свободно.

Не то съ депутатскими рѣчами, съ призывами къ землѣ и волѣ. Отвѣта депутатовъ на тронную рѣчь въ деревняхъ даже читать не даютъ. Газеты, гдѣ депутатскія рѣчи изложены, изъ провинціи, изъ деревни, изо всѣхъ силъ гонятъ. Книжки хорошія, толкующія о землѣ, о волѣ, насильно отбираютъ.

А теперь ужъ тѣснить стали и телеграммы, адресованныя изъ деревень къ депутатамъ въ Петербургъ. То и дѣло въ газетахъ читаешь: тамъ телеграмму схода деревенскаго къ отправкѣ не приняли, тамъ за составленіе приговора подвергли тѣлесному наказанію, тамъ въ холодную засадили.

О томъ же, чтобъ депутаты сами народу объ Думѣ разсказали, и думать почти нельзя. Въ Петербургѣ депутатамъ не разрѣшили устроить собраніе. Въ Смоленскъ поѣхалъ депутатъ, — тамъ начальство побоялось разогнать собраніе, потому что личность депутата по закону считается, какъ бы, неприкосновенной. Но какъ только народъ сталъ съ собранія расходиться, со всѣхъ сторонъ налетѣли

вѣрные слуги правительства, съ шашками да съ нагайками. Многихъ изранили, изувѣчили, чтобъ въ другой разъ рѣчей депутатскихъ не слушали. Кое-гдѣ только и удалось депутатамъ съ избирателями переговорить.

А вѣдь еще 17 октября манифестъ о свободѣ слова возвѣстилъ!

Да свобода то эта—не къ выгодѣ правительства.

Отлично правительство понимаетъ, что свободное слово укрѣпляетъ связь между Думой и народомъ, что въ связи этой вся сила Думы. Вотъ и желаетъ оно разъединить передовой отрядъ со всей боевой арміей. Тогда легко будетъ его разсѣять, разбить, и война съ народомъ пойдетъ успѣшнѣе.

Но не уступитъ народъ. Народъ добьется *свободы слова*, ибо нѣтъ безъ нея прочной связи въ народѣ, а въ одиночку воевать нельзя. Правильно говорится: «Одинъ въ полѣ не воинъ».

2 іюня. *О. В.*

Воспоминанія очевидца.

Долгое время я находился взаперти за каменной стѣной вмѣстѣ съ другими узниками, жертвами произвола. Очутившись на волѣ, я сразу не узналъ своего города, который до моего ареста находился въ рукахъ народа, а по выходѣ на волю я увидѣлъ разъѣзжавшихъ по улицамъ солдатъ съ пулеметами и съ музыкой; на тѣхъ столбахъ, гдѣ были развѣшены воззванія къ народу, съ призывомъ къ спокойствію отъ имени Всероссійскаго Крестьянскаго союза, мѣстнаго уѣзднаго комитета, красовались крупными буквами набранныя объявленія временнаго генералъ-губернатора, въ которыхъ онъ грозилъ подвергнуть заключенію въ тюрьму отъ 4 до 6 мѣсяцевъ, или штрафу до 2,000 руб.: 1) за всякое скопище на улицѣ, 2) за то, если кто-либо предъявляетъ какія-либо требованія своему хозяину-помѣщику или фабриканту и 3) если кто загонитъ свою скотину на землю помѣщика.

Я уѣхалъ въ Питеръ посмотрѣть на первый русскій парламентъ.

Въ настоящее время, когда въ Думѣ происходитъ нѣкоторый расколъ между трудовиками и кадетами и когда нѣкоторые сомнѣваются, дѣйствительно ли трудовики въ своей аграрной программѣ

выражаютъ мнѣніе большинства крестьянъ, я считаю не лишнимъ подѣлиться моими воспоминаніями о дѣятельности Крестьянскаго союза въ одной изъ южныхъ губерній.

Сейчасъ, послѣ 17 октября, Крестьянскій союзъ объединилъ много деревень, съ каждымъ днемъ росли комитеты, представлялись приговоры сходовъ о принадлежности къ союзу. Главный комитетъ былъ въ городѣ, откуда руководилъ остальными комитетами; крестьяне изъ всѣхъ мѣстъ губерній обращались за разъясненіями програмы Крестьянскаго союза.

Къ первому нашему окружному съѣзду были выработаны способы, какъ бороться съ чернымъ и бѣлымъ духовенствомъ, а также съ администраціей, которая старалась заглушить пробужденіе народнаго сознанія. Въ теченіе одного мѣсяца, т. е. до 10 декабря, уже 28 волостей семи уѣздовъ, съ населеніемъ болѣе 100 тысячъ, присоединились къ Крестьянскому союзу.

Первыя дѣйствія союза были слѣдующія. Всѣ почти служащіе волостныхъ правленій были смѣщены и замѣнены новыми лицами, выбранные всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ. Тамъ, гдѣ черная сотня мѣшала этому, тамъ выборные забирали книги и не подчинялись старому правленію, такимъ образомъ, почти 15 волостей перешли въ руки народа съ 28 волост союза.

Затѣмъ, когда начались по всѣмъ сел.мъ ежедневные митинги, мѣстная администрація, желая вызвать столкновеніе между одними и другими жителями, старалась подкупать хулигановъ и поить ихъ водкой, а сама распускала слухи, что мужики все это дѣлаютъ въ пьяномъ видѣ. Тогда комитетъ постановилъ немедленно закрыть всѣ винныя казенныя лавки, что и было исполнено. Приходилось закрывать и силою — тамъ, гдѣ сидѣльцы сопротивлялись постановленію. Земскіе начальники почти всѣ разбѣжались, боясь ареста. Рубка лѣса была пріостановлена впредь до учредительнаго собранія. Владѣльцы должны были подчиниться, такъ какъ отъ имени Крестьянскаго союза было воспрещено посылать рабочихъ для рубки лѣса, только для мѣстной крестьянской нужды союзъ разрѣшилъ рубку лѣса.

Все это было сдѣлано безъ насилія; аграрныхъ безпорядковъ, поджоговъ и т. п. все время *не было*. Только тамъ, гдѣ помѣщикъ вызывалъ войско, тамъ происходили частичныя незначительныя стычки съ казаками. Забастовка на заводахъ и въ экономіяхъ проводилась

мирно, спокойно; забастовкой достигалось повышеніе заработной платы до 25% (за то сейчасъ, подъ угрозами временнаго генералъ-губернатора, экономіи платятъ вмѣсто рубля 30—35 коп.). Многіе помѣщики, почувствовавъ силу демократіи, объявили арендную цѣну на землю вмѣсто 25—28 руб. 15 руб.

Всякія земельныя сдѣлки были пріостановлены, также была пріостановлена уплата всякихъ повинностей.

Работа всюду шла быстро, комитеты все увеличивались, въ каждой волости устраивались частыя чтенія (народныя чайныя перешли въ распоряженіе Кр. с.) разбирали программу политическихъ партій, всюду организовали библіотечки и тутъ начали готовиться ко второму окружному съѣзду. Но наступили декабрьскіе революціонные дни, желѣзная дорога забастовала, начались митинги въ городѣ, куда хлынула десятитысячная масса, и въ первый же вечеръ эта великая сила показала свою власть. Въ 12 час. ночи, во время разгара митинга, мы узнали объ участи двухъ товарищей рабочихъ, которые арестованы и содержатся безъ суда въ тюрьмѣ.

Тутъ же было рѣшено: немедленно всей толпой во главѣ съ избранными пятью депутатами, не взирая на ночное позднее время, отправиться къ прокурору и потребовать отъ имени Кр. С. немедленнаго освобожденія товарищей. Сперва прокуроръ отказалъ. Тогда было ему заявлено отъ имени всего народа, что до тѣхъ поръ, пока онъ не освободитъ товарищей, онъ считается арестованнымъ. Но когда онъ сталъ отрицать нахожденіе ихъ въ тюрьмѣ, было ему предъявлено требованіе, немедленно, со всей толпой, отправиться въ тюрьму и убѣдиться. Онъ долго сопротивлялся. Но, наконецъ, ему пришлось слѣдовать вмѣстѣ съ толпой. Впереди шли съ краснами. знаменами и распѣвали революціонныя пѣсни. Это было въ 2 час. ночи. Тюрьма расположена отъ квартиры прокурора на разстояніи болѣе двухъ верстъ. Въ тюрьму вошли прокуроръ и выбранные народомъ депутаты. Всѣ камеры были открыты. Убѣдившись, что въ здѣшней тюрьмѣ ихъ нѣтъ, отпустили прокурора на свободу по предъявленіи ему требованія, чтобы арестованные съ его вѣдома были освобождены не позже 2 сутокъ.

Затѣмъ комитетъ Крестьянскаго союза вошелъ въ соглашеніе съ комитетомъ ж. д. и по постановленію ком. Кр. с. были доставлены въ городъ всякіе грузы, первой необходимости. Каждый купецъ,

желавшій получить свой грузъ обязывался подпиской ком. Кр. с. въ томъ, что онъ будетъ продавать всѣ товары по старымъ цѣнамъ, не повышая цѣнъ вслѣдствіе забастовки, и тогда въ 24 часа доставляли ему всякую кладь. Даже мѣстный милліонеръ, благодѣтель полиціи и церквей, подчинялся также ком. Кр. с., обязываясь отпускать уголь по мѣрѣ надобности населенія и по установленной дешевой цѣнѣ. По всѣмъ деревнямъ и селамъ былъ разосланъ циркуляръ отъ ком. Кр. союза—продолжать везти въ городъ всякіе продукты безъ повышенія цѣнъ. Этотъ законъ исполнялся свято и ненарушимо. Цѣлые дни не прекращались митинги въ разныхъ мѣстахъ города. Всѣ учебныя заведенія прекратили занятія, театры закрывались, въ остальномъ жизнь не нарушалась ничѣмъ, такъ какъ за порядкомъ слѣдило временное правительство именовавшееся «ком. Вс. Кр. союза», который засѣдалъ въ главномъ земскомъ домѣ, куда являлись граждане и поселяне за всякими справками.

Многіе крестьяне считали комитетъ единственнымъ защитникомъ интересовъ всего народа и приходили за совѣтами: какъ поступать со своими помѣщиками, которые не уплачиваютъ слѣдуемыхъ денегъ. Другіе приносили сюда жалобы на рѣшеніе суда земскихъ и городскихъ судей. Была также наемная и вольная милиція, которая доставляла въ главный к. Кр. с. свѣдѣнія о всемъ случившемся въ городѣ. Мѣстная полиція спряталась, ей было заявлено, что въ случаѣ, если она будетъ мѣшать, она будетъ отвѣчать предъ народомъ и что народъ сумѣетъ постоять за себя. Городской голова, глава черной сотни, началъ было агитацію противъ евреевъ и интеллигентовъ, но явились депутаты изъ деревень съ заявленіемъ въ ком. К. с., что они готовы выставить десятки тысячъ крестьянъ, вооруженныхъ вилами, лопатами и всѣмъ, чѣмъ располагаютъ, и не дадутъ черной сотнѣ устроить здѣсь то, что устраивалось въ другихъ сосѣднихъ городахъ. Нашъ городъ—единственный на югѣ, гдѣ агентамъ Крушевана-Богдановича и др. не удалось сыграть никакой роли, и это благодаря сознательной организаціи Кр. с.

Въ это же время начали издавать органъ «Крестьянская Газета», посвященный исключительно интересамъ крестьянства; сотрудниками были и крестьяне.

Дни шли, а мы не вѣдали, что творится по всей Россіи, мы были отрѣзаны отъ всего живого міра, въ виду забастовки желѣзныхъ

дорогъ, почты и телеграфа. Временами доносились къ намъ слухи черезъ делегатскіе поѣзда, но мы все не знали, куда направить нашi силы.

Наконецъ, начальникъ губерніи прислалъ съ нарочнымъ приказъ о военномъ положеніи, но Кр. с. изданъ приказъ всѣмъ типографіямъ не печатать его, никто не посмѣлъ ослушаться.

Но, увы! 16 числа было арестованъ глава нашего союза, онъ до сихъ поръ томится въ тюрьмѣ безъ суда.

Несмотря на начавшіяся репрессіи, все же 18 числа состоялся съѣздъ Кр. с. 28 волостей 350 депутатовъ, гдѣ обсуждали вопросы:

1) Какъ бороться съ попами. 2) Какъ установить выборный волостной судъ. 3) Какъ бороться съ земскими начальниками. 4) Потребовать немедленно продовольственныхъ суммъ. 5) Устройство земскихъ школъ и предоставленіе мѣстному населенію выборъ учителей. 6) О мелкой земской единицѣ. 7) О рубкѣ лѣсовъ. 8) О земельной реформѣ и нѣкоторые другіе вопросы.

Ораторами были исключительно крестьяне. Они обстоятельно высказывались по каждому вопросу, особенно было интересно постановленіе о земскихъ начальникахъ. Было постановлено немедленно требовать ихъ отставки, въ противномъ случаѣ арестовать.

Что касается земельнаго вопроса, всѣ собравшіеся, какъ одинъ человѣкъ, твердили одно и то же: «Лишь только тогда можно будетъ умиротворить страну, когда будетъ уничтожено право собственности на землю, и взамѣнъ того будетъ предоставлено право на землю всѣмъ трудящимся». Многіе депутаты заявили отъ имени собственниковъ, владѣющихъ 20—30 дес., о согласіи ихъ передать свои земли въ общенародный фондъ.

Сейчасъ послѣ съѣзда начались поголовные аресты. Аресты производились полиціей подъ охраной драгунъ, обыкновенно по ночамъ. Насъ, четверыхъ узниковъ, возили цѣлую недѣлю изъ одной въ другую тюрьму, не по желѣзной дорогѣ а на наемныхъ лошадяхъ. Насъ окружали 36 драгунъ съ шашками наголо. Мы дѣлали безъ передышки по 50 верстъ въ зимнюю морозную ночь; лошадей мѣняли посреди дороги, въ полѣ. Все это дѣлалось, чтобы въ селахъ не знали о насъ. Многихъ нашихъ товарищей избивали; брали *малолѣтнихъ* въ *залогъ* за скрывшихся отцовъ и братьевъ. За то, что въ домѣ есть газета «Сынъ Отечества», или зато, что читанъ манифестъ

посреди своихъ знакомыхъ, садили въ тюрьму. Около 1000 человѣкъ, крестьянъ стали жертвами полицейскаго произвола.

Многихъ уже сослали безъ суда въ сѣверныя губ., многіе томятся и понынѣ въ тюрьмахъ безъ всякаго обвинительнаго акта.

Въ деревняхъ остались голодныя дѣти, работать негдѣ, помѣщикъ твердитъ: «что забастовщиковъ не беретъ».

Нѣтъ возможности описать весь ужасъ, голодъ, произволъ и насиліе, которые пришлось пережить.

3 іюня. *Те—нъ.*

„Всеобщее" избирательное право.

При избраніи депутатовъ въ нынѣшнюю Государственную Думу голосъ подавали не всѣ взрослые люди. Однимъ правительство разрѣшило голосовать, другимъ запретило, какъ напр., многимъ рабочимъ.

Отнято право голоса также и у всѣхъ женщинъ.

Народные представители, избранные путемъ такого ограниченнаго избирательнаго права, не могутъ считаться представителями всего русскаго народа.

Потому то Государственная Дума, а вмѣстѣ съ ней и всѣ тѣ, кто искренно желаетъ народнаго блага, требуютъ, чтобъ избирательное право было распространено на всѣхъ рѣшительно взрослыхъ людей, и мужчинъ, и женщинъ.

Но люди, которымъ до народнаго блага мало дѣла, на это не согласны. Въ особенности спорятъ они противъ избирательнаго права для женщинъ.

Они не понимаютъ того, что, если въ новой, свободной Россіи половина населенія—всѣ женщины—останутся въ рабствѣ, то очень непрочна будетъ и самая свобода.

Необходимо, чтобы весь народъ полюбилъ новые порядки и крѣпко за нихъ ухватился; тогда только насильникамъ не удастся отнять обратно ту свободу, за которую пришлось такъ долго воевать.

Если же новый строй ничего не дастъ женщинамъ, если онѣ по прежнему останутся въ рабскихъ цѣпяхъ, то и дорожить новыми по-

Въ Лехумскомъ уѣздѣ сожжено 19 домовъ и 3 магазина.

Въ селеніи Кацхи (Шароп. у.) изнасилована дѣвушка.

Въ селеніи Чанвинджахъ (Зугдидскій у.) сожжено до 50 домовъ.

Въ селеніи Иванцминди казаки изнасиловали женщину, которая тяжко заболѣла.

28 февраля въ селеніи Багдады (Кутаисскаго уѣзда) прибыло 200 казаковъ Полтавскаго полка, разграбили дома, изнасиловали женщинъ и убили старуху Харабидзе 60-ти лѣтъ.

3 марта въ селеніи Кербоули (Шар. уѣз.) казаки Хоперскаго полка изнасиловали 3-хъ дѣвушекъ, Магарашвили, изъ которыхъ одна сошла съ ума.

Въ селеніи Парухма (Гурія) разрушено и сожжено до 20 домовъ.

15 марта казаки сожгли въ селеніи Свири (Шор. уѣз.) 6 домовъ. Многихъ ограбили. Женщины изнасилованы. Одна дѣвушка сошла съ ума, другая пропала безъ вѣсти.

Грузинскій народъ, истекая кровью, все же глубоко надѣется, что скоро взойдетъ заря новой жизни.

31-го мая. *А. С—въ.*

Свободное слово.

Мѣсяцъ тому назадъ вся Россія провожала депутатовъ въ Государственную Думу. На Кавказѣ, въ Сибири проводы еще и теперь продолжаются.

И повсюду, во всѣхъ углахъ необъятной Россіи повторяется одно и то же напутствіе депутатамъ: «Добывайте намъ землю и волю, крѣпко на томъ стойте, а мы васъ поддержимъ. Вы—впереди, а мы—за вами».

Мѣсяцъ ужъ засѣдаетъ Дума, а напутствія и привѣтствія все идутъ и повторяютъ все то же: о землѣ, о волѣ, о поддержкѣ Думы народомъ.

Дума читаетъ эти привѣтствія. И чѣмъ ихъ больше, тѣмъ смѣлѣе должна себя чувствовать, тѣмъ смѣлѣе должна стоять она за народныя требованія. Вѣдь каждое слово привѣта вылилось изъ души не

одного человѣка, не десятка человѣкъ, а всего многомилліоннаго русскаго народа. *Весь* народъ русскій привѣтствуетъ Думу, онъ весь постоитъ за нее, если она будетъ бороться за землю и волю.

И нужно, чтобъ голосъ всей Россіи звучалъ въ Думѣ, чтобъ не порывалась связь между передовымъ отрядомъ—Думой и всей боевой арміей—многомилліоннымъ народомъ.

Связь эту можетъ поддержать *свободное слово*.

Говорятъ депутаты въ Думѣ о землѣ, о волѣ. Газеты подхватываютъ каждое слово, чтобъ разнести его по всей Россіи, въ самые отдаленные уголки ея, въ глухую провинцію, въ далекую деревушку... Ждутъ русскіе люди, знать хотятъ, что сказалъ тотъ или другой депутатъ, что сказала вся Дума. Ждутъ свободнаго слова, всѣ ждутъ— и ученые и неграмотные.

Но не тутъ то было. Свободно лишь слово черносотенныхъ прокламацій. Многое множество ихъ распространяется по Россіи. О насиліи говорятъ онѣ, кровью угрожаютъ свободѣ. Отвѣтъ министровъ Думѣ о томъ, что ни земли, ни воли народу не будетъ, расклеивается по городамъ и деревнямъ. Въ одномъ мѣстѣ не постѣснились даже къ церковнымъ дверямъ прибить. И говорить черносотенцамъ все, что угодно, позволено. А собранія ихъ охраняются вооруженной стражей. Слово для нихъ въ Россіи свободно.

Не то съ депутатскими рѣчами, съ призывами къ землѣ и волѣ. Отвѣта депутатовъ на тронную рѣчь въ деревняхъ даже читать не даютъ. Газеты, гдѣ депутатскія рѣчи изложены, изъ провинціи, изъ деревни, изо всѣхъ силъ гонятъ. Книжки хорошія, толкующія о землѣ, о волѣ, насильно отбираютъ.

А теперь ужъ тѣснить стали и телеграммы, адресованныя изъ деревень къ депутатамъ въ Петербургъ. То и дѣло въ газетахъ читаешь: тамъ телеграмму схода деревенскаго къ отправкѣ не приняли, тамъ за составленіе приговора подвергли тѣлесному наказанію, тамъ въ холодную засадили.

О томъ же, чтобъ депутаты сами народу объ Думѣ разсказали, и думать почти нельзя. Въ Петербургѣ депутатамъ не разрѣшили устроить собраніе. Въ Смоленскъ поѣхалъ депутатъ, — тамъ начальство побоялось разогнать собраніе, потому что личность депутата по закону считается, какъ бы, неприкосновенной. Но какъ только народъ сталъ съ собранія расходиться, со всѣхъ сторонъ налетѣли

мы бьемся отъ малоземелья, давно терпимъ убійственную нужду, все ожидая лучшаго, надѣясь на свѣтлое будущее. Уже лѣтъ тридцать тому назадъ мы посылали къ царю ходока просить о прирѣзкѣ земли. И что-жъ — ходокъ вернулся ни съ чѣмъ. Его даже никуда не допустили: ему только и удалось узнать, что въ Петербургѣ лѣтомъ не бываетъ ночи, да увидѣть царскихъ собакъ, которыя, по его замѣчанію, были весьма огромнѣйшей величины. За это время сколько жителей прибавилось, а клочекъ земли, на которомъ мы разселились, остался тотъ же. Кромѣ того, онъ настолько выпахался, что совершенно потерялъ производительность. Часто бываютъ годы, что сѣмянъ не можемъ собрать. Что же касается луговъ, то о нихъ нечего и говорить: у насъ ихъ почти совсѣмъ нѣтъ. Правда, у насъ есть работы, преимущественно въ казенныхъ лѣсахъ, откупаемыхъ богачами-кулаками. Но послѣдніе, пользуясь нищенскимъ положеніемъ нашихъ крестьянъ, цѣны платятъ такія, что невозможно заработать себѣ на харчи, и держатъ ихъ въ такой же кабалѣ, въ такомъ же рабствѣ, какъ это было во времена ненавистнаго крѣпостничества, если только не хуже. Такъ, напримѣръ, въ лѣтнюю пору у нихъ работаютъ по 18—19 часовъ въ сутки, перенося при этомъ неимовѣрную жару, а ночь валяясь въ своемъ жалкомъ рубищѣ на голой землѣ, питаясь самою скудною пищею, перенося страшныя мученія отъ недостатка воды, которую часто приходится пить изъ какой-нибудь прогнившей лужи. И слава Богу, если за такой, хуже чѣмъ каторжный, трудъ человѣкъ получитъ тридцать копеекъ въ день. При этомъ надо замѣтить, что такихъ дней въ недѣлю онъ сдѣлаетъ только четыре, за остальные же ничего не получаетъ, хотя это время не остается безъ дѣла. Дѣло въ томъ, что понедѣльникъ приходится проводить на то, чтобы, взваливъ на свои плечи пуда въ два-три суму съ топоромъ, пилой, котломъ и пищею, добраться до мѣста работы, которое находится отъ села въ верстахъ двадцати, а то и болѣе. Въ субботу, захвативъ такъ же скарбъ, нужно возвращаться домой. Въ воскресенье же надо итти къ хозяину и стоять у его воротъ, дожидаясь, пока онъ, послѣ сытнаго обѣда, отдохнетъ въ волю и тогда, выйдя къ труженикамъ, начнетъ выдавать ничтожную плату.

Чаще всего въ такихъ случаяхъ бываетъ такъ, что у кулака—хозяина не оказывается денегъ; тогда жди, пока онъ не достанетъ

таковыхъ, а чтобы не умереть съ голоду, приходится закладывать всю одежду, домашнюю утварь, лишь бы хотя втридорога достать себѣ пропитанія. А если уже кто сильно будетъ приставать съ требованіемъ объ уплатѣ, такого человѣка нерѣдко безъ всякаго стѣсненія выталкиваютъ въ шею, грозя при этомъ, что онъ больше не будетъ принятъ на работу. Словомъ, выжимаютъ изъ насъ послѣдніе жизненные соки, доводя насъ до полнаго истощенія и изнеможенія. А тутъ еще правительство съ безпощадностью давитъ насъ своими разными оброками, налогами, податями, всевозможными пошлинами, воинскими повинностями. Всѣ, положительно всѣ до стражника включительно, надъ нами безнаказанно издѣваются, надругиваются, заставляя насъ гнуть передъ собою спины, въ тридцатиградусный морозъ стоять безъ шапокъ. Просто бѣда, да и только. Изъ жизни сдѣлали какую-то тюрьму, сплошную цѣпь невыносимыхъ мученій. И такъ проходили годы, десятки лѣтъ.

Деревушка наша, постепенно разоряясь, дошла до такого бѣдственнаго положенія, что продолжать свое существованіе при подобныхъ условіяхъ стало немыслимо. Однако мы до самаго послѣдняго времени ждали перемѣнъ къ лучшему, жили будущимъ. Но, какъ видно, все напрасно. Такъ называемая декларація нашихъ министровъ окончательно насъ убѣдила, что дальше ждать нечего, что ни воли, ни земли не будетъ. Что же теперь дѣлать? Неужели мы еще обрѣчены на цѣлые годы по прежнему голодать, страдать и въ какомъ-то жалкомъ прозябаніи ждать, пока не пробьетъ часъ смерти и пока не зароютъ въ сырую глину? Нѣтъ, довольно! Довольно и того, что пережили. И такъ вся русская земля переполнилась слезами настолько, что всѣ наши поработители, эти изверги человѣческаго рода, захлебываются въ нихъ. Мы теперь понимаемъ, кто наши настоящіе друзья и кто—злые враги въ овечьихъ шкурахъ. События послѣдняго времени насъ пробудили отъ многовѣковой спячки, невольно раскрыли намъ глаза. Слѣпые и тѣ-то, кажется, всѣ прозрѣли, глухіе—начали слышать. Мы не забыли декабрьскіе, январскіе и февральскіе дни, когда почти по всей Россіи свирѣпствовалъ холодъ, а еще болѣе, купаясь въ человѣческой крови, свирѣпствовали всѣ, власть имущіе. Они въ своихъ звѣрскихъ расправахъ не знали удержа. Ихъ произволу, кажется, не было границъ. Все то, что только могъ придумать ихъ злой геній, они не стѣснялись пускать

въ ходъ, лишь бы только удержать за собой свои, ускользающія изъ ихъ грязныхъ лапъ, права, свое барское благополучіе, которое зиждилось на слезахъ и великомъ горѣ многомилліонной массы. Какъ ни глуха наша деревушка, тѣмъ не менѣе и въ нее проникали то газетныя, то словесныя извѣстія о разныхъ военныхъ полевыхъ судахъ, душившихъ съ свойственнымъ имъ безстыдствомъ лучшія силы, лучшихъ нашихъ друзей на висѣлицахъ; о всевозможныхъ карательныхъ экспедиціяхъ, которыя, обжираясь виномъ, чтобы хоть немного заглушить свою совѣсть, если таковой сколько-нибудь осталось у нихъ, насиловали женщинъ, грабили и безъ того нищенствующихъ людей, истязали, рубили, рѣзали, убивали, разстрѣливали—безъ всякой жалости. Словомъ, все, что только называется благороднымъ, святымъ, возвышеннымъ, попирали ногами, топили въ человѣческой крови. Да, это было страшное время. Но видно не по силамъ была взята работа. Не тѣ теперь времена, чтобы небольшая кучка могла заставить сотни милліоновъ людей ползать у себя въ ногахъ. Торжествовать этой кучкѣ долго не пришлось. Старые жизненные устои снова заколебались, задрожали, ежеминутно грозя обрушиться и подъ собою похоронить своихъ создателей. Народъ снова собрался съ силами и ждетъ удобнаго момента, чтобы броситься на своихъ заклятыхъ враговъ, доведшихъ его до отчаяннаго положенія. Народъ въ своемъ негодованіи на своихъ угнетателей дошелъ до того, что готовъ задушить ихъ въ своей собственной крови, раздавить ихъ тяжестью своихъ собственныхъ труповъ, лишь-бы только освободиться отъ гнета и произвола. Пусть это Трудовая группа Государственной Думы приметъ къ свѣдѣнію. Пусть она не боится никакихъ угрозъ со стороны правящихъ, а смѣло, храбро, настойчиво держится на своемъ, проводя въ жизнь давно желанную идею. Волна народной ненависти безслѣдно сотретъ съ лица земли всѣхъ тѣхъ, кто хоть сколько нибудь посягнетъ на нашихъ избранниковъ.

10 іюня. *Крестьянинъ.*

АРМІЯ.

Кто хочетъ войны.

Въ половинѣ августа 1905 года въ Манчжуріи установилась великолѣпная погода. Лѣтнія жары и проливные дожди миновали. Стояли лунныя ночи. Начинало созрѣвать китайское просо. Природа, казалось, звала людей на радостный пиръ мирной трудовой жизни.

Но тяжело было на душѣ у русскаго солдата. Далеко на западѣ осталась его семья: жена, дѣти, старики—родители. Что ихъ ждало тамъ безъ него? Нерадостныя вѣсти приходили оттуда. Полный неурожай; зимою, можетъ быть, придется продать за безцѣнокъ послѣднюю лошадь и корову; работать не на чемъ, дѣти останутся безъ молока, и все же врядъ ли продержаться до новаго хлѣба; придется надѣвать нищенскую суму. «Его дѣти, его старики пойдутъ съ сумой побираться подъ окнами». При этой мысли слезы навертывались на глаза у солдата. Все было бы иначе, будь только онъ тамъ съ ними. Когда онъ попадетъ туда и попадетъ ли еще?

И мысли солдата невольно обращались въ другой край земли, на востокъ. Тамъ, гдѣ-то далеко за морями, въ Америкѣ идутъ переговоры о мирѣ. «Чѣмъ-то они кончатся? Далъ бы Богъ замиреніе. Но нѣтъ, въ газетахъ пишутъ, что миръ врядъ ли состоится». И гнетущая тоска при этихъ мысляхъ сжимала сердце солдата.

А полководцы и генералы кричали въ то же время: «нельзя мириться», «мы должны побѣждать». Въ Питеръ летѣли телеграммы: «Армія, какъ одинъ человѣкъ, рвется въ бой». Умоляли прекратить мирные переговоры.

Что значили для нихъ сотни тысячъ убитыхъ и раненыхъ, что значили для нихъ море народныхъ слезъ и разореніе сотенъ тысячъ семей? Чинъ или орденъ для нихъ были важнѣе. Солдатъ на то и солдатъ, чтобы итти на убой по ихъ приказанію. Нужды нѣтъ, что этотъ солдатъ не знаетъ, для чего воюютъ и за что онъ долженъ умирать; это его не касается; онъ долженъ слѣпо повиноваться. Его

дѣло—умирать; а ихъ дѣло—получать бѣшеное жалованье, чины и ордена. Такъ думали военные чиновники, такъ думали вмѣстѣ съ ними и чиновники въ Петербургѣ. Но не такъ думалъ русскій народъ. Онъ понялъ, наконецъ, что эти чиновники ведутъ страну къ гибели; онъ хотѣлъ знать всю правду; онъ рѣшилъ, что пришло время потребовать отъ нихъ отчета; онъ рѣшилъ самъ взять въ свои руки управленіе всѣми дѣлами страны.

Съ Японіей заключили миръ. Теперь начальству было не до того. Надо было, какъ они говорили, «водворить порядокъ въ странѣ». Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ для нихъ былъ не шуточный. Вѣдь, дѣло шло объ ихъ сладкомъ житьѣ, о жалованьѣ, о чинахъ и орденахъ. Ради этого чиновники въ Питерѣ такъ же, какъ и военные начальники въ Манчжуріи, готовы были разорить сотни тысячъ семей и перебить сотни тысячъ народа.

А народъ не хотѣлъ ничьей смерти; онъ рѣшилъ бороться мирнымъ путемъ. «Не будемъ работать, пока намъ не дадутъ свободы и права управлять дѣлами страны». Такъ рѣшили рабочіе. И сразу во всей странѣ прекратилась всякая работа.

Этого чиновники не ожидали. Они растерялись и на время отступили. Манифестомъ отъ 17 октября были обѣщаны всѣ свободы. Было сказано, что отнынѣ ни одинъ законъ не пройдетъ безъ одобренія народныхъ представителей.

Рабочіе повѣрили и мирно разошлись по своимъ работамъ.

Тогда чиновники опомнились. «Неужели же они такъ легко уступятъ? Неужели же кончилась ихъ власть? Неужели же прошло ихъ золотое время? Не можетъ этого быть». Есть еще на Руси темныя силы. Есть еще несчастные люди, готовые за рубль денегъ или за бутылку водки избивать кого угодно. Есть еще полицейскіе, жандармы, казаки, солдаты, которые по приказанію начальства пойдутъ разорять и убивать всѣхъ, кого только велятъ командиры, не разбирая пола и возраста, стариковъ, женщинъ и малыхъ дѣтей, всѣхъ, хотя бы даже и своихъ братьевъ.

И вотъ послѣ объявленія свободы началась расправа по всей землѣ русской. Чиновники, т. е. министры, губернаторы, градоначальники и прочіе разные начальники, водворяютъ «порядокъ». Всѣ тюрьмы переполнились. Десятки тысячъ жителей ссылаются въ холод-

ныя пустыни Сѣвера и Сибири. Мирныхъ жителей сотнями разстрѣливаютъ и запарываютъ по суду и безъ суда или просто избиваютъ въ городахъ и деревняхъ. Женщинъ, дѣвушекъ и даже дѣтей подвергаютъ гнусному насилію. Цѣлыя деревни сжигаются.

Крутыя мѣры!.. Но что же подѣлаешь? Вѣдь, дѣло не шуточное: приходится спасать свое привольное житье, свои оклады чины и земли.

А народъ попрежнему хочетъ мира, земли и свободы. И онъ все еще вѣритъ, что можно всего добиться мирнымъ путемъ. Горячо, отъ всего сердца приступилъ онъ къ избранію своихъ представителей. Пусть ѣдутъ они въ Петербургъ. Пусть скажутъ они тамъ, что народъ доведенъ до крайности, что дальше такъ жить онъ не можетъ и не хочетъ. Онъ требуетъ земли и воли.

И вотъ народные представители съѣхались въ Петербургъ. Начались переговоры съ правительствомъ. Народъ заявилъ свои требованія. Онъ уступить ничего не можетъ. А министры объявили, что они и знать не хотятъ этихъ народныхъ желаній. Они ничего не хотятъ уступать. Какъ въ Манчжуріи, они готовы послать войска противъ непріятеля. Но только теперь это не японцы. Этотъ непріятель — родная страна, разоренная и доведенная до отчаянія; это свои братья и сестры. Пойдутъ ли солдаты противъ такого непріятеля?

Обманомъ и насиліемъ ихъ заставляютъ итти противъ народа, ковать ту самую цѣпь, которая держитъ и ихъ въ неволѣ вмѣстѣ съ народомъ.

Высшее начальство надѣется на солдатъ, оно надѣется на темныя силы. Оно попрежнему, какъ тамъ въ Манчжуріи, хочетъ войны и боя, оно хочетъ поскорѣе покончить со всѣми народными требованіями и желаніями, оно хочетъ, чтобы народъ попрежнему оставался безгласнымъ и послушнымъ его рабомъ. Начальники попрежнему готовы кричать: «войска рвутся въ бой» Не ошибутся ли они?

20 мая. *В. Р.*

ОПАСНАЯ ИГРА.

«Намъ армія еще вѣрна», сказала одна высокопоставленная особа, которой ея подчиненные указывали на опасности со стороны Государственной Думы.

«У нихъ рѣчи, а у насъ пулеметы», изрекла другая особа.

Этими словами «особы» произнесли себѣ смертный приговоръ. Правительство, которому больше не на что опереться, какъ на пулеметы, уже не правительство, а шайка разбойниковъ. Эта шайка можетъ пролить еще много крови, но въ концѣ концовъ народъ съ ней все же справится.

«Намъ армія еще вѣрна»...

Совершенно правильно, — но даже сама «особа», сказавшая эту фразу, сочла нужнымъ вставить въ нее маленькое, но знаменательное слово: «еще».

«Еще вѣрна»... Карательные отряды и казаки великолѣпно доказали эту вѣрность. И мы этой «вѣрности» ея имъ не забудемъ.

Но долговѣчна ли она? Не смѣняется ли она теперь колебаніями и сомнѣніями?.. Во время московскаго возстанія нѣкоторые полки были заперты начальствомъ въ казармахъ, такъ какъ «вѣрность» ихъ уже не внушала довѣрія.

Пришлось въ Москву вызвать молодцовъ—семеновцевъ.

Извѣстны и другіе случаи колебаній... Довольно много въ газетахъ писемъ солдатъ, въ которыхъ они выражаютъ сочувствіе освободительному движенію. Мы читали письмо солдатъ севастопольскаго гарнизона епископу Антонію. Про этихъ солдатъ уже нельзя сказать, что они «еще вѣрны...»

Извѣстны и еще болѣе знаменательные случаи.

Во вчерашнемъ № «Народнаго Вѣстника» помѣщено слѣдующее сообщеніе.

«11 апрѣля, по экстренному распоряженію начальства, должны были выступить изъ казармъ 5-я и 6-я роты новочеркасскаго полка въ александровскій и обуховскіе заводы. Предъ отправленіемъ командиры выступили съ рѣчью, обращенной къ солдатамъ. Штабсъ-капи-

танъ Николаевъ сказалъ, между прочимъ: «Наша родина теперь страшно страдаетъ отъ того, что нѣкоторые люди хотятъ ловить рыбу въ мутной водѣ. Доходитъ дѣло до того, что въ Казанскомъ соборѣ не снимаютъ шапокъ и курятъ предъ иконами папиросы. Поэтому такихъ людей жалѣть нечего, *стрѣлять безъ предупрежденія*, не вступать съ ними ни въ какіе разговоры и *дѣлать такъ, чтобы ихъ поменьше осталось*»... Солдаты передъ выходомъ на заводы собрались вмѣстѣ и, обсудивъ положеніе дѣлъ, вынесли, какъ въ 5-й, такъ и въ 6-й ротахъ, резолюціи приблизительно такого содержанія: «Выполняя приказаніе начальниковъ, волей—неволей приходится итти на заводы. Но при извѣстныхъ условіяхъ мы не только отказываемся примѣнять насиліе надъ рабочими, но и переходимъ на ихъ сторону». На другой день 5 и 6 роты были смѣнены 7-й и 8-й. Передъ своимъ выходомъ изъ казармъ и онѣ вынесли точно такія же резолюціи».

Это уже не «вѣрность».

Это говорятъ и дѣлаютъ солдаты, которыхъ ведутъ на улицу бороться съ предполагаемыми волненіями. Что скажутъ они, когда ихъ поведутъ «разгонять» народныхъ представителей, которые въ адресѣ царю заявили, что нужно ввести въ арміи справедливость?

Кто знаетъ, всѣ ли полки согласятся поднять штыки на своихъ защитниковъ?

Допустимъ даже, что армія «еще вѣрна» и солдаты разгонятъ Государственную Думу.

Такая побѣда только ухудшитъ положеніе «звѣздной палаты», такъ какъ къ страху, который она испытываетъ теперь передъ проснувшимся народомъ и его гнѣвомъ, присоединится еще страхъ передъ арміей, которая пойметъ, что она единственная опора этихъ звѣздоносцевъ.

А разъ армія пойметъ это, то не захочетъ быть только орудіемъ въ рукахъ Трепова и Побѣдоносцева, появятся и среди нея честолюбивые люди. И они вырвутъ власть изъ рукъ теперешнихъ временщиковъ; на нихъ возстанутъ другіе, на другихъ—третьи и начнется военная революція, которая въ другихъ странахъ получила названіе «пронунціаменто».

И польется солдатская кровь до тѣхъ поръ, пока они не поймутъ окончательно, что всѣ эти дерущіеся другъ съ другомъ звѣздоносцы

одного поля ягода, что всѣ они — самые жестокіе враги простого народа.

И тогда солдатская революція сольется съ народной. «Звѣздная палата» ничего отъ этого не выиграетъ, а Россія захлебнется въ крови.

Господа звѣздоносцы, поймите, что ваша игра проиграна и армія васъ не спасетъ, а погубитъ.

Бойтесь ввести солдатъ въ политику, бойтесь укрѣпить въ нихъ увѣренность, что они—единственная ваша опора.

20-го мая.

Солдатскій бунтъ.

21 и 22 мая въ *Курскѣ* взбунтовался 123 пѣхотный Козловскій полкъ. Полкъ этотъ недавно вернулся съ Дальняго Востока. Пробылъ онъ на войнѣ съ 1903 года. Тамъ, на страшныхъ поляхъ Манчжуріи, Козловскій полкъ понялъ, кто настоящій врагъ русскаго народа. Козловскій полкъ вернулся на родину не «сѣрой скотиной», а борцомъ за волю и право русскаго народа. 21 мая Козловскій полкъ собрался въ лагеряхъ подъ городомъ. Солдаты были страшно недовольны плохой пищей и задержкой денегъ. 21 мая вечеромъ въ лагеряхъ собрался митингъ. Солдаты рѣшили не ходить на караулы. Пришедшій офицеръ началъ уговаривать смѣнить уставшихъ товарищей на караулѣ. Солдаты согласились, но заявили, что на слѣдующій день они соберутъ опять митингъ. 22 козловцы собрались уже на городской площади противъ тюрьмы. Появились ораторы. Скоро были выработаны слѣдующія требованія.

1. Выдача обмундировочныхъ денегъ въ количествѣ 2 р. 50 к., а не жалкихъ 45 к., которыя даетъ начальство, и роспускъ по домамъ солдатъ срока службы 1905 г.

2. Право отлучаться въ городъ въ свободное отъ занятій время.

3. Свободный доступъ въ театры, па́рки и сады.

4. Освобожденіе отъ гауптвахтнаго ареста за самовольныя отлучки и забастовки.

5. Отмѣна занятій и работъ до и послѣ карауловъ. Улучшеніе и увеличеніе порціи до $^3/_4$ ф.

6. Выдача новаго полотна для палатокъ.

7. Улучшеніе постановки дѣла медицинской помощи.

Эти требованія были переданы командиру полка полковнику Соломко. Соломко потребовалъ, чтобы были удалены всѣ вольные (ораторы). Солдаты отказали. Тогда полковникъ Евдокимовъ, схватившись за шпагу, бросился въ середину солдатъ, но солдаты его сильно побили и не допустили его къ оратору.

Тогда полковникъ Соломко потребовалъ, чтобы немедленно были отданы ружья и патроны.—Солдаты кричали «нашли дураковъ»—«или ты хочешь казакамъ отдать—въ насъ же палить будутъ». И ружей не отдали. Полковникъ вызвалъ 2 и 5 артиллерійскую бригаду, для усмиренія—но артиллеристы отказались «усмирять» своихъ братьевъ. Отказались также и *казаки.* Захотѣлъ было полковникъ Соломко уговорить козловцевъ по «хорошему», но и тутъ нашла коса на камень—солдаты кричали полковнику: «Ага! Теперь увидали, гдѣ сила... Прежде за людей не считали... Все въ морду, да въ морду норовили, заставляли жрать дохлятину... а теперь «по хорошему» Шалишь,—знаемъ мы васъ, душегубцевъ, грабителей». На митингѣ много говорилось о теперешнихъ дѣлахъ въ Россіи. Одинъ изъ ораторовъ—солдатъ, указывая на тюрьму, говорилъ:—«Товарищи, тамъ наши братья—они страдали за насъ, за весь русскій народъ,—они добывали народу землю и волю—товарищи, вѣдь это наши требованія, сегодня мы солдаты, а завтра крестьяне или фабричные рабочіе—значитъ, у насъ одинъ врагъ съ трудовымъ людомъ. Нужно поддерживать крестьянъ и рабочихъ».

23 мая всѣ экономическія требованія удовлетворены. Солдаты получили новыя одѣяла, рубахи... Настроеніе среди козловцевъ артиллеристовъ и донцевъ тревожное... 24 мая изъ Фатежа прибыли казаки... Что-то будетъ дальше?

30 мая. *Солдатъ.*

Къ свѣдѣнію нашего воинства.

Надавно судьба занесла меня по дѣлу въ одно изъ большихъ селеній Владимірской губ.

Вижу на площади у церкви толпу играющихъ ребятишекъ и вдругъ къ этой толпѣ бѣгутъ со всѣхъ сторонъ бабы, хватаютъ ребятъ, растаскиваютъ ихъ по своимъ домамъ и изъ толпы остается нетронутымъ только одинъ мальчуганъ лѣтъ 10, который тотчасъ и залился горючими слезами.

— Что это значитъ?—спрашиваю собесѣдника.

— Да это остался сынишка одного нашего крестьянина-солдата. Съ нимъ нашимъ ребятамъ гулять мірскимъ сходомъ не позволено...

— Это, спрашиваю, почему?—и прошу разсказать подробнѣе.

— Видите-ли, отецъ этого мальчугана былъ взятъ въ мобилизацію. На войну онъ не попалъ, а былъ въ Кіевѣ въ одномъ изъ драгунскихъ полковъ. Недавно онъ вернулся. Ну, разумѣется, мы его встрѣтили со всѣмъ радушіемъ, разспрашивали о житьѣ-бытьѣ, а онъ разсказалъ намъ какъ участвовалъ въ стрѣльбѣ въ народъ въ Кіевѣ 18 октября. Давай его разспрашивать подробнѣй, и что же оказалось? Войска стрѣляли въ сборище народа по случаю радостнаго манифеста 17 октября! У насъ-то отъ разсказовъ морозъ подираетъ по кожѣ, а онъ еще хвалился: «ловко, говоритъ, мы жарили бунтовщиковъ, сначала изъ винтовокъ, а потомъ какъ скомандовали: «шашки вонъ, въ атаку»! Мы и пошли валять тѣхъ, которые разбѣгались; я, говоритъ, думаю, человѣкъ трехъ на тотъ свѣтъ отправилъ, да сколькихъ еще порубилъ шашкой. А ужъ какъ раздѣлали мы жидовъ, такъ только держись. Были дураки солдаты, отказывались усмирять, ну, а я присягу на вѣрность службѣ помню», и пошелъ бахвалиться. «Такъ вотъ ты, такой-сякой,—отвѣтилъ міръ,— такъ-то ты присягу понимаешь, чтобы беззащитныхъ и дѣтей на тотъ свѣтъ отправлять! Такъ не будемъ же мы съ тобой никакихъ дѣлъ имѣть, ты теперь намъ чужой, за такихъ и насъ считай...— И съ тѣхъ поръ рѣшили съ нимъ и его семейными не говорить и даже не позволяютъ своимъ ребятамъ съ его дѣтьми играть...

— Послушайте,—отвѣчалъ я,—да все-таки, хотя по нужнымъ дѣламъ, да говорятъ же!

— Такъ и не говорятъ—отвѣчаетъ собесѣдникъ.—Принесъ онъ разъ старостѣ оброкъ и спрашиваетъ: сколько съ меня, а староста только показалъ пальцемъ въ книгу: читай, молъ, самъ. Такъ и въ книжкѣ его отмѣтилъ о полученіи денегъ, и слова не сказалъ, потому нельзя—міръ приказалъ. Съ тѣхъ поръ ни самъ на улицу не выходитъ, ни семейные. Развѣ только за водой къ колодцу, да и то, когда народу на улицѣ поменьше...

— Ну, а ужъ на счетъ ребятъ-то его напрасно,—отвѣчаю я.— Чѣмъ же дѣти виноваты?

— Такъ то такъ, — отвѣчаетъ собесѣдникъ,—да что подѣлаешь, такъ міръ согласился, говоритъ: отъ ели *шишка*, отъ *свиньи* поросенокъ, пусть и другимъ будетъ не повадно...

Такъ вотъ какъ отвѣчаетъ «сѣрая» деревня своимъ сынамъ на ихъ рѣчи о вѣрности присягѣ!!.

2 іюня. *С. Бунинъ.*

На поворотѣ.

Армія волнуется. Въ арміи не все обстоитъ благополучно. Изъ разныхъ мѣстъ идутъ тревожныя для правительства вѣсти о солдатскихъ митингахъ, о солдатскихъ требованіяхъ.

Пока они носятъ еще мирный характеръ. Пока солдаты ограничиваются только тѣмъ, что въ одномъ мѣстѣ помнутъ офицера, въ другомъ холостыми выстрѣлами попугаютъ начальство. Но это только пока.

Скованная желѣзной дисциплиной, лишенная доступа живой мысли, забитая и замуштрованная армія до сихъ поръ стояла въ сторонѣ отъ освободительнаго движенія.

Правда, мы знаемъ кое-какіе случаи сознательнаго отношенія къ освободительному движенію со стороны солдатъ.

Мы не позабыли дѣйствія Урупскаго полка, Ростовскаго полка, 2-го желѣзнодорожнаго баталіона. Мы помнимъ и другіе случаи поддержки освободительнаго движенія арміей.

Но все это были отдѣльные «случаи». Они зависѣли или отъ состава офицеровъ, по большей части запасныхъ, или отъ благопріятныхъ условій пропаганды, или, наконецъ, отъ невыносимаго казарменнаго гнета. Поэтому вспышки въ войскѣ бывали большей частью мало подготовлены, малосознательны и скоро кончались.

Да и могло ли это быть иначе?

Солдатъ, попавъ въ казарму, совершенно отрывался отъ жизни. Все, что совершалось за стѣной казармы, доходило до него въ извращенномъ видѣ. Все, что онъ могъ почерпнуть изъ газетъ черносотеннаго направленія, попадавшихъ въ казармы, сводилось къ одному: народъ бунтуетъ, потому что его смущаютъ студенты, по большей части «жиды». Значитъ—бей ихъ, жалѣть незачѣмъ.

И въ теченіе многихъ лѣтъ такъ оно и происходило. Солдатъ билъ и стрѣлялъ тѣхъ, кого ему приказывали. Онъ мало зналъ за что, да этого ему и не надо было знать. Начальство приказало, и все тутъ. Изъ другихъ же источниковъ онъ почти не имѣлъ возможности почерпать свѣдѣнія.

Такъ было, повторяемъ, до самаго послѣдняго времени, конечно за малыми исключеніями.

Но вотъ произошли великія событія: сначала война, потомъ народное волненіе и, наконецъ, въ Россіи созваны народные представители. Въ Петербургѣ засѣдаетъ Дума. Думскія пренія печатаются во всѣхъ газетахъ, даже въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

Фактъ огромной важности. Фактъ, мало оцѣненный правительствомъ, иначе оно заранѣе запретило бы печатать что либо о Думѣ.

Газета, какая бы она ни была, попадаетъ въ казармы. Тамъ читаютъ рѣчи народныхъ избранниковъ, и что же? Солдатъ видитъ, что въ Думѣ совершенно открыто говорятся тѣ слова, которыя онъ раньше слышалъ гдѣ нибудь украдкой отъ рабочаго, студента, можетъ быть, прочелъ случайно въ какой-нибудь листовкѣ или прокламаціи.

Солдатъ видитъ, что все, что говорится въ Думѣ, говорится уже не крамольниками, которыхъ начальство приказывало ему истреблять, а народными представителями. И говорятъ они о свободѣ, о землѣ, о тяжеломъ положеніи народа, о злоупотребленіяхъ властей и т. д.

А вѣдь за все это раньше строго взыскивали. За одну прокламацію, въ которой говорилось то же самое, карали очень и очень жестоко!

И солдатъ изъ рѣчей депутатовъ узнаетъ то, чего онъ никогда бы не узналъ изъ патріотическихъ газетъ. Въ рѣчи онъ найдетъ и злую критику правительственныхъ дѣйствій, и крестьянскіе наказы и приговоры, и сообщенія о беззаконіяхъ властей и много иного, совершенно для него новаго.

Вотъ почему каждый новый день долженъ снимать завѣсу съ солдатскихъ глазъ. Вотъ почему армія уже не можетъ быть теперь слѣпымъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ.

Настанетъ день, и откроются глаза у арміи, какъ они открылись у всего русскаго народа. И сольется тогда эта армія съ народомъ въ одномъ желаніи—добыть землю и волю.

Да, поистинѣ, армія теперь стоитъ на великомъ поворотѣ.

2 іюня. *Черм.*

Солдаты и народъ.

Трудно сейчасъ живется народу, но еще труднѣе живется его роднымъ братьямъ-солдатамъ... Каждый день наводитъ ихъ на тяжелыя раздумья... Конечно, солдаты не знаютъ той нужды, которую изо-дня въ день мыкаютъ городскіе рабочіе и крестьяне; не знаютъ они, что значитъ безработица, что значитъ быть съ семьею выброшенному на улицу. Солдатъ на народныя деньги поятъ, кормятъ и одѣваютъ; за послѣднее же время даже стали кормить лучше, стали поить не только чаемъ, но и водкою, стали и деньгами въ видѣ разныхъ суточныхъ и наградныхъ щедрѣе одаривать... Но все же, житье-бытье солдатъ съ каждымъ днемъ дѣлается все труднѣе, такъ какъ ихъ все чаще и чаще стали посылать по деревнямъ усмирять крестьянъ, т. е. своихъ же братьевъ, съ которыми у нихъ общее горе и общія надежды на лучшее будущее.

«Изъ Харькова сообщаютъ, что изъ Чугуева въ Купянскъ отправлена сотня драгунъ. Около Купянска начались серьезные безпорядки»—подобнаго рода извѣстія можно встрѣтить ежедневно въ любой газетѣ.

Сотня драгунъ—вотъ отвѣтъ на требованіе хлѣба; эта сотня везетъ жестокую расправу. Тяжелое раздумье одолѣваетъ солдатъ, тѣхъ, по крайней мѣрѣ, въ которыхъ увеличенный казенный паекъ не заглушилъ окончательно искру Божію.

Конечно, такъ долго продолжаться не можетъ; солдаты чувствуютъ, что творится что то неладное и они ищутъ правды. Такъ, напримѣръ, въ Курскѣ «солдаты сами съ особымъ удовольствіемъ приглашаютъ и приводятъ къ себѣ постороннюю публику и устраиваютъ митинги, на которыхъ, кромѣ козловцевъ, присутствуютъ представители и другихъ воинскихъ частей».

Ищущихъ правду солдатъ, конечно, по головкѣ не гладятъ. Въ Петербургѣ, напримѣръ, какъ сообщали газеты съ 24 по 27 мая были произведены въ войсковыхъ частяхъ многочисленные аресты. Аресты конечно, не вытравятъ того тяжелаго раздумья, которое давитъ солдатъ и мучаетъ ихъ совѣсть. Солдаты волнуются въ Воронежѣ, Москвѣ, Полтавѣ, Костромѣ... и даже Царскомъ Селѣ.

Газеты, напримѣръ, сообщали, что «группа ростовскихъ артиллеристовъ—казаковъ, противящихся исполненію полицейскихъ обязанностей, переводится въ Новочеркасскъ».

Подробныхъ сообщеній много, и это несмотря на то, что солдатамъ воспрещаютъ читать газеты, принимать у себя въ казармахъ знакомыхъ, ходить на митинги, свободно переписываться съ родными. Солдатское начальство само берется «просвѣщать» солдатъ и, конечно, все представляетъ въ такомъ свѣтѣ, что наивный солдатъ можетъ и впрямь повѣрить, что мужикъ съ жиру бѣсится и всю смуту устроили десятокъ евреевъ, что если ихъ перестрѣлять, то все наладится—мужикъ разбогатѣетъ и за начальство будетъ Богу молиться.

Но видно, не всѣ солдаты этому вѣрятъ. Многіе уже прозрѣли и видятъ, гдѣ правда.

7 іюня. *Мих. Радловъ.*

О русскомъ солдатѣ.

Проснулся народъ! Сначала встали на борьбу за лучшую долю и свободу городскіе рабочіе, а теперь и изъ русскихъ деревень все чаще и чаще доносятся сознательныя требованія земли и воли. Произволъ чиновниковъ и губернаторовъ и насилія военныхъ властей, казни, ссылки, заключенія въ тюрьмы, безработица, голодъ—все это раскрыло глаза даже самымъ «сѣрымъ», самымъ темнымъ обывателямъ!

Вотъ уже второй мѣсяцъ засѣдаетъ Государственная Дума! Несмотря на никуда негодный избирательный законъ и всѣ преслѣдованія правительства во время выборовъ въ Думу все-же попало до 200 человѣкъ, которые не измѣняютъ дѣлу народа, которые громко заявили о народныхъ требованіяхъ. Что же правительство? Оно молчитъ, казнитъ, преслѣдуетъ, душитъ!..

На одной сторонѣ небольшая кучка чиновниковъ и капиталистовъ, а на другой—рабочіе, горожане и стомилліонное крестьянство! На кого-же надѣется русское правительство? На жандармовъ, полицію, стражниковъ и, главнымъ образомъ, на солдатъ и казаковъ! Вотъ гдѣ его сила! «У нихъ (т. е. у народа и Думы)—рѣчи, а у меня — пулеметы и пушки», сказалъ недавно извѣстный теперь всей Россіи генералъ Треповъ, имѣющій огромное вліяніе на нашихъ министровъ.

Итакъ, опять кровь, снова безпощадная война «съ внутреннимъ врагомъ»! Положеніе русскаго солдата поистинѣ ужасно! Въ своей казармѣ онъ запертъ, какъ въ тюрьмѣ; глухо, украдкой доходитъ до него голосъ народа; ему запрещаютъ читать хорошія, честныя газеты и книги, его оберегаютъ отъ всякихъ «постороннихъ» вліяній. Командиры и офицеры нагло разсказываютъ ему, что русскій народъ мутятъ будто-бы какіе-то «жиды, поляки и другіе измѣнники», что только эти послѣдніе и добиваются земли, правъ и свободы, а народу-де всего этого вовсе не нужно, ибо черезъ это «погибнетъ русское государство!» Правда, мало кто вѣритъ этой безстыдной лжи, всякій понимаетъ, зачѣмъ это внушается солдату. Нѣтъ, прошло уже то «доброе, старое время», когда такъ легко можно было дурачить «темнаго» русскаго человѣка! Давно сознали это и лучшіе изъ солдатъ. Не въ моготу имъ стало терпѣть свое безправіе, грубость, притѣсненія и издѣвательства начальства. Такъ, при помощи сознательныхъ городскихъ рабочихъ, начались возстанія и «забастовки» среди солдатъ и матросовъ. Кто не слыхалъ въ прошломъ году о военныхъ «бунтахъ» въ Севастополѣ, въ Кронштадтѣ, Кіевѣ, Москвѣ и Владивостокѣ? Вездѣ солдаты заявили требованія объ уменьшеніи срока службы, объ улучшеніи пищи и одежды, объ увеличеніи жалованья, о правѣ выбирать своихъ офицеровъ, о человѣческомъ обращеніи со стороны начальства, объ уничтоженіи денщиковъ, о свободныхъ отпускахъ изъ казармъ и свободномъ чтеніи всякихъ книгъ.

Испугались командиры! А ну, какъ въ самомъ дѣлѣ, недовольные

Конечно, такъ долго продолжаться не можетъ; солдаты чувствуютъ, что творится что то неладное и они ищутъ правды. Такъ, напримѣръ, въ Курскѣ «солдаты сами съ особымъ удовольствіемъ приглашаютъ и приводятъ къ себѣ постороннюю публику и устраиваютъ митинги, на которыхъ, кромѣ козловцевъ, присутствуютъ представители и другихъ воинскихъ частей».

Ищущихъ правду солдатъ, конечно, по головкѣ не гладятъ. Въ Петербургѣ, напримѣръ, какъ сообщали газеты съ 24 по 27 мая были произведены въ войсковыхъ частяхъ многочисленные аресты. Аресты конечно, не вытравятъ того тяжелаго раздумья, которое давитъ солдатъ и мучаетъ ихъ совѣсть. Солдаты волнуются въ Воронежѣ, Москвѣ, Полтавѣ, Костромѣ... и даже Царскомъ Селѣ.

Газеты, напримѣръ, сообщали, что «группа ростовскихъ артиллеристовъ—казаковъ, противящихся исполненію полицейскихъ обязанностей, переводится въ Новочеркасскъ».

Подробныхъ сообщеній много, и это несмотря на то, что солдатамъ воспрещаютъ читать газеты, принимать у себя въ казармахъ знакомыхъ, ходить на митинги, свободно переписываться съ родными. Солдатское начальство само берется «просвѣщать» солдатъ и, конечно, все представляетъ въ такомъ свѣтѣ, что наивный солдатъ можетъ и впрямь повѣрить, что мужикъ съ жиру бѣсится и всю смуту устроили десятокъ евреевъ, что если ихъ перестрѣлять, то все наладится—мужикъ разбогатѣетъ и за начальство будетъ Богу молиться.

Но видно, не всѣ солдаты этому вѣрятъ. Многіе уже прозрѣли и видятъ, гдѣ правда.

7 іюня. *Мих. Радловъ.*

О русскомъ солдатѣ.

Проснулся народъ! Сначала встали на борьбу за лучшую долю и свободу городскіе рабочіе, а теперь и изъ русскихъ деревень все чаще и чаще доносятся сознательныя требованія земли и воли. Произволъ чиновниковъ и губернаторовъ и насилія военныхъ властей, казни, ссылки, заключенія въ тюрьмы, безработица, голодъ—все это раскрыло глаза даже самымъ «сѣрымъ», самымъ темнымъ обывателямъ!

Вотъ уже второй мѣсяцъ засѣдаетъ Государственная Дума! Несмотря на никуда негодный избирательный законъ и всѣ преслѣдованія правительства во время выборовъ въ Думу все-же попало до 200 человѣкъ, которые не измѣняютъ дѣлу народа, которые громко заявили о народныхъ требованіяхъ. Что же правительство? Оно молчитъ, казнитъ, преслѣдуетъ, душитъ!..

На одной сторонѣ небольшая кучка чиновниковъ и капиталистовъ, а на другой—рабочіе, горожане и стомилліонное крестьянство! На кого-же надѣется русское правительство? На жандармовъ, полицію, стражниковъ и, главнымъ образомъ, на солдатъ и казаковъ! Вотъ гдѣ его сила! «У нихъ (т. е. у народа и Думы)—рѣчи, а у меня — пулеметы и пушки», сказалъ недавно извѣстный теперь всей Россіи генералъ Треповъ, имѣющій огромное вліяніе на нашихъ министровъ.

Итакъ, опять кровь, снова безпощадная война «съ внутреннимъ врагомъ»! Положеніе русскаго солдата поистинѣ ужасно! Въ своей казармѣ онъ запертъ, какъ въ тюрьмѣ; глухо, украдкой доходитъ до него голосъ народа; ему запрещаютъ читать хорошія, честныя газеты и книги, его оберегаютъ отъ всякихъ «постороннихъ» вліяній. Командиры и офицеры нагло разсказываютъ ему, что русскій народъ мутятъ будто-бы какіе-то «жиды, поляки и другіе измѣнники», что только эти послѣдніе и добиваются земли, правъ и свободы, а народу-де всего этого вовсе не нужно, ибо черезъ это «погибнетъ русское государство!» Правда, мало кто вѣритъ этой безстыдной лжи, всякій понимаетъ, зачѣмъ это внушается солдату. Нѣтъ, прошло уже то «доброе, старое время», когда такъ легко можно было дурачить «темнаго» русскаго человѣка! Давно сознали это и лучшіе изъ солдатъ. Не въ моготу имъ стало терпѣть свое безправіе, грубость, притѣсненія и издѣвательства начальства. Такъ, при помощи сознательныхъ городскихъ рабочихъ, начались возстанія и «забастовки» среди солдатъ и матросовъ. Кто не слыхалъ въ прошломъ году о военныхъ «бунтахъ» въ Севастополѣ, въ Кронштадтѣ, Кіевѣ, Москвѣ и Владивостокѣ? Вездѣ солдаты заявили требованія объ уменьшеніи срока службы, объ улучшеніи пищи и одежды, объ увеличеніи жалованья, о правѣ выбирать своихъ офицеровъ, о человѣческомъ обращеніи со стороны начальства, объ уничтоженіи денщиковъ, о свободныхъ отпускахъ изъ казармъ и свободномъ чтеніи всякихъ книгъ.

Испугались командиры! А ну, какъ въ самомъ дѣлѣ, недовольные

пасныхъ семеновцевъ. Рабочіе пожелали узнать, что они за люди, и когда семеновцы стали нагло хвалиться избіеніемъ московскихъ «бунтовщиковъ», возмущенные рабочіе настояли на ихъ удаленіи съ завода. И ушли «храбрые» семеновцы, ушли напутствуемые проклятіями и презрѣніемъ! Такъ и будетъ! Всѣхъ подобныхъ воякъ противъ народа встрѣтятъ проклятія въ ихъ семьяхъ, деревняхъ и городахъ! Имена ихъ попадутъ въ позорные списки, чтобы потомство знало измѣнниковъ и предателей народа.

«Кто—не съ народомъ, тотъ—противъ народа»!

Защиту страны нужно предоставить самому народу, нужно распустить постоянную армію, которая находится въ распоряженіи кучки богачей и министровъ и служитъ лишь оплотомъ ихъ противъ народа.

Поэтому давно уже всюду партіи, стоящія за народъ, требуютъ уничтоженія постоянной арміи и замѣны ея всеобщимъ вооруженіемъ народа, требуютъ учрежденія народнаго ополченія,—«милиціи», съ выборными начальниками. Такая милиція уже никогда не пойдетъ противъ народа и сумѣетъ постоять за него!..

8 іюня. *Андрей Г.*

Солдатъ и начальство.

«Въ садъ собакъ водить и солдатамъ входить строго воспрещается».

Таблички съ такими надписями были прибиты въ Кіевѣ у входовъ въ Маріинскій и Купеческій сады. Солдаты, проходя мимо, читали ихъ и толковали на всѣ лады. Такого рода запрещенія были и въ другихъ садахъ, но выражены нѣсколько иначе.

Кто распорядился выставить таблички въ воротахъ садовъ и кто редактировалъ надписи, мы, солдаты, точно не знали, хотя и говорили, что это сдѣлало высшее начальство города. Инструкція или «уставчикъ» для обученія молодыхъ солдатъ говоритъ, что обучающій долженъ внушить имъ высокое призваніе солдата—защищать вѣру, царя и отечество отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ.

«Солдатъ долженъ гордиться своимъ почетнымъ званіемъ. Умереть на службѣ—великое благо, даже счастье и пр.» Ну, какъ же можно

укрѣпить въ сознаніи солдата всѣ эти достоинства, когда онъ каждый день или читаетъ эти таблички, гдѣ его ставятъ на одну доску съ собаками, или сталкивается съ другими такими-же запрещеніями и законами?

Прослуживъ въ Кіевѣ (въ саперахъ), я переведенъ въ столицу и здѣсь встрѣчаю тѣ-же таблички, хотя болѣе вѣжливыя. И здѣсь запрещаютъ входъ въ Ботаническій, Лѣтній и Таврическій сады, былъ приказъ не посѣщать Соляного Городка (гдѣ помѣщается нѣсколько музеевъ и школъ, происходятъ нравственно-религіозныя бесѣды).

Вчера я съ двумя членами Государственной Думы направился къ Таврическому саду; у воротъ меня останавливаютъ городовой и сторожъ и говорятъ, что солдатамъ сюда ходить нельзя—запрещено. Я этого и ждалъ и потому не удивился, но мои почтенные товарищи стали разспрашивать, почему же нельзя и кто именно запрещаетъ.

Сторожъ, какъ бы сочувствуя мнѣ, отвѣтилъ, что самъ министръ императорскаго двора отдалъ этотъ приказъ. Такъ это вы, гг. министры, такъ чествите славную, по вашимъ словамъ на парадахъ, русскую армію, тѣхъ славныхъ борцовъ, которые защищали Портъ-Артуръ, сражались подъ Тюренченомъ, Вафангоу, на Шахе, при Цусимѣ? Въ каждомъ богослуженіи слышится моленіе о побѣдоносномъ и христолюбивомъ воинствѣ, на парадахъ, военныхъ и другихъ праздникахъ произносятся вами же громкіе тосты за русское войско (не однихъ же офицеровъ, да генераловъ?), а вы, гг. министры, издаете такіе нелѣпые приказы, которые насъ оскорбляютъ, какъ людей и какъ солдатъ. Но почему или для чего издаются такіе приказы? Я думаю, что гг. министрамъ, губернаторамъ, генераламъ и офицерамъ непріятно гулять со своими женами и дочерьми тамъ, гдѣ ходятъ и гуляютъ солдаты, которые вызываютъ почему-то отвращеніе у вашихъ благовоспитанныхъ женъ, да и вамъ самимъ часто противна эта «сѣрая скотина». Вы думаете, что унизите воинскую честь, если съ вами будетъ сидѣть въ одномъ вагонѣ солдатъ. Вы запрещаете входить въ Ботаническій садъ, полагая, что намъ тамъ удобно будетъ назначать свиданія, и что мы о ботаникѣ ничего и не слышали, значитъ, незачѣмъ и ходить. Въ Соляномъ городкѣ есть сельско-хоз. музей; вы полагаете, что и это не для насъ или не по нашимъ знаніямъ? Тамъ бываютъ публичныя чтенія на современныя темы, куда насъ не пускаютъ, но куда мы ходили (переодѣтыми), и всюду

ОПАСНАЯ ИГРА.

«Намъ армія еще вѣрна», сказала одна высокопоставленная особа, которой ея подчиненные указывали на опасности со стороны Государственной Думы.

«У нихъ рѣчи, а у насъ пулеметы», изрекла другая особа.

Этими словами «особы» произнесли себѣ смертный приговоръ. Правительство, которому больше не на что опереться, какъ на пулеметы, уже не правительство, а шайка разбойниковъ. Эта шайка можетъ пролить еще много крови, но въ концѣ концовъ народъ съ ней все же справится.

«Намъ армія еще вѣрна»...

Совершенно правильно, — но даже сама «особа», сказавшая эту фразу, сочла нужнымъ вставить въ нее маленькое, но знаменательное слово: «еще».

«Еще вѣрна»... Карательные отряды и казаки великолѣпно доказали эту вѣрность. И мы этой «вѣрности» ея имъ не забудемъ.

Но долговѣчна ли она? Не смѣняется ли она теперь колебаніями и сомнѣніями?.. Во время московскаго возстанія нѣкоторые полки были заперты начальствомъ въ казармахъ, такъ какъ «вѣрность» ихъ уже не внушала довѣрія.

Пришлось въ Москву вызвать молодцовъ—семеновцевъ.

Извѣстны и другіе случаи колебаній... Довольно много въ газетахъ писемъ солдатъ, въ которыхъ они выражаютъ сочувствіе освободительному движенію. Мы читали письмо солдатъ севастопольскаго гарнизона епископу Антонію. Про этихъ солдатъ уже нельзя сказать, что они «еще вѣрны...»

Извѣстны и еще болѣе знаменательные случаи.

Во вчерашнемъ № «Народнаго Вѣстника» помѣщено слѣдующее сообщеніе.

«11 апрѣля, по экстренному распоряженію начальства, должны были выступить изъ казармъ 5-я и 6-я роты новочеркасскаго полка въ александровскій и обуховскіе заводы. Предъ отправленіемъ командиры выступили съ рѣчью, обращенной къ солдатамъ. Штабсъ-капи-

танъ Николаевъ сказалъ, между прочимъ: «Наша родина теперь страшно страдаетъ отъ того, что нѣкоторые люди хотятъ ловить рыбу въ мутной водѣ. Доходитъ дѣло до того, что въ Казанскомъ соборѣ не снимаютъ шапокъ и курятъ предъ иконами папиросы. Поэтому такихъ людей жалѣть нечего, *стрѣлять безъ предупрежденія*, не вступать съ ними ни въ какіе разговоры и *дѣлать такъ, чтобы ихъ поменьше осталось*»... Солдаты передъ выходомъ на заводы собрались вмѣстѣ и, обсудивъ положеніе дѣлъ, вынесли, какъ въ 5-й, такъ и въ 6-й ротахъ, резолюціи приблизительно такого содержанія: «Выполняя приказаніе начальниковъ, волей—неволей приходится итти на заводы. Но при извѣстныхъ условіяхъ мы не только отказываемся примѣнять насиліе надъ рабочими, но и переходимъ на ихъ сторону». На другой день 5 и 6 роты были смѣнены 7-й и 8-й. Передъ своимъ выходомъ изъ казармъ и онѣ вынесли точно такія же резолюціи».

Это уже не «вѣрность».

Это говорятъ и дѣлаютъ солдаты, которыхъ ведутъ на улицу бороться съ предполагаемыми волненіями. Что скажутъ они, когда ихъ поведутъ «разгонять» народныхъ представителей, которые въ адресѣ царю заявили, что нужно ввести въ арміи справедливость?

Кто знаетъ, всѣ ли полки согласятся поднять штыки на своихъ защитниковъ?

Допустимъ даже, что армія «еще вѣрна» и солдаты разгонятъ Государственную Думу.

Такая побѣда только ухудшитъ положеніе «звѣздной палаты», такъ какъ къ страху, который она испытываетъ теперь передъ проснувшимся народомъ и его гнѣвомъ, присоединится еще страхъ передъ арміей, которая пойметъ, что она единственная опора этихъ звѣздоносцевъ.

А разъ армія пойметъ это, то не захочетъ быть только орудіемъ въ рукахъ Трепова и Побѣдоносцева, появятся и среди нея честолюбивые люди. И они вырвутъ власть изъ рукъ теперешнихъ временщиковъ; на нихъ возстанутъ другіе, на другихъ—третьи и начнется военная революція, которая въ другихъ странахъ получила названіе «пронунціаменто».

И польется солдатская кровь до тѣхъ поръ, пока они не поймутъ окончательно, что всѣ эти дерущіеся другъ съ другомъ звѣздоносцы

невѣсты, жены, всѣхъ близкихъ своихъ, земляковъ и товарищей. Укажите имъ, что звѣрямъ никогда не найдется мѣсто среди людей; что если они повторятъ то, что сдѣлали бѣлостокскіе безумцы, то потеряютъ родныхъ своихъ, кровь и самую родину...

И сдѣлайте это немедля, потому что Россія—въ смертельной, великой опасности!

10 іюня. *Александръ Аловъ.*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА ДОЛЖНА ПОЗАБОТИТЬСЯ О ВОЙСКѢ.

Много солдатъ еще не раздумывались надъ теперешнимъ положеніемъ родной страны. Но много и среди солдатъ головъ свѣтлыхъ, людей ясно мыслящихъ. И ихъ души находятся въ смятеніи.

Начальство всюду посылаетъ ихъ, дѣтей народа,—крестьянъ и рабочихъ,—противъ деревень и противъ рабочихъ, проливать кровь бѣдняковъ, отстаивать интересы богачей.

И офицеры-баре говорятъ солдатамъ, что они должны совершать братоубійство по долгу святой присяги. По долгу святой присяги они должны совершать братоубійство, въ интересахъ господъ быть палачами своей родины.

Народъ требуетъ *земли* и *воли*.

Высшее начальство воинское, дворяне и богачи, пользуясь солдатской присягой и дисциплиной солдатъ, штыками, пулеметами и пушками, заставляютъ народъ пребывать въ рабской зависимости и рабскомъ трудѣ для обогащенія дворянъ и капиталистовъ.

Государственная Дума борется за народъ.

Царь понялъ, что его слуги — придворные, министры, губернаторы—способны управлять народомъ, какъ волки управляютъ стадомъ.

Дума была созвана, чтобы завести новые порядки, чтобы позаботиться объ интересахъ народа.

Но волки скалятъ зубы.

За волками еще сила: въ ихъ распоряженіи ружья, сабли, пулеметы, пушки.

Тронъ окруженъ волками.

Но нужно не забывать, что ни ружья, ни пулеметы, ни пушки не стрѣляютъ сами.

Солдаты, разъ они перейдутъ на сторону Думы, созванной царемъ, сразу измѣнятъ положеніе дѣлъ въ странѣ.

Земля и воля подъ защитой Думы и солдатъ не будутъ болѣе словами, а станутъ дѣломъ.

Мы слышали, что многіе желали бы внести въ Думу новый законъ, который поможетъ дѣлу *земли и воли.*

Этотъ законъ прежде всего измѣнитъ присягу.

Солдаты и офицеры будутъ присягать такъ: служить—отечеству, царю и Государственной Думѣ (народному представительству).

Законъ облегчитъ службу солдатъ. Срокъ службы будетъ сокращенъ на годъ. Солдаты, покидая военную службу, будутъ получать пособія для того, чтобы легче перейти къ обычной жизни. Солдатамъ будетъ обѣщано во время службы приличное съ ними обхожденіе начальства и хорошія условія жизни. Каждая рота выбираетъ свободно довѣренныхъ, разбирающихъ жалобы и заявленія солдатъ и защищающихъ ихъ интересы. Солдатамъ изъ крестьянъ преподаются во время ихъ служебнаго срока земледѣліе, скотоводство, лѣсоводство, огородничество, садоводство и др. полезныя знанія, чтобы они по окончаніи службы могли служить деревнѣ.

Солдаты не изъ крестьянъ обучаются въ мастерскихъ полезнымъ ремесламъ и работамъ: выдѣлкѣ кирпичей, черепицы, искусству каменщика и т. д., полезнымъ для переустройства избъ, столь страдающихъ отъ пожаровъ.

Для *офицеровъ* будутъ основаны курсы по военнымъ, политическимъ, соціальнымъ и др. наукамъ. Офицеры получаютъ право носить въ свободное отъ службы время гражданскій костюмъ.

Военная форма, какъ солдатъ, такъ и офицеровъ упрощается и приближается къ обыкновенной одеждѣ.

Великое счастье будетъ для народа и для войска, если такой законъ будетъ внесенъ въ Думу.

Хорошо, если бъ и солдаты и офицеры посылали для членовъ Думы письма съ своими соображеніями по поводу этого закона.

Солдатскій доброжелатель.

ДВОРЯНЕ.

Крестьяне и ихъ «благодѣтели.»

Отъ 27 апрѣля, я слышу раздаются съ трибуны Государственной Думы слова милости и правды. Никто не говоритъ и, кажется, говорить не будетъ—будемъ дѣлать хуже чѣмъ раньше дѣлали; большіе господа, даже министры крокодиловы слезы проливаютъ о крестьянахъ.

Я вѣрю, что они крѣпко печалятся, но не о крестьянахъ, нѣтъ, а о себѣ, потому что если у этихъ великихъ защитниковъ государства не будетъ мужика подъ ихъ владычествомъ, то настоящая ихъ жизнь должна сама собою прекратиться, или нужно будетъ взяться за трудъ.

Хотя я и крестьянинъ, но понимаю, что и умственная работа есть трудъ, а эти благодѣтели и этого не хотятъ дѣлать. Я вполнѣ согласенъ съ товарищемъ Штефанюкомъ, сказавшимъ въ присутствіи народныхъ представителей въ Думѣ—«имъ и безъ дождя урожай», а выпусти они изъ рукъ мужика, дѣло плохо, потому что никакая ихъ наука не дастъ имъ той роскоши, которой они въ настоящее время пользуются.

Эти благодѣтели весьма часто повторяютъ, что крестьянамъ нужно, необходимо дать землю, но откуда взять землю они не знаютъ. Это говорятъ, не наше дѣло, только бы не у насъ; если же у насъ, то за деньги и за такія деньги, чтобъ отъ потери земли не пострадали наши барыши.

Вотъ и вся ихъ милость.

Я не знаю, гдѣ же денегъ то крестьяне возьмутъ? Вѣдь они живутъ по небесному, какъ Христосъ сказалъ: не «заботьтесь о завтрашнемъ днѣ». Каждый день нужно заботиться о кускѣ хлѣба, а всетаки часто и въ проголодь приходится ложиться спать.

Доброжелатели говорятъ крестьянамъ: покупайте землю. Что еслибъ эти господа голодали такъ, какъ тѣ, кому этотъ совѣтъ мудрый приходится выслушивать, что они купили бы впередъ, хлѣба или земли?

Вопли этихъ благодѣтелей мы слышимъ сорокъ лѣтъ, они сорокъ лѣтъ кричатъ: работай, и будетъ у тебя. Должно быть, ихъ предки такъ много работали, что потомки понастроили замковъ и цѣлыми княжествами владѣютъ. Они, вѣроятно, забыли справедливую русскую пословицу: «съ трудовъ праведныхъ не построишь палатъ каменныхъ».

Теперь скажу, какъ мы, крестьяне, сами смотримъ на земельный вопросъ, конечно, не всѣ, скажу про тѣхъ, кого знаю.

Не стану перечислять подробностей проекта «Трудовой группы» по земельному вопросу, а скажу, что я вполнѣ его раздѣляю.

Я не могу подписать той милости, которую даютъ наши благодѣтели землевладѣльцы. Они совѣтуютъ скорѣе, какъ-нибудь, миркомъ да ладкомъ, а въ будущемъ—покажетъ будущее. Затѣмъ они боятся, что мужики будутъ плакать по собственности также, какъ и они. А крестьяне говорятъ: пусть и нашу землю заберутъ, а потомъ раздѣлимъ, потому что и мы такіе же сыны отечества, а не пасынки, пусть получаетъ и баринъ то, что будемъ имѣть мы, вотъ и вся недолга. Было время, что небольшая часть жила въ свое удовольствіе за счетъ большинства, и когда нибудь должно же это прекратиться...

Затѣмъ наши благодѣтели боятся, что мы, мужики, передеремся за землю. Мы этому не вѣримъ; это можетъ случиться, если земельный вопросъ разрѣшать будемъ не мы сами, а чиновники. Тогда дѣло ясное почему. Бѣдный правъ по закону, а богатый говоритъ: что мнѣ законы, когда судьи знакомы. Вотъ и драка. Есть русская пословица: «съ сильнымъ биться, что съ богатымъ судиться—одно и то же».

Но если мы сами будемъ устраиваться, то драки не будетъ. Если что и произойдетъ, то нѣкоторое разногласіе, изъ-за немногихъ корыстолюбцевъ. Я и въ этомъ сомнѣваюсь, но допускаю, что это можетъ произойти.

Неужели же мы настолько дикари, что возьмемся за колья—разрѣшать недоразумѣніе? Вѣдь у насъ будетъ народный судъ, для котораго не будетъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, а всѣ равны.

Теперь правительство думаетъ успокоить и умиротворить народъ, объявивъ всю Россію, гдѣ на военномъ положеніи, гдѣ на усиленной и чрезвычайной охранѣ. Нѣтъ, господа, не плачьте о мужикѣ, ибо

вашему притворству никто не повѣритъ, а плачьте о себѣ; эту заповѣдь Христосъ сказалъ.

Напомню слова князя Волконскаго, который говоритъ, что разгромы имѣній произошли отъ агитаціи. Конечно, на князя Волконскаго агитація не подѣйствуетъ. Онъ, какъ истинный патріотъ своего отечества, не пойдетъ съ мѣшкомъ за рожью въ помѣщичьи амбары, онъ хорошо знаетъ, что ему сами принесутъ. Приходитъ мужикъ нанимать землю, даетъ 25 руб. за десятину; князь не беретъ, проситъ 30. Мужикъ говоритъ: нѣтъ у меня тридцати рублей; а князь говоритъ: «не бери земли, если денегъ нѣтъ».

Мужикъ говоритъ: дорого; а князь говоритъ: «такія цѣны». Вотъ каковъ патріотизмъ князя Волконскаго и другихъ большихъ господъ.

Послѣ этого, какъ же не привиться агитаціи среди крестьянъ? А такъ какъ голодному острогъ не страшенъ, то такъ и дѣйствуютъ: или сѣна клокъ, или вилы въ бокъ.

28 мая. Членъ Государственной Думы *И. Е. Соломко.*

Дворянскій съѣздъ.

Крупное дворянство не можетъ успокоиться...

Дворяне, испуганные требованіемъ Трудовой группы: «вся земля— всему трудовому народу», вылѣзли на свѣтъ Божій. Вылѣзли и попали на всероссійскій дворянскій съѣздъ...

Предсѣдательствуетъ на съѣздѣ графъ Бобринскій.

Тотъ самый Бобринскій, который лѣтомъ 1905 года во главѣ своей сотни ѣздилъ къ царю и требовалъ продолженія войны. Графъ тогда былъ воинствененъ и предлагалъ себя въ гарнизонную службу. Въ гарнизонъ онъ не попалъ, но за то на съѣздѣ его предсѣдателемъ выбрали.

Дворянство встревожено...

Дворяне чувствуютъ, какъ изъ подъ нихъ ногъ уползаетъ «землица», и придумываютъ, какъ бы удержать землицу въ своихъ цѣпкихъ лапахъ. «Добрые» дворяне льютъ крокодиловы слезы: «нужно итти навстрѣчу крестьянству въ избавленіи его отъ земельной нужды»... «нужно позаботиться о дарственникахъ, получившихъ землю въ даръ

отъ помѣщиковъ, ихъ положеніе очень тягостное... мы должны загладить свои прежніе грѣхи... нужно возстановить прежнее довѣріе къ себѣ народа, врагомъ котораго мы—дворяне—никогда не были!»... Такъ говорятъ «добрые» дворяне.

Но есть на съѣздѣ и «злые» дворяне. Тѣ тверды и непоколебимы. Они даже отказываются подписать адресъ царю—слишкомъ въ немъ мало говорится о борьбѣ съ революціей, съ крамольниками. Имъ кажется, что слишкомъ еще мало пролито крови трудового народа. Имъ кажется, что слишкомъ мало изнасиловано женщинъ, разстрѣляно дѣтей и стариковъ, слишкомъ мало сожжено деревень. Они простираютъ свои окровавленныя руки и кричатъ: «еще крови, еще крови... наведемъ на крестьянъ страхъ—земля останется за нами»...

«Зачѣмъ же избивать народъ?—возражаютъ «добрые» дворяне.— Лучше переселимъ его въ Сибирь... тогда землица будетъ за нами... А мужикамъ и въ Сибири хорошо... И въ Россіи станетъ лучше. Мы, дворяне, научимъ мужичье, какъ правильно вести хозяйство, мы обучимъ его всѣмъ наукамъ, мы воспитаемъ его...»

Довольно, господа дворяне!

Ваша пѣсня спѣта... Не мѣшайте русскому трудовому народу расправить свою могучую спину и начать жить своимъ умомъ. Вы всегда были врагами народа.

Развѣ не вы въ Курскѣ въ 1902 году предлагали возобновить крѣпостное право?

Развѣ не для васъ были созданы земскіе начальники—эти крестьянскіе палачи?

Развѣ не харьковскіе дворяне въ 1902 году наживались на разоренныхъ, перепоротыхъ, умирающихъ съ голоду крестьянахъ? Мы еще не забыли, какіе счеты представляли они о понесенныхъ убыткахъ.

Развѣ не тотъ самый дворянинъ Павловъ, который теперь печется о крестьянахъ, доказывалъ своимъ читателямъ, что крестьяне любятъ розгу?

Развѣ не курскій графъ Доррeръ еще лѣтомъ требовалъ продолженія манчжурской бойни, бойни, начатой дворянами Безобразовымъ, Александровскимъ и др., бойни, которую вынесъ на своихъ плечахъ русскій народъ?

Вся исторія русскаго дворянства—это исторія гнета, насилія, истязанія—исторія надругательства надъ крестьяниномъ. И теперь,

когда поднялась трудовая Россія, мы съ полнымъ правомъ можемъ сказать «благородному» дворянству: «Оставьте ваши лицемѣрныя заботы о народномъ благѣ, прошло время вашего царства; народъ самъ поведетъ свое дѣло. И первая тяжба его будетъ съ вами. И эту тяжбу онъ выиграетъ».

„Трудовое“ дворянство и трудовой народъ.

Сегодня въ газетахъ помѣщенъ «всеподданнѣйшій адресъ всероссійскаго дворянскаго съѣзда», представленный съѣздомъ царю.

Въ этомъ адресѣ дворяне называютъ себя «*трудовымъ*» земельнымъ дворянствомъ» и обѣщаютъ царю не покидать своихъ помѣстій, а вести въ деревнѣ «борьбу съ революціей».

Эту революцію создали, по мнѣнію гг. дворянъ-«трудовиковъ»,— враги русскаго государства, которые, «возбуждая въ народѣ низменные инстинкты, пытаются завоевать довѣріе крестьянъ обѣщаніями передать землю въ распоряженіе трудового народа.

«Трудовики—дворяне» заявляютъ царю, что принудительное отчужденіе частновладѣльческой земли поколеблетъ право собственности, которое, по мнѣнію гг. дворянъ, «соотвѣтствуетъ кореннымъ воззрѣніямъ и желаніямъ русскаго народа» и «развиваетъ охоту къ труду».

Отчужденіе земли въ пользованіе трудящагося народа, утверждаютъ эти новоявленные защитники крестьянства, отдаетъ весь народъ «въ рабство всемогущей силы международнаго капитала», понизитъ производительность хлѣбовъ въ Россіи и потребуетъ для выкупа этихъ частновладѣльческихъ земель государствомъ «выпуска на нѣсколько милліардовъ ипотечныхъ бумагъ, что повлечетъ за собой обезцѣненіе всѣхъ старыхъ бумагъ»...

Вотъ какія «бѣды» повлечетъ за собой надѣленіе трудящихся безземельныхъ и малоземельныхъ землею. Вотъ что называютъ г-да дворяне «революціей», вотъ для чего совѣтуютъ они и царю не допускать «попустительства преступленій», т. е. усилить «работу» карательныхъ отрядовъ въ деревняхъ и въ городахъ.

Мы можемъ только сказать спасибо дворянскому съѣзду, съ такой ясностью раскрывшему намъ свои карты.

А то до сихъ поръ эти карты были нѣсколько спутаны и многіе изъ дворянъ говорили и о самопожертвованіи и о своей готовности принести на алтарь отечества даже часть своихъ земель.

Теперь они ясно заявляютъ, что земель своихъ народу они не отдадутъ даже и за хорошій выкупъ и будутъ отстаивать свои помѣстья до послѣдняго... конечно, если поможетъ г. Треповъ и вышлетъ имъ для этого нѣсколько сотъ пулеметовъ и нѣсколько полковъ казаковъ.

Народъ это запомнитъ.

Но зачѣмъ гг. дворянамъ столь великолѣпную по своей ясности мысль понадобилось разукрасить разными красками, вымыслами и даже прямой сознательной ложью?!

Во-первыхъ, зачѣмъ нужно было это шутовское переряживаніе, это прибавленіе къ существительному дворянство — прилагательнаго «трудовое»?

Дворянство, какъ классъ, всегда было гордо своимъ ничего недѣланіемъ, своими бѣлыми холеными руками и своею неспособностью къ какому-либо труду.

Дворяне—«трудовики»! Да, вѣдь это же нелѣпость!

Мы знаемъ, какъ трудились дворяне при крѣпостномъ правѣ, мучая крестьянъ и работами и тѣлесными наказаніями, насилуя крѣпостныхъ дѣвушекъ, запарывая на конюшнѣ за плохо вычищенные сапоги, за не такъ сказанное слово.

Мы знаемъ, какъ трудились дворяне послѣ крѣпостного права, когда они прокучивали за границей выкупные платежи, а ихъ управляющіе или ихъ родственники хозяйничали на обрѣзныхъ земляхъ, арендой или штрафами выжимая у «свободнаго» мужика всѣ его соки, всю его кровь.

Мы знаемъ, какъ дворяне работали въ деревнѣ земскими начальниками, становыми, губернаторами и генералъ-губернаторами и насаждали въ мужикахъ «постепенное просвѣтленіе затуманеннаго и обольщеннаго сознанія»—при помощи розогъ, разстрѣловъ и выжиганія деревень.

«Трудовое дворянство»!

Нѣтъ! лѣнивое, бездарное, ничтожное, жестокое и трусливое,— все, что хотите,—но только не трудовое.

Это слово—такая насмѣшка надъ вами—г-да дворяне, что выдумать его могъ только вашъ злой генiй. Вы не хотите, чтобы ваши помѣстья были отчуждены для пользованiя трудящихся. Мы и не ждали отъ васъ другого рѣшенiя,—но зачѣмъ же покрывать эту правду ложью, утверждая, что такого отчужденiя не желаютъ и крестьяне, что оно противорѣчитъ ихъ «мiровоззрѣнiю», что они держатся за частную собственность на землю? Это русскiе то крестьяне, все «мiровоззрѣнiе» которыхъ зиждется на положенiи: «Земля Божья».

Эту ложь «трудовымъ дворянамъ» пришлось прикрыть еще новой выдумкой... еще болѣе скверной—и утверждать въ адресѣ царю, что крестьянъ смущаютъ и подбиваютъ требовать «земли и воли»— «враги русской государственности».

Это члены Государственной Думы—враги государства?

Г-да дворяне, отдаете-ли вы отчетъ въ своихъ собственныхъ словахъ, знаете ли вы, что совершаете этими словами государственное преступленiе?

Вы, вы, въ лицѣ вашего правительства, заключившiе послѣ преступной войны и послѣ позорнаго мира еще болѣе позорный и еще болѣе преступный заемъ для борьбы съ народомъ, вы осмѣливаетесь утверждать, что принудительное отчужденiе земель, въ томъ числѣ и вашихъ помѣстiй, разоритъ государство, такъ какъ вы потребуете нѣсколько миллiоновъ выкупа?!

Не безпокойтесь, «г-да начальники», о государствѣ. То государство, которое въ состоянiи будетъ произвести земельную реформу и отчудить ваши земли—миллiардовъ вамъ не заплатитъ,—а дастъ изъ жалости малую толику, чтобы вы, какъ «трудовые» дворяне, неспособные ни къ какому труду, могли просуществовать, не прося милостыни на улицахъ.

То правительство, которое будетъ избрано народными представителями и встанетъ на защиту интересовъ народа, не только не заплатитъ вамъ этихъ миллiардовъ, но не заплатитъ и тѣхъ миллiардовъ, которые дала «Звѣздной палатѣ» — Трепову, Побѣдоносцеву, Витте и Дурново — западно-европейская буржуазiя — для борьбы съ русскимъ народомъ. Эта буржуазiя забыла, что въ Россiи, кромѣ

преступнаго правительства, есть еще народъ, борющійся за свою свободу. И близокъ часъ, когда онъ ея добьется.

Этотъ народъ не признаетъ долговъ, сдѣланныхъ для его порабощенія—и близокъ часъ, когда народные представители заявятъ объ этомъ передъ лицомъ всего міра.

Господа дворяне, вашъ злой геній руководилъ вами, когда вы писали этотъ злополучный для васъ адресъ.

Мы такъ же, какъ и вы, вѣримъ, что «недолго торжествовать на нашей родинѣ злобѣ, насиліямъ и обману», такъ какъ вѣримъ, что не долго вамъ править нами и пить народные соки, что скоро «воля и земля» будутъ въ рукахъ народа.

Вамъ же, «трудовымъ» дворянамъ, мы предоставимъ полную возможность осуществлять ваши трудовыя способности. Но такъ какъ мы-то на эти ваши способности не надѣемся,—то придется построить для васъ скромныя богадѣльни, гдѣ вы и скоротаете вашу никому ненужную, но, къ общему счастью, тогда уже не опасную для народа, жизнь.

На дворянскомъ адресѣ *царь* сдѣлалъ слѣдующую надпись:

„Цѣню готовность земельнаго трудового дворянства служить и впредь нуждамъ и пользѣ дорогой родины“.

Въ добрый часъ!

Трудовая группа

Приложеніе къ № 3 газеты «Извѣстія Крестьянскихъ Депутатовъ».

Проектъ программы

парламентской Трудовой группы.

Русское освободительное движеніе вызвано многовѣковымъ политическимъ и экономическимъ гнетомъ. Оно выдвинуло впередъ на сцену исторіи трудящіеся классы народа: крестьянство, фабрично-заводскихъ рабочихъ, а также интеллигентныхъ тружениковъ.

Эти трудящіеся классы больше всѣхъ страдаютъ отъ безправія, насилія, нищеты и гнета.

Они сильнѣе чѣмъ кто либо чувствуютъ всю пагубность того стараго государственнаго строя Россіи, который подъ властью чиновниковъ довелъ страну до нищеты и позора.

Эти трудящіеся классы народа составляютъ главную силу освободительнаго движенія.

Они выносятъ его на своихъ плечахъ.

Для того, чтобы завоевать и укрѣпить экономическое благополучіе и свободную жизнь для народа и облегчить дальнѣйшее культурное развитіе страны, трудящіеся классы ведутъ борьбу за народовластіе.

Члены Государственной Думы, избранные именно этими широкими трудовыми слоями населенія, объединяются въ *парламентскую трудовую группу*.

Прежде чѣмъ приступить къ возможной въ настоящей Думѣ работѣ, парламентская трудовая группа признаетъ своимъ священнымъ долгомъ осуществить требованіе справедливости по отношенію къ борцамъ за свободу.

Немедленно освободить и возстановить въ политическихъ и гражданскихъ правахъ всѣхъ лицъ, заключенныхъ въ тюрьмахъ, сослан-

ныхъ въ ссылку и каторгу, а также подвергнутыхъ притѣсненіямъ другого рода—обвиненныхъ въ политическихъ, религіозныхъ и аграрныхъ (земельныхъ) преступленіяхъ, а также страдающихъ за забастовки, за нарушеніе правилъ о печати, воинскихъ правилъ, за сопротивленіе властямъ. Всѣ судебныя и административныя дѣла, возбуждаемыя по преступленіямъ подобнаго рода, должны быть прекращены. Амнистированные должны быть возвращены на казенный счетъ въ указанныя ими мѣста.

Парламентская трудовая группа ставитъ своею цѣлью положить начало рѣшенію земельнаго вопроса. Для этого она находитъ необходимымъ немедленное изданіе закона, по которому земли: казенныя, удѣльныя, кабинетскія, монастырскія, церковныя, помѣщичьи и всѣ прочія, служащія предметомъ эксплоатаціи и закабаленія трудящихся, отчуждаются принудительно въ народный земельный фондъ для надѣленія безземельныхъ и малоземельныхъ, желающихъ личнымъ трудомъ обрабатывать землю.

Подробную разработку земельнаго вопроса и всю подготовку къ его практическому проведенію въ жизни согласно этому закону передать на мѣста.

Народъ, путемъ всеобщаго, прямого равнаго и тайнаго голосованія, изберетъ волостные, уѣздные и губернскіе комитеты, которые должны быть свободны отъ всякой зависимости со стороны администраціи.

Комитеты эти приготовятъ для окончательнаго рѣшенія всѣ матеріалы и укажутъ желательныя условія, способы и средства, на основаніи коихъ земельный вопросъ долженъ окончательно разрѣшиться Думой.

Въ виду того, что дѣятельность Дворянскаго и Крестьянскаго поземельныхъ банковъ является глубоко ненормальной, способствующей, съ одной стороны, искусственному повышенію цѣнъ на землю, съ другой стороны—непомѣрному росту долговъ, лежащихъ на землѣ, группа признаетъ необходимымъ немедленную пріостановку дѣятельности этихъ учрежденій по выдачѣ ссудъ и по заключенію новыхъ земельныхъ сдѣлокъ.

Впредь до окончательнаго установленія новыхъ формъ землепользованія группа считаетъ необходимымъ регулированіе всѣхъ арендныхъ

сдѣлокъ возложить на тѣ же земельные комитеты, которые поэтому должны быть установлены немедленно.

Парламентская Трудовая группа признаетъ, что спокойная планомѣрная и органическая законодательная работа въ русскомъ парламентѣ—Государственной Думѣ—возможна лишь при полной гражданской свободѣ, при отсутствіи всякихъ исключительныхъ мѣръ, чрезвычайныхъ и усиленныхъ охранъ и военныхъ положеній, при полномъ развитіи конституціонныхъ началъ и въ парламентѣ, избранномъ на основѣ всеобщаго, равнаго для всѣхъ избирательнаго права съ прямой и тайной подачей голосовъ безъ различія вѣры, пола и національностей, и когда надъ Государственной Думой не будетъ стоять никакихъ надстроекъ и преградъ вродѣ Государственнаго Совѣта, палаты господъ, второй палаты и пр.

Учитывая данный историческій моментъ, парламентская Трудовая группа признаетъ теперешнюю Государственную Думу, несмотря на всю уродливость условій, при которыхъ она собрана, единственнымъ авторитетнымъ учрежденіемъ въ Россіи, имѣющимъ право на немедленное проведеніе въ жизнь тѣхъ неотложныхъ реформъ, которыя могутъ создать условія для правильнаго обнаруженія воли народа и безъ которыхъ странѣ грозитъ полное разложеніе и междуусобная война.

Поэтому парламентская Трудовая группа ставитъ своей задачей провести слѣдующія реформы:

1) Немедленной отмѣны смертной казни и пріостановленія исполненія всѣхъ состоявшихся смертныхъ приговоровъ.

2) Немедленной отмѣны военнаго положенія, чрезвычайныхъ и усиленныхъ охранъ во всѣхъ мѣстахъ Россіи.

Также отмѣны всѣхъ исключительныхъ законовъ и исключительныхъ судовъ, созданныхъ для такъ называемыхъ политическихъ преступленій.

Упраздненіе института полицейскихъ стражниковъ.

3) Немедленной отмѣны законовъ и правилъ, направленныхъ противъ профессіональныхъ рабочихъ и другихъ организацій и стачекъ.

4) Отмѣны сословій и всѣхъ ограничительныхъ законовъ и правилъ, существующихъ для отдѣльныхъ народностей, исповѣданій и языковъ.

Въ общегосударственныхъ дѣлахъ государственнымъ языкомъ признается русскій, а въ мѣстныхъ національныхъ учрежденіяхъ сохраняется національный языкъ.

5) Немедленное проведеніе законовъ, обезпечивающихъ неприкосновенность личности, жилища и переписки, свободу слова, печати, собраній, союзовъ и вѣроисповѣданій, свободу стачекъ и передвиженій, право петицій отдѣльнымъ лицамъ, свободу манифестацій.

6) Сформированіе отвѣтственнаго министерства изъ членовъ Государственной Думы, принадлежащихъ къ парламентскому большинству.

Право запроса у министровъ каждому члену Думы.

7) Упраздненія Государственнаго Совѣта и отмѣны всѣхъ законовъ, ограничивающихъ права народнаго представительства.

8) Права каждому гражданину привлекать къ суду административныхъ властей по общей подсудности, права взыскивать убытки, причиненные незаконными дѣйствіями ихъ.

Трудовая группа признаетъ настоятельную необходимость скорѣйшаго разрѣшенія рабочаго вопроса на началахъ, уже достаточно опредѣленно высказанныхъ рабочимъ классомъ и формулированныхъ входящей въ ея составъ группой депутатовъ отъ рабочихъ въ ниже слѣдующихъ пунктахъ:

1) Максимальный восьмичасовой рабочій день во всѣхъ отрасляхъ наемнаго труда безъ уменьшенія заработной платы и установленіе обязательнаго 42 часоваго непрерывнаго отдыха еженедѣльно.

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ труда, вредно вліяющихъ на здоровье, максимумъ рабочаго дня долженъ быть пониженъ.

2) Минимальная заработная плата во всѣхъ отрасляхъ наемнаго труда устанавливается сообразно мѣстнымъ условіямъ смѣшанными комиссіями изъ представителей отъ рабочихъ мѣстнаго самоуправленія.

3) Охрана женскаго и дѣтскаго труда.

4) Полное запрещеніе сверхурочныхъ работъ.

5) Запрещеніе ночного труда за исключеніемъ тѣхъ производствъ, гдѣ это по техническимъ условіямъ окажется невозможнымъ.

6) Государственное страхованіе рабочихъ за счетъ предпринимателей.

7) Уголовная отвѣтственность нанимателей за нарушеніе законовъ объ охранѣ труда.

8) Широкая реформа фабричной инспекціи, распространеніе ея на всѣ отрасли наемнаго труда съ установленіемъ обязательнаго контроля со стороны мѣстныхъ рабочихъ организацій.

9) Обязательная безплатная медицинская помощь рабочимъ и ихъ семьямъ и широкій надзоръ за гигіеническими условіями жизни рабочихъ со стороны мѣстнаго самоуправленія.

10) Учрежденіе примирительныхъ камеръ для разбора недоразумѣній между рабочими и предпринимателями съ равнымъ числомъ представителей отъ рабочихъ и предпринимателей.

11) Обязательное внѣшкольное образованіе народныхъ массъ и устройство библіотекъ и читаленъ при фабрикахъ и заводахъ.

12) Уничтоженіе штрафовъ, вычетовъ и обысковъ.

Трудовая группа полагаетъ, что разрѣшеніе этихъ вопросовъ, какъ и земельнаго, можетъ быть осуществлено лишь при содѣйствіи мѣстныхъ организацій, избранныхъ всеобщей подачей голосовъ отъ всѣхъ отраслей наемнаго труда, — Совѣтовъ Рабочихъ Депутатовъ, которые должны взять на себя подробную разработку рабочаго вопроса. Эти Совѣты Рабочихъ Депутатовъ приготовятъ къ окончательному разрѣшенію всѣ матеріалы, укажутъ желательныя условія, способы и средства, на основаніи коихъ рабочій долженъ быть проведенъ въ жизнь.

Затѣмъ парламентская группа считаетъ также неотложной задачей реформу земскихъ и городскихъ учрежденій.

Мѣстныя общественныя учрежденія со включеніемъ въ число ихъ мелкой земской единицы должны быть реформированы на основахъ всеобщаго, прямого, равнаго для всѣхъ и тайнаго избирательнаго права безъ различія пола, вѣры и національности.

Заключительнымъ шагомъ дѣятельности настоящей Государственной Думы группа полагаетъ проведеніе въ жизнь всеобщаго избирательнаго права для выбора депутатовъ новой Государственной Думы.

Всеобщее избирательное право должно быть прямымъ, равнымъ для всѣхъ гражданъ безъ различія пола, вѣры и національности; подача голосовъ—тайная.

Проектъ основныхъ положенiй для аграрной реформы, выработанный аграрной комиссiей Трудовой группы.

1) Аграрный законъ долженъ стремиться къ тому, чтобы установить такiе земельные порядки, при которыхъ всѣ служащiя для сельскаго хозяйства земли находились бы въ непосредственномъ пользованiи тѣхъ, кто ихъ своимъ трудомъ обрабатываетъ, а всѣ прочiя земли, съ ихъ нѣдрами и водами, находились бы въ общественномъ завѣдыванiи.

2) Съ этой цѣлью долженъ быть образованъ общенародный земельный фондъ, въ который должны войти всѣ казенныя, удѣльныя, кабинетскiя, монастырскiя и церковныя земли; въ тотъ же фондъ должны быть отчуждены помѣщичьи и прочiя частновладѣльческiя земли, поскольку размѣры отдѣльныхъ владѣнiй превышаютъ установленную для данной мѣстности трудовую норму.

3) Надѣльныя земли и тѣ изъ частновладѣльческихъ, которыя не превышаютъ трудовой нормы, остаются за теперешними ихъ владѣльцами, но онѣ не могутъ быть переуступаемы другимъ лицамъ путемъ продажи, даренiя, завѣщанiя, залога или долгосрочной аренды. Владѣльцы могутъ передавать ихъ только въ общенародный фондъ на условiяхъ, какiя будутъ указаны въ законѣ. Наслѣдованiе по закону или обычному праву, должно быть для этихъ земель также ограничено, чтобы предотвратить скопленiе земли въ однѣхъ рукахъ.

4) Вознагражденiе за принудительно отчуждаемыя и добровольно уступаемыя въ общенародный фондъ земли частнаго владѣнiя должно производиться за счетъ государства. Размѣры этого вознагражденiя и условiя его уплаты могутъ быть опредѣлены не прежде, чѣмъ этотъ вопросъ и вся аграрная реформа будутъ обсуждены народомъ (см. п. 17).

5) Продажныя, залоговыя и дарственныя сдѣлки на земли (кромѣ поименованныхъ въ пунктѣ 7) должны быть немедленно прiостановлены.

6) Земныя нѣдра и воды, если таковыя не эксплоатируются въ настоящее время ихъ владѣльцами, должны быть объявлены обще-

народною собственностію. Порядокъ отдачи ихъ въ эксплоатацію общественнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ долженъ быть опредѣленъ особымъ закономъ.

7) Порядокъ перехода въ общенародную собственность тѣхъ земельныхъ нѣдръ и водъ частнаго владѣнія, которыя уже находятся въ эксплоатаціи, а также земель, находящихся подъ промышленными заведеніями и городскими поселеніями долженъ быть опредѣленъ особымъ закономъ. До перехода же этихъ имуществъ въ общенародную собственность права ихъ владѣльцевъ на приростъ цѣнности, по скольку онъ зависитъ не отъ труда и капитала, а отъ общественныхъ условій, должны быть ограничены.

8) Изъ общенароднаго фонда выдѣляются прежде всего земли, необходимыя для государственныхъ и общественныхъ надобностей, каковыя и поступаютъ въ вѣдѣніе надлежащихъ общественныхъ и государственныхъ учрежденій.

9) Остальная земля, поскольку таковая можетъ служить для сельскаго хозяйства, отдается въ пользованіе всѣмъ желающимъ обрабатывать ее своимъ трудомъ, причемъ мѣстному населенію отдается преимущество передъ пришлымъ и земледѣльческому передъ неземледѣльческимъ. Во всякомъ случаѣ, каждый трудящійся имѣемъ право на усадебную осѣдлость въ той мѣстности, въ которой онъ живетъ и право на надѣлъ въ той мѣстности, гдѣ имѣется свободная земля.

10) Надѣленіе землею изъ общенароднаго фонда производится въ предѣлахъ трудовой нормы, причемъ, если за надѣленіемъ окажется избытокъ, то таковой остается въ вѣдѣніи государства и мѣстныхъ общественныхъ учрежденій въ качествѣ запаса для общественныхъ надобностей или на случай прироста мѣстнаго населенія, а также для надѣленія переселенцевъ изъ другихъ мѣстностей.

11) Если земли для надѣленія всего земледѣльческаго населенія данной мѣстности не хватитъ, то всѣ, имѣющіе менѣе продовольственной нормы, получаютъ право на переселеніе за счетъ государства въ тѣ мѣстности имперіи, гдѣ въ землѣ имѣется избытокъ.

12) Въ случаѣ измѣненія хозяйственныхъ условій мѣстности установленная для нея трудовая норма можетъ быть пересмотрѣна и измѣнена, послѣ чего оказавшіеся у отдѣльныхъ домохозяевъ излишки подлежатъ отчужденію. Равнымъ образомъ при измѣнившихся условіяхъ подлежитъ пересмотру и продовольственная норма, въ зависи-

мости отъ которой будетъ находиться право на переселеніе за счетъ государства.

13) Полученная изъ народнаго фонда земля, въ случаѣ прекращенія хозяйства, а также при желаніи уменьшить его размѣры, подлежитъ возвращенію въ фондъ, причемъ за всѣ произведенныя на ней и неиспользованныя улучшенія выплачивается вознагражденіе за счетъ государства. Переуступка общенародной земли частнымъ путемъ вовсе не должна быть допускаема.

14) Поступившія въ надѣлъ изъ общенароднаго фонда земли подлежатъ особому земельному налогу, который долженъ устанавливаться въ соотвѣтствіи съ ихъ качествомъ и мѣстонахожденіемъ, и при равныхъ условіяхъ долженъ быть тѣмъ выше, чѣмъ больше размѣры надѣла.

15) Лицамъ, получившимъ землю изъ общенароднаго фонда и не имѣющимъ достаточныхъ средствъ для обзаведенія всѣмъ необходимымъ для хозяйства, должна быть оказываема помощь за счетъ государства въ формѣ ссудъ и пособій.

16) Для приготовительныхъ дѣйствій къ земельной реформѣ и для упорядоченія экономическихъ отношеній въ теченіе переходнаго времени должны быть учреждены мѣстные комитеты: губернскіе, уѣздные и волостные (или другіе соотвѣтствующіе имъ по мѣстнымъ условіямъ). Комитеты должны быть избраны посредствомъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія.

17) На комитеты должно быть возложено:

а) организовать свободное и широкое, при участіи всего населенія, обсужденіе общихъ основаній и всѣхъ подробностей аграрной реформы;

б) привести въ извѣстность количество и распредѣленіе земли, а также численность и составъ нуждающагося въ землѣ населенія; проектировать соотвѣтствующія мѣстнымъ условіямъ трудовыя и продовольственныя нормы и выработать примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, планъ проведенія реформы;

в) устанавливать, впредь до осуществленія реформы, арендныя цѣны, заработную плату, продолжительность рабочаго дня и другія отношенія между землевладѣльцами и трудящимися, въ случаѣ споровъ и недоразумѣній между ними.

18) Организація мѣстныхъ комитетовъ и планъ ихъ дѣйствій должны быть опредѣлены закономъ.

19) Окончательно выработать и утвердить аграрный законъ должна полноправная Дума, избранная посредствомъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія.

20) Выборы въ Думу и мѣстные комитеты, а также обсужденіе аграрной реформы на мѣстахъ должны происходить при непремѣнномъ условіи полной свободы и личной неприкосновенности.

Проектъ

Устава Трудовой Группы.

1) Членами парламентской Трудовой группы состоятъ депутаты Государственной Думы, подписавшіе программу и уставъ группы.

Примѣчаніе. Программа группы и списокъ членовъ должны быть опубликованы во всеобщее свѣдѣніе.

2) Дѣятельность группы опредѣляется общимъ собраніемъ членовъ группы.

3) Выбывшій почему-либо изъ группы, вновь въ члены ея принимается съ согласія общаго собранія.

4) Исполнительнымъ органомъ ея является комитетъ изъ 8 лицъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ закрытою баллотировкою на время, опредѣляемое общимъ собраніемъ.

5) Члены группы, нарушившіе программу или уставъ группы, могутъ быть исключены по постановленію общаго собранія.

6) Общее собраніе созывается комитетомъ по собственной иниціативѣ или по заявленію 18 членовъ группы.

7) Собраніе считается состоявшимся, если на немъ присутствуетъ не менѣе $^{1}/_{2}$ общаго числа членовъ группы.

Примѣчаніе. По усмотрѣнію комитета на засѣданіе общаго собранія приглашаются свѣдующія лица съ правомъ совѣщательнаго голоса.

8) Если въ назначенный день собраніе не состоится за неприбытіемъ необходимаго числа членовъ, то слѣдующее засѣданіе, назна-

ченное на слѣдующій разъ, считается состоявшимся при наличномъ составѣ явившихся.

9) Рѣшенія общаго собранія постановляются простымъ большинствомъ присутствующихъ членовъ и считаются обязательными для всѣхъ членовъ группы.

10) По спеціальнымъ вопросамъ группа составляетъ особыя комиссіи, въ составъ которыхъ приглашаются съ правомъ совѣщательнаго голоса свѣдующія лица.

11) На наемъ помѣщенія для клуба группы, канцелярскіе и другіе расходы, члены группы по опредѣленію общаго собранія дѣлаютъ еженедѣльные взносы.

Какъ сложилась Трудовая группа.

Со второй половины апрѣля стали съѣзжаться въ Петербургъ члены Государственной Думы. Самое открытіе Государственной Думы назначено было на 27, но пріѣхать депутатамъ нужно было раньше, чтобы узнать другъ друга и напередъ соединиться въ одну группу тѣмъ, кто хотѣлъ бы сообща отстаивать одинаковые интересы; особенно нужно было объединиться между собой крестьянскимъ депутатамъ: съѣхались они изъ разныхъ концовъ Россіи, никогда еще не видѣли другъ друга, не говорили между собой, но пріѣхали они съ великой нуждой земли, права и свободы. Правда, не всѣ депутаты—крестьяне пріѣхали съ этой нуждой. Нѣсколько десятковъ ихъ живутъ и теперь на «казенныхъ» квартирахъ хорошихъ, съ хорошимъ обѣдомъ по дешевой цѣнѣ. Живутъ они тамъ вмѣстѣ съ своимъ главаремъ тоже депутатомъ, бывшимъ земскимъ начальникомъ, дворяниномъ Ерогинымъ, живутъ и говорятъ: нѣтъ великой нужды у народа крестьянскаго, а если и есть небольшая нужда, такъ заботливое начальство поправитъ ее.

А другіе крестьянскіе депутаты пріѣхали изъ среды народа, задавленнаго безземельемъ, малоземельемъ и нищетой; пріѣхали изъ такихъ мѣстъ—а ихъ безъ конца у насъ,—гдѣ заботливое начальство съ полицейскими стражниками, съ становыми и генералами, съ пулеме-

тами и пушками поправляетъ нужду народную, убивая, калѣча и въ конецъ разоряя народъ.

Вотъ эти то крестьянскіе депутаты и стали собираться не на «казенной» квартирѣ, а въ Крестьянскомъ клубѣ на Невской улицѣ, въ домѣ № 116, куда ихъ приглашали крестьяне Аладьинъ, Аникинъ, Шапошниковъ и Онипко.

Сначала крестьяне собирались одни и одни обсуждали свои кровные вопросы о землѣ и волѣ.

А когда депутатовъ стало пріѣзжать больше и больше, возникъ вопросъ: нельзя ли въ группу крестьянскихъ депутатовъ принять такъ называемую «трудовую интеллигенцію», т. е. народныхъ и другихъ учителей, земскихъ врачей, агрономовъ, статистиковъ и другихъ?

Разсуждали такъ: многіе изъ этихъ интеллигентовъ вышли сами изъ народа, много терпѣли они за то, что своими знаніями хотѣли просвѣтить народъ, а правительству говорили, что оно поступаетъ преступно, закабаляя народъ въ нищетѣ и невѣжествѣ.

Это была правда, и трудовая интеллигенція слилась съ крестьянскими депутатами. Немного позднѣе возникъ вопросъ о рабочихъ депутатахъ и сліяніи съ ними.

Рабочій классъ находится въ кровной связи съ крестьянствомъ— говорили депутаты—такъ какъ рабочіе это — сплошь и рядомъ тѣ лишнія руки, которыя не находятъ себѣ приложенія къ дѣлу въ крестьянскомъ хозяйствѣ и выпуждены итти за заработкомъ на заводы и фабрики.

Конечно, есть и такіе рабочіе, которые давно порвали связи съ деревней, но и имъ близка и понятна нужда крестьянская въ землѣ и правахъ, такъ какъ и они сами мало обезпечены и много безправны. Рабочій классъ всегда былъ передовымъ борцомъ за свободу, и благодаря его усиліямъ и жертвамъ Россія получила манифестъ 17-го октября.

Послѣ такихъ соображеній рабочіе депутаты соединились съ крестьянскими.

Такъ слились представители трудящихся классовъ, больше другихъ страдающихъ отъ нищеты и безправія.

Одинаковые по интересамъ, близко стоящіе другъ къ другу депутаты отъ трудящихся классовъ соединились въ одну группу, чтобы въ

Государственной Думѣ дѣйствовать дружно и совмѣстно отстаивать предъ правительствомъ и его друзьями—помѣщиками, фабрикантами и купцами—великую тяжбу народную,—землю, права и свободу.

Эта группа изъ депутатовъ крестьянъ, рабочихъ и трудовой интеллигенціи извѣстна теперь подъ именемъ «Трудовой группы» въ Государственной Думѣ.

Своимъ священнымъ долгомъ считаетъ она стоять на стражѣ интересовъ народа и всегда твердо и рѣшительно заявлять: вся земля должна быть достояніемъ всего народа, пользоваться ей можетъ только тотъ, кто самъ приложитъ къ ней свой трудъ.

Во всѣхъ отросляхъ фабрично-заводскаго труда долженъ быть введенъ законодательнымъ путемъ 8-ми часовой рабочій день; всему народу должны быть обезпечены всѣ гражданскія свободы, возвѣщенныя манифестомъ 17 октября.

Законодательная власть должна быть въ рукахъ народнаго представительства настоящаго и въ особенности слѣдующаго, которое должно быть избраннымъ на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, безъ различія вѣры, пола и національности; настоящіе министры, которые куютъ для народа цѣпи, разореніе и всякія насилія должны уйти и уступить мѣсто министрамъ изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ Думы. Въ этомъ направленіи стремится дѣйствовать «Трудовая группа» во всѣхъ случаяхъ.

11 членовъ ея работали въ комиссіи по составленію отвѣтнаго адреса на рѣчь государя и отстояли заявленіе о необходимости принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ и передачи трудящимся земель удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ и церковныхъ.

13 мая предсѣдатель совѣта министровъ вошелъ въ Государственную Думу съ заявленіемъ, въ которомъ объявилъ, что власти будутъ дѣйствовать попрежнему съ произволомъ и безнаказанностью; что въ свободѣ попрежнему гражданамъ будетъ отказано, что отчужденіе земель недопустимо.

Вся Дума пришла въ негодованіе отъ этого заявленія и приняла по отношенію къ министрамъ отвѣтъ, выработанный «Трудовой группой». Для умиротворенія страны,—сказано въ этомъ отвѣтѣ,—министры должны немедленно выйти въ отставку, а ихъ мѣсто займутъ люди, пользующіеся довѣріемъ Думы. Тогда Дума приступитъ къ работѣ и

дастъ народу то, чего онъ справедливо и властно требуетъ—землю, права и свободу.

Вѣрная великимъ завѣтамъ народа «Трудовая группа», я увѣренъ, всегда будетъ стоять смѣло и рѣшительно на стражѣ интересовъ трудового народа.

17 мая. Депутатъ *С. И. Бондаревъ.*

Крестьянскіе ходоки въ Трудовой группѣ.

Въ Трудовую группу одинъ за другимъ являются крестьянскіе ходоки съ разными жалобами и просьбами. Прежде такіе ходоки являлись въ Петербургъ съ прошеніями на высочайшее имя. Но пословица говорится: «До Бога высоко, до царя далеко». Прошенія на высочайшее имя принимаетъ важный генералъ, и доступъ къ нему труденъ для бѣдно-одѣтыхъ крестьянъ. Деревенскіе ходоки предпочитаютъ нести свою нужду и обиду въ Трудовой клубъ своимъ крестьянскимъ депутатамъ. Эти, по крайней мѣрѣ, выслушаютъ и, быть можетъ, помогутъ. Государственная Дума должна помочь бѣдному народу. Если у ней не хватитъ силы, народъ самъ вступится, у него есть сила.

Одинъ старикъ явился изъ Самарской губерніи по дѣлу о многолѣтней тяжбѣ своей волости съ удѣлами о неправильно отрѣзанной землѣ. Самарскіе депутаты привели его въ Трудовой клубъ. Ходокъ послушалъ депутатскихъ рѣчей о землѣ и волѣ, заинтересовался, увлекся и на время пересталъ даже думать о своей тяжбѣ. Онъ ходитъ въ клубъ ежедневно, приводитъ съ собой разныхъ земляковъ, самъ слушаетъ и ихъ заставляетъ слушать. О тяжбѣ своей недавно выразился такъ:—«Ежели Дума такъ устроитъ, что вся земля перейдетъ къ трудящемуся народу, каждому поровну, то и мы за свою землю не стоимъ, отдаемъ ее въ народный земельный фондъ. Пусть мы будемъ съ другими наравнѣ.»

Другой крестьянскій ходокъ пріѣхалъ изъ Гродненской губерніи. Онъ былъ очень огорченъ, когда узналъ, что думской депутаціи не разрѣшено лично явиться къ государю и отвѣтъ Думы на царскую рѣчь отправленъ черезъ фельдъегеря.

— Ну, теперь крышка,—говоритъ ходокъ.—Первые министры закрыли царское лицо. Одно осталось, землячки. Можетъ, я вамъ помогу. Есть у меня солдатики знакомые, во дворцѣ служатъ. Натяну шинелишку, подвѣшу темлякъ, можетъ, проведутъ меня во дворецъ. Брошусь царю въ ноги, подамъ вашу бумагу. Пускай меня ведутъ подъ разстрѣлъ. Послужу міру.

Но крестьянскіе депутаты отказались отъ его услугъ.

— А ты какъ думаешь,—говорили они,—развѣ лучшимъ крестьянскимъ выборнымъ людямъ пристойно этакъ по задворкамъ красться?

— У насъ правда неворованная. Не хотятъ насъ допущать, и не надо. Наша правда поверхъ всякой кривды всплыветъ. Мы вмѣстѣ съ народомъ. Народъ—великая сила. Народное лицо отъ насъ не закрыто. Пусть онъ слушаетъ.

18 мая.

Трудовая группа и партія народной свободы.

Въ газетѣ «Дума» отъ 18 мая напечатана относящаяся къ намъ статья: «Еще разъ возстановленіе истины», въ которой говорится: «Слухъ о томъ, будто упоминаніе о принудительномъ отчужденіи въ адресѣ было сдѣлано по настоянію Трудовой группы, уже проникалъ въ печать и былъ опровергнутъ самими участниками комиссіи, выяснившими, что эти слова были внесены въ проектъ адреса членами партіи народной свободы. Въ настоящее время «Извѣстія Крестьянскихъ Депутатовъ» повторяютъ то же невѣрное извѣстіе, прибавляя еще, что членамъ Трудовой группы приходилось отстаивать свое заявленіе.

«Такъ какъ большинство членовъ этой комиссіи состояло изъ представителей конституціонно-демократической партіи, то выходитъ какъ-будто, что она отказалась поддерживать то, что она сама же проводила какъ одинъ изъ главныхъ пунктовъ своей программы на выборахъ». Требуется возстановить истину. Такъ какъ истина характеризуется точнымъ соотвѣтствіемъ съ фактами, то возстановленіе истины заключается въ возстановленіи породившихъ истину фактовъ. Къ фактамъ мы и перейдемъ.

Члены Государственной Думы распадаются на нѣсколько группъ: есть Трудовая группа, о которой мы уже говорили и будемъ говорить постоянно; есть еще большая по численности группа, которая прежде называлась только конституціонно-демократической, а теперь предпочитаетъ называть себя партіей народной свободы.

Такъ называетъ себя эта партія, потому что она желаетъ добра народу; конечно, это единственное справедливое желаніе, и безъ него не можетъ существовать большая партія. Иной разъ только эта большая партія очень осторожна и скромна въ своихъ желаніяхъ добра народу, и ее приходится побуждать опредѣленнѣе говорить о ея добрыхъ намѣреніяхъ.

Для разработки отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь была избрана отъ Думы комиссія изъ 33 лицъ: 11 изъ Трудовой группы, 22 отъ прочихъ членовъ, причемъ «большинство» отъ партіи народной свободы.

Сначала прослушали адресъ, написанны членами партіи «народной свободы», поговорили о немъ часа два, причемъ еще не касались, хорошо ли написано въ немъ объ аграрномъ вопросѣ. Въ это время члены Трудовой группы—Аникинъ, Бондаревъ, Рыжковъ—предположили свой проектъ адреса. Прочитали, выслушали, и хотя адресъ понравился многимъ, но рѣшили дополнять и исправлять адресъ, предложенный членами партіи народной свободы.

Члены Трудовой группы признаютъ за народомъ *право* на землю, а потому прямо и просто писали въ своемъ адресѣ: «Средство къ дѣйствительному удовлетворенію земельной нужды Дума видитъ въ передачѣ земли въ пользу трудящихся путемъ образованія земельнаго фонда, въ который должны войти земли кабинетскія, удѣльныя, казенныя, монастырскія и—на началахъ принудительнаго отчужденія—помѣщичьи земли».

Члены партіи «народной свободы» желаютъ добра народу, желаютъ, чтобы народъ не умиралъ съ голоду,—очень желаютъ этого, но въ то же время имъ хотѣлось, чтобы ихъ адресъ приняла не только комиссія, но и вся Дума, почти какъ одинъ человѣкъ. И вотъ, и добра желая народу, да и со всей Думой желая не расходиться, они о земельномъ вопросѣ написали въ своемъ адресѣ такъ:

«Дума не исполнила бы своего долга, если бы не приняла не-

медленно самыхъ рѣшительныхъ мѣръ къ удовлетворенію насущной земельной потребности».

Члены Трудовой группы прекрасно понимаютъ, что разные люди очень различно понимаютъ «исполненіе долга» и «принятіе самыхъ рѣшительныхъ мѣръ»; члены Трудовой группы хорошо знаютъ, что партія народной свободы во многомъ дружественна имъ; но такъ какъ адресъ писался для всей страны, то они рѣшили: дружба дружбой, а отстаиваніе земельнаго фонда, перечисленія всѣхъ видовъ земель и принудительнаго отчужденія помѣщичьихъ земель—само по себѣ.

Стали пополнять «исполненіе долга» и «принятіе рѣшительныхъ мѣръ».

Члены партіи народной свободы внесли дополненія, а члены Трудовой группы стремились къ тому, чтобы изъ ихъ ясныхъ положеній о земельной нуждѣ было урѣзано какъ можно меньше. Послѣ длинныхъ разговоровъ дѣло, къ счастію, кончилось хорошо; именно, написали слѣдующимъ образомъ: «Дума не исполнила бы своего долга, если бы она не издала законовъ для удовлетворенія земельной насущной потребности, путемъ обращенія на этотъ предметъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ и монастырскихъ и принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ». Когда уже въ самой Думѣ, въ полномъ составѣ ея, обсуждался предложенный адресъ, то Дума не только приняла полностью все написанное о землѣ, но къ перечисленнымъ землямъ прибавила еще и церковныя земли.

Значитъ, нечего было и съ самаго начала бояться разойтись съ Думой; да вообще для чего бояться этого? Нужно бояться не исполнить справедливыхъ требованій народа, а не мнѣнія нѣсколькихъ членовъ Думы—помѣщиковъ, землевладѣльцевъ, которые, конечно, всегда будутъ защищать свои интересы, а не интересы трудящагося народа.

Изъ-за этой боязни разойтись въ мнѣніяхъ съ отдѣльными членами Думы не удалось написать въ адресѣ полностью о всеобщемъ избирательномъ правѣ.

Желая пользы народу, члены партіи народной свободы предложили написать въ адресѣ объ избирательномъ правѣ такъ: «Дума внесетъ законъ о народномъ представительствѣ, основанный согласно единодушно проявляющейся волѣ народа на началѣ всеобщаго избирательнаго права».

Члены Трудовой группы, признавая за народомъ право на законодательство, въ своемъ адресѣ писали: «Дума должна быть избрана свободно всѣмъ народомъ путемъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія».

Этотъ адресъ комиссія не разсматривала въ подробностяхъ; оставалось дополнить первый адресъ; оставалось настаивать на пополненіи и говорить: единодушная воля народа и польза народа требуетъ не просто всеобщаго избирательнаго права, но всеобщаго, прямого, равнаго, съ тайной подачей голосовъ. Увы, разговоры были напрасны: такъ какъ большинство членовъ комиссіи состояло изъ представителей партіи народной свободы, то въ адресѣ такъ и осталось осторожное, неопредѣленное выраженіе—всеобщее избирательное право, безъ всякихъ пополненій.

Въ самой Думѣ много было споровъ по поводу избирательнаго права: говорили и противъ полнаго избирательнаго права, горячо говорили и за полное, четырехчленное выраженіе избирательнаго права. Голоса противниковъ потонутъ въ забвеніи, но памятенъ будетъ голосъ горячаго защитника правъ народа, крестьянскаго депутата Аникина: «Вездѣ и всюду говорилось о всеобщей, прямой, равной и тайной подачѣ голосовъ, безъ различія пола и національности. Это дорого намъ, не какъ красивыя слова, но какъ самая насущная потребность русской жизни, безъ удовлетворенія которой напрасны всѣ жертвы, напрасна вся борьба. Идя въ Думу, я полагалъ, что четырехчленная формула голосованія не дана народу по недосмотру, но здѣсь я убѣждаюсь, что это «досмотръ» преступный!!.»

Члены партіи народной свободы послѣ такихъ горячихъ заявленій, передъ лицомъ всей Думы обѣщали разработать законопроектъ объ избирательномъ правѣ всеобщемъ, прямомъ, равномъ, съ тайной подачей голосовъ.

Члены Трудовой группы признаютъ за народомъ полное право на землю и полное право на законодательство; партія народной свободы очень желаетъ добра народу, только иной разъ приходится ее побуждать опредѣленнѣе и рѣшительнѣе говорить о ея добрыхъ намѣреніяхъ.

Депутатъ С. Бондаревъ.

Изъ разговоровъ съ депутатами.

Подхожу къ товарищу—депутату, крестьянину съ медалями на груди.

— Съ кѣмъ, товарищъ, это вы сейчасъ разговаривали?

— Да вотъ, вышелъ отдохнуть, прогуливаюсь; вдругъ подходитъ министръ, взялъ меня подъ ручку и давай разговаривать!

— Смотри, говоритъ, Дума хочетъ отобрать землю у мужиковъ; разорить васъ хочетъ Дума.

— Зачѣмъ, говорю, разорить? Намъ, господинъ, мужицкой земли не надо; ну, а у помѣщиковъ, само собой, отобрать землю приходится... въ пользу, значитъ, трудящихся.

— Нѣтъ, ты выслушай—говоритъ министръ.—Мы защищаемъ васъ; намъ, вѣдь, самимъ ничего не надо; мы сами работаемъ головой.

— Знаемъ—говорю я ему—какъ головой вы работаете!

Работаете вы головой!

Съ своей то головой войну вы затѣяли, да тысячъ шестьсотъ нашихъ солдатиковъ и загубили въ какой то Манчжуріи!

Вотъ какова ваша работа!

Нѣтъ, ужъ будетъ, благодаримъ покорно за вашу работу!

Осерчался министръ и ушелъ отъ меня.

Небось, правда то колетъ глаза».

Да, подумалъ я: вѣка народъ жилъ въ темнотѣ; вѣка скрывали отъ него правду; но время пришло; съ глазъ народа спала пелена—духовно-просвѣтленный представитель народа сказалъ великую правду представителю власти, давившей и угнетавшей народъ,—и министръ не выдержалъ правды, прямо въ лицо ему сказанной.

24 мая. *Депутатъ.*

Нѣсколько словъ о кадетахъ.

Въ нынѣшней Государственной Думѣ численный перевѣсъ имѣютъ, конечно, кадеты (партія народной свободы); слѣдовательно, имъ принадлежитъ и руководящая роль въ Думѣ. Да такъ оно на самомъ дѣлѣ пока и выходитъ. Но вопросъ, правильно-ли они ею руководятъ и тѣмъ-ли путемъ идутъ сами, которымъ имъ слѣдовало бы итти?

А вотъ узнаемъ.

На всѣхъ предвыборныхъ собраніяхъ кадеты рѣшительно обѣщали, что они употребятъ всевозможныя средства (даже и себя не пожалѣютъ) для выполненія своихъ программныхъ требованій. Тамъ они только обѣщали, а теперь вотъ въ Думѣ пришло время и выполнять обѣщанное.

Посмотримъ же, какъ они выполняютъ обѣщанное. Въ знаменитый день 13 мая кадеты, правда, проявили себя истинными героями слова. Они, на чемъ свѣтъ стоитъ, разносили Горемыкинскій отвѣтъ на адресъ Думы царю. И Дума объявила предъ всѣмъ народомъ свое полное недовѣріе министерству. Но это было опять-таки только сказано на словахъ и написано на бумагѣ. Всему этому сказанному и написанному 13 мая бюрократія, т. е. министры, не придали никакого значенія. Изъ этого слѣдуетъ, что все сказанное и написанное необходимо нужно подкрѣпить дѣломъ. А вотъ дѣла-то отъ кадетовъ и не видно. У нихъ выходитъ такъ, что слова сами по себѣ, а дѣло само по себѣ. Кабинетъ министровъ, какъ извѣстно, послѣ сказаннаго и написаннаго не только не подалъ въ отставку, но нѣкоторые изъ министровъ, какъ ни въ чемъ не бывало, опять продолжаютъ посѣщать Государственную Думу и даже выступаютъ со своими нелѣпыми рѣчами. Члены Трудовой группы, какъ люди болѣе дѣла, чѣмъ слова, заявляютъ свое нежеланіе слушать министровъ тѣмъ, что выходятъ изъ зала во время произнесенія этихъ рѣчей. Такъ было поступлено въ засѣданіи 19 мая. Кадеты же, какъ будто ничего не произошло, преспокойно выслушиваютъ министровъ, вступаютъ съ ними въ споръ и опять говорятъ и говорятъ безъ конца. И такимъ образомъ, по милости кадетовъ, Государственная Дума превращается

въ простую говорильню или, какъ выразился одинъ изъ членовъ Думы, въ «сокровищницу словесную».

Правда, кадеты говорятъ очень много хорошихъ и умныхъ рѣчей и сильно нападаютъ на министерство, но, вѣдь, они должны знать, что мы находимся не во Франціи или Англіи, гдѣ слова приносятъ существенную пользу, а въ Россіи, въ той самой Россіи, гдѣ весь народъ уже болѣе года высказывается противъ правительства.

Нѣтъ, господа кадеты, нашего правительства словами не прошибешь. Довольно словъ, пора приступить къ дѣлу. Разъ Дума высказалась противъ Государственнаго совѣта и выразила предъ всей страной полное недовѣріе безотвѣтственному министерству, то послѣ всего этого она должна итти уже не по указанной ей тропинкѣ, а своимъ самостоятельнымъ путемъ.

26 мая. Депутатъ *П. Кальяновъ*.

Крестьяне и кадеты.

24 мая, Трудовая группа внесла въ Думу чрезвычайно важное заявленіе. Въ этомъ заявленіи трудовики указываютъ на огромную важность земельнаго вопроса. Эту важность признаетъ вся Дума. Говорить по земельному вопросу записалось болѣе ста человѣкъ. Это и понятно. Россія велика. Каждая мѣстность имѣетъ свои особенности. По этому каждому представителю хочется разсказать о нуждахъ и особенностяхъ своей мѣстности. Это прекрасно понимаютъ члены Трудовой группы. По этому они говорятъ, что земельный вопросъ нужно обсуждать не только въ Думѣ, но и на мѣстахъ. Жители каждой мѣстности должны тотчасъ же начать обсужденіе вопроса о землѣ. — Только тогда и будетъ правильно рѣшенъ этотъ вопросъ.

Только въ томъ случаѣ, если весь народъ будетъ занятъ рѣшеніемъ земельнаго вопроса, установится живая связь между народомъ и его теперешними представителями въ Думѣ. Когда же установится эта связь, тогда не страшны будутъ для народной свободы ни генералъ-адъютанты, ни военные заговоры.

Но какимъ способомъ обсуждать этотъ вопросъ?

Нужно, чтобы населеніе каждой мѣстности выбрало особые зе-

мельные комитеты, особыя маленькія Думы. Какъ же устроить выборы въ эти комитеты? Выборы должны быть всеобщіе, равные, съ прямой и тайной подачей голосовъ. Только тогда земельный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ правильно, справедливо.

Кажется ясно.

Въ этомъ и заключается заявленіе Трудовой группы.

Казалось бы, что всѣ желающіе добра и счастья русскому народу должны были бы принять это предложеніе...

Но кадеты, которые называютъ себя «Партіей Народной Свободы», понимаютъ эту свободу по своему. Они думаютъ, что они умнѣе всего народа, что они своимъ умомъ разрѣшатъ земельный вопросъ. Вотъ почему кадеты противъ обсужденія вопроса на мѣстахъ, противъ всеобщихъ выборовъ въ земельные комитеты. Они говорятъ о какомъ то *равномѣрномъ* представительствѣ интересовъ. Не хотятъ ли они, чтобы сто милліоновъ крестьянъ имѣло столько же голосовъ, сколько одинъ милліонъ дворянъ-помѣщиковъ?

Кадеты—самая сильная партія въ Думѣ и интересы русскаго народа были бы въ опасности, если бы на стражѣ русскаго крестьянства не стояла *Трудовая группа*.

27 мая.

Письмо въ деревню.

Вотъ уже сколько столѣтій мы, крестьяне, по своей простотѣ душевной, ожидали улучшенія своего горькаго житья-бытья отъ нашего правительства. Мы по простотѣ все надѣялись, что правительство наше, какъ добрый отецъ семьи, замѣтитъ нашу кротость и само постарается улучшить наше положеніе. Но, какъ оказывается, правительство наше плохо заботилось объ улучшеніи нашей жизни, а больше всего заботилось о томъ, какъ бы покрѣпче держать насъ въ ежевыхъ рукавицахъ. Для этого правительство выдумывало и ставило намъ разныхъ земскихъ начальниковъ — мѣстныхъ царей. Эти наши мѣстные цари, что хотѣли съ нами, то и дѣлали. Находились такіе люди, которые говорили намъ, что правительство насъ обманываетъ, но мы этимъ людямъ не вѣрили, считали ихъ врагами

нашего отечества, предавали ихъ за эти слова тому же правительству, которое ихъ наказывало, а насъ хвалило.

Но какъ ни угнетало насъ правительство, и что намъ ни говорили про него другіе, мы все-таки по своему долготерпѣнью не теѳяли вѣры и надежды на то, что объ насъ позаботятся свыше. Мы думали, что насъ не жалѣютъ только потому, что наши слова и просьбы не доходятъ до нашего правителя-царя. Мы думали, что стоитъ только намъ довести свои просьбы о нашемъ горькомъ житьѣ-бытьѣ до нашего царя-батюшки, такъ сейчасъ же и будетъ улучшено наше положеніе. Вотъ мы и ждали все такого случая, когда бы можно было довести наши слова и просьбы куда надо. Стала собираться у насъ Государственная Дума. И возгорѣлась у насъ у мужиковъ по этому случаю надежда, что наконецъ-то мы чрезъ *своихъ* доведемъ свой голосъ до верховной власти. И стали мы радоваться, что пришелъ конецъ нашей плохой жизни, а настанетъ скоро жизнь хорошая. Но вотъ собралась и Дума, съѣхались въ нее со всей Руси выборные люди, въ числѣ которыхъ нахожусь и я грѣшный человѣкъ. Сосставила Дума на тронную рѣчь государя отвѣтъ, въ которомъ указала нужды всего народа, а больше всего нужды наши крестьянскія. И чтобы никто не могъ скрыть выставленныхъ Думой нуждъ, Дума постановила, чтобы отвѣтъ этотъ передалъ въ руки царя самъ предсѣдатель Думы со своими помощниками.

И что-же вышло? Предсѣдатель Думы получилъ отъ министра Горемыкина письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что государь лично принять отвѣтъ Думы не желаетъ, а велитъ передать его чрезъ министра. И заболѣло тогда наше крестьянское сердце. Не быть видно добру. Значитъ, и вправду никто насъ жалѣть не хочетъ.

И вѣрно, что никто. Вскорѣ министръ Горемыкинъ прочиталъ въ Думѣ, что ни земли, ни воли, какъ мы просили, намъ правительство не дастъ И закружились наши крестьянскія головушки. Нѣтъ, видно, намъ милостей ни откуда. Нѣтъ, видно, съ этого времени больше ни на кого надежды, какъ только на Бога да на самихъ себя. Отъ этого самаго потрясенія многіе изъ насъ, членовъ Думы, заболѣли, а одинъ даже вскорѣ отъ этого, должно быть, и умеръ. Больно ужъ тяжело было.

Послѣ выслушанія отъ министра отказа, Дума постановила (объ этомъ ужъ вы навѣрное знаете изъ газетъ), что она этимъ мини-

страмъ не довѣряетъ, требуетъ ихъ отставки, а на ихъ мѣсто чтобы были назначены другіе, которымъ можно бы было довѣрить. Всѣмъ министрамъ прямо въ глаза говорили, чтобы они ушли.

Мы по мужицки думали, что министры отъ стыда завтра же уйдутъ, но не тутъ-то было. Они не только не ушли, но у нихъ хватаетъ совѣсти опять бывать въ Думѣ и говорить намъ сладкія рѣчи. Оказывается, что наша крестьянская мѣрка совѣсти къ министрамъ не подходитъ, у нихъ другая, или сказать прямо никакой нѣтъ. Они вѣдь сами знаютъ, что теперь вся наша страна волнуется и идетъ къ гибели, а стоитъ только имъ уйти и вся страна успокоится. Такъ нѣтъ, не уходятъ. Какъ намъ, крестьянамъ, начальство всегда говоритъ, что, молъ, для спасенія своего отечества, мы должны жизни своей не жалѣть, а вотъ господа нынѣшніе министры ради спасенія своего отечества даже своихъ теплыхъ мѣстъ не хотятъ оставить. Вотъ они какіе радѣтели-то нашего отечества!

27 мая. *Депутатъ кр—нъ К.*

Письмо—депутата Госуд. Думы выборщикамъ и знакомымъ.

Сюда депутатамъ шлютъ изъ губерній массу телеграммъ, писемъ и приговоровъ, которые печатаются въ газетахъ. Приговоры и телеграммы много помогаютъ: они показываютъ, что народные представители предъявляютъ правительству требованія не отъ себя, но отъ народа. Самъ народъ требуетъ немедленной амнистіи, т.-е. освобожденія изъ тюремъ всѣхъ, кто пострадалъ за землю, да за народную свободу, за свою вѣру; самъ трудящійся народъ требуетъ себѣ всю землю безъ исключенія; самъ народъ требуетъ свободы и равноправія. Но вамъ уже извѣстно, что отвѣтилъ г. Горемыкинъ въ министерской «деклараціи» 13 мая. Министры, несмотря на рѣшительное заявленіе всей Думы о недовѣріи къ нимъ, въ отставку не вышли. Напротивъ, они преспокойно являются въ Думу и говорятъ, что если всю землю передать крестьянамъ, то трудно де потомъ будетъ найти заработокъ, что де Россія обѣднѣетъ, если вся земля будетъ въ рукахъ земледѣльцевъ, а не въ рукахъ помѣщиковъ-землевладѣльцевъ. Ясно, что доколѣ эти министры будутъ править, то ничего мы не добьемся. Но кромѣ старыхъ министровъ Государ. Думѣ

придется въ скоромъ времени имѣть дѣло съ Государственнымъ Совѣтомъ Если члены Думы изъ партіи «народной свободы» (ка-деты) не согласятся выработанные въ Думѣ законы представить прямо на утвержденіе государя, а постановятъ «законнымъ» порядкомъ послать въ Государственный Совѣтъ для разсмотрѣнія, то можно впередъ быть увѣреннымъ, что отъ этихъ законовъ едва-ли что останется. Сидятъ въ Государственномъ Совѣтѣ самые крупные помѣщики и разные бывшіе министры и генералы, сидятъ для того, чтобы каждый новый законъ, предлагаемый народными представителями, какъ можно больше урѣзать, чтобы все опять было по-старому. Теперь члены Совѣта разъѣзжаютъ по дачамъ, по гостямъ, пріѣзжаютъ слушать въ Думу и ждутъ, когда мы представимъ свои законы на ихъ разсмотрѣніе. Но вопросъ еще не рѣшенъ—пошлетъ ли Дума свои законы въ Государственный Совѣтъ...

Изъ Саратовской, Кіевской, Самарской и другихъ губерній пріѣзжаютъ сюда къ намъ — депутатамъ «ходоки» съ общественными приговорами и видятъ, что пока еще народные представители, при всемъ своемъ желаніи, не имѣютъ возможности провести полезныхъ народу законовъ. Страна теперь ждетъ, прислушивается, что говорятъ ея депутаты, но, видя, что голосу народныхъ представителей мало придаютъ значенія, она сама громко и настойчиво говоритъ, и заговорила уже о своихъ правахъ. Если на это не обратятъ вниманія, то за «словомъ» страны не замедлитъ послѣдовать «дѣло». Этого-то и не нужно упускать изъ виду всѣмъ тѣмъ, кто тормозитъ и противится осуществленію народной воли!..

24 мая въ Думу отъ Трудовой группы было внесено предложеніе о разработкѣ закона или правилъ, какъ устроить волостные, уѣздные и губернскіе земельные комитеты. Эти комитеты составятъ списки о численности земледѣльческаго населенія и количествѣ десятинъ земли, рѣшатъ на какихъ условіяхъ земля должна быть отчуждена отъ помѣщиковъ, какъ крестьяне желаютъ ее имѣть—въ общинномъ или подворномъ владѣніи; вообще все, что касается земли, будутъ рѣшать эти комитеты. Избраны они будутъ всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ. Законъ объ этомъ, вѣроятно, будетъ направленъ къ государю помимо Государственнаго Совѣта. На этотъ разъ, можетъ быть, и «допустятъ». Впрочемъ предугадать что-либо трудно...

30 мая. Депутатъ *Ив. Лаврентьевъ*.

Письмо въ село.

Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе приходятъ ко мнѣ телеграммы отъ сельскихъ обществъ, городскихъ жителей и отдѣльныхъ лицъ, въ которыхъ они всѣ говорятъ о томъ, чтобы члены Государственной Думы требовали и добивались полной амнистіи всѣмъ заключеннымъ и сосланнымъ административнымъ порядкомъ въ далекіе края Сибири и сѣверныхъ губерній, отмѣны смертной казни, военнаго положенія, чрезвычайныхъ и усиленныхъ охранъ, помощи голодающимъ и безработнымъ, отставки настоящаго министерства, не пользующагося довѣріемъ страны, и замѣны его лицами, пользующимися довѣріемъ большинства Думы; и, наконецъ, полной свободы всему русскому народу и всей земли трудящимся.

Всѣ эти выраженныя требованія оканчиваются обѣщаніемъ всей грудью поддержать членовъ Государственной Думы въ ихъ борьбѣ за народное право. Такіе наказы народа удесятеряютъ силу и мощь въ представителяхъ Трудовой группы (въ которой я состою членомъ), даютъ твердую вѣру въ то, что народъ, который понялъ всѣ требованія Трудовой группы, поддержитъ ее и добьется тѣмъ самымъ долго жданной земли и воли.

Русскій народъ понялъ, что пора перестать быть рабомъ въ рукахъ помѣщиковъ и всевластнаго чиновничества, пора перестать голодать и работать для шайки паразитовъ, которые, ничего не дѣлая, живутъ въ роскошныхъ дворцахъ и устраиваютъ пиры на тѣ деньги, которыя народъ добылъ своимъ потомъ и кровью. Народъ понялъ, гдѣ корень этого беззаконія, понялъ, что въ теченіе многихъ вѣковъ его нагло обманывали и издѣвались надъ нимъ; и его чаша терпѣнія переполнилась. Народъ возстаетъ, чтобы уничтожить своихъ мучителей, чтобы добиться правъ человѣка, которыя отъ него отняли эти мучители, и устроить свою жизнь такъ, чтобы его больше не угнетали, чтобы не было больше бѣлой—дворянской и черной—крестьянской кости, чтобы всѣ были равны между собою, чтобы всѣ могли ползоваться одинаково свободою.

Въ борьбѣ за свое право въ рукахъ народа есть много сильныхъ средствъ: если онъ не будетъ платить податей, если онъ осенью не

дастъ новыхъ рекрутовъ, то правительство останется и безъ денегъ, и безъ солдатъ. Такъ уже рѣшили дѣйствовать въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ это видно изъ наказовъ. Этими и другими рѣшительными дѣйствіями народъ добьется равенства всѣхъ передъ закономъ, добьется суда надъ своими вѣковыми притѣснителями, добьется всеобщаго обязательнаго, за счетъ государства, образованія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, уменьшенія до самыхъ малыхъ размѣровъ налоговъ, добьется всей земли въ уравнительное пользованіе всѣхъ трудящихся, безъ права купли и продажи, добьется наконецъ того, что всѣ угнетенные рабочіе, крестьяне, солдаты и трудовая интеллигенція, перестанутъ находиться въ подчиненіи высшаго дворянства и чиновничества.

Трудовая группа, состоящая изъ крестьянскихъ представителей, твердо рѣшила добиваться всѣхъ этихъ требованій народа, добиваться того, чтобы слѣдующая Дума была дѣйствительной представительницей всего народа, для чего необходимо введеніе всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія. Настоящая же Дума не является выразительницей всего русскаго 140 милліоннаго народа, а только его части, потому что выборы въ эту Думу были обставлены правительствомъ такъ, чтобы меньше попало туда истинныхъ народныхъ представителей.

Но, пока будущая Дума не соберется, мы, представители Трудовой группы, считаемъ своимъ священнымъ долгомъ до послѣдней крайности бороться за осуществленіе всѣхъ народныхъ нуждъ, бороться за землю и волю. Мы будемъ настаивать, чтобы Дума продолжала свои занятія лѣтомъ, чтобы скорѣй можно было улучшить жизнь всего трудящагося народа.

На васъ, граждане, лежитъ святой долгъ поддерживать всѣ требованія Думы. Этой поддержкой вы увеличите бодрость Трудовой группы, прибавите ей силы въ борьбѣ и тѣмъ самымъ приблизите время своего освобожденія отъ тирановъ и палачей. Въ вашихъ рукахъ, граждане, есть много средствъ для поддержки Думы. Дума безъ поддержки народа ничто, а съ народомъ—такая сила, противъ которой не совладаютъ ни штыки, ни пули, ни пулеметы.

Если представители правительственной власти будутъ производить насилія надъ гражданами, извѣщайте своихъ депутатовъ, чтобы они

могли потребовать отвѣта, а когда будетъ у насъ сила, то и суда надъ этими насильниками.

Итакъ, граждане, поддерживайте въ дѣлахъ и требованіяхъ Трудовую группу, потому что ея побѣда въ то же время и ваша побѣда.

За себя ручаюсь, что не жалѣя своихъ силъ и жизни буду слѣдовать указаніямъ трудящихся классовъ Россіи и вести, совмѣстно съ Трудовой группой борьбу за народное право, за всю землю, за всю волю.

Остаюсь съ почтеніемъ Членъ Госуд. Думы *Онипко.*

8 іюня.

ДУМА.

Чего ждутъ крестьяне отъ Думы?

Съ тревожнымъ ожиданіемъ смотритъ на Государственную Думу вся Россія. Всѣ ждутъ отъ нея облегченія своего положенія; всѣ надѣются, что Дума поможетъ изголодавшемуся, измученному народу.

Дума избрана неправильно, не всеобщей подачей голосовъ, права Думы невелики, но народъ какъ-бы забылъ объ этомъ; крестьяне смотрятъ на Думу, какъ на свою защитницу отъ своихъ притѣснителей; только отъ Думы ищутъ они себѣ земли и воли. Крестьяне не хотятъ вѣрить, что кто-нибудь посмѣетъ не послушать требованій и рѣшеній народныхъ представителей.

Если мы будемъ читать наказы, данные крестьянами своимъ депутатамъ, если мы пересмотримъ приговоры сельскихъ сходовъ, то мы ясно увидимъ, чего ожидаютъ крестьяне отъ Думы. Для большинства населенія Россіи вопросъ о землѣ есть вопросъ жизни или смерти. Вотъ что говорятъ объ этомъ, напримѣръ, крестьяне села Студенцова Пензенской губерніи: «наше крайне тяжелое положеніе зависитъ отъ того, что большая часть земли находится въ рукахъ монастырей, церквей, удѣловъ и частныхъ владѣльцевъ—помѣщиковъ и кулаковъ, которые, пользуясь нашимъ безвыходнымъ положеніемъ, происходящимъ отъ недостатка у насъ земли безжалостно угнетаютъ насъ тѣмъ, что заставляютъ насъ работать на себя почти даромъ». И со всѣхъ концовъ Россіи слышны тѣ-же голоса: «земли нѣтъ», «земли мало», землицы бы!» Понятно, поэтому, что во всѣхъ приговорахъ, во всѣхъ наказахъ мы встрѣчаемъ требованіе передачи всей земли народу. «Земля должна принадлежать всему народу съ тѣмъ, чтобы ею пользоваться имѣлъ право всякій кто въ ней нуждается», говорятъ уполномоченные нижегородскаго уѣзда, и это же самое повторяетъ вся Россія.

Вопросъ о землѣ—вопросъ огромной важности, но крестьяне очень хорошо понимаютъ, что одной земли мало. Получить землю и

не избавиться отъ всѣхъ остальныхъ тяготъ—это значитъ вытащить изъ трясины одну ногу и завязить другую. Нужна не только земля. нужна и воля.

«Теперь,—пишутъ въ наказѣ крестьяне деревни Ивановки, Самарской губерніи,—настало великое время разобраться въ старой жизни и поправить ее по новому, чтобы всѣмъ жилось хорошо».

Съ чего же начать «поправку» этой старой жизни? Разумѣется, съ отмѣны всѣхъ исключительныхъ законовъ и съ установленія всѣхъ свободъ, указанныхъ въ манифестѣ 17 октября.

«Мы требуемъ,—пишутъ въ наказѣ крестьяне Полтавской губерніи,—чтобы всякіе исключительные законы—усиленныя и чрезвычайныя охраны, военныя положенія, были отмѣнены и впередъ не вводились». «Должны быть даны «свободы—слова, печати, собраній и союзовъ, совѣсти, неприкосновенности личности, переписки и жилищъ—согласно манифеста 17 октября»,—пишутъ въ своемъ наказѣ крестьяне села Кистинскаго Ставропольской губерніи.

Требованія земли и воли встрѣчаются во всѣхъ приговорахъ и наказахъ. Въ однихъ эти требованія изложены коротко и просто, въ другихъ они разработаны очень широко. Такъ, во многихъ наказахъ говорится объ амнистіи всѣмъ пострадавшимъ борцамъ за народное дѣло, о всеобщемъ обязательномъ начальномъ обученіи, о 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ и объ охранѣ труда рабочихъ, о сокращеніи срока военной службы, о выборности суда и объ отмѣнѣ смертной казни, замѣнѣ косвенныхъ налоговъ единымъ подоходно-растущимъ налогомъ и т. д. Во многихъ наказахъ говорится о необходимости установленія всеобщаго избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ, безъ различія пола, національностей и вѣроисповѣданій, объ отвѣтственности министровъ. Однимъ словомъ, крестьяне ждутъ, что Дума перестроитъ всю жизнь государства на началахъ свободы и справедливости.

Въ цѣломъ рядѣ статей мы постараемся показать нашимъ читателямъ, что нельзя возлагать на теперешнюю Государственную Думу такихъ большихъ надеждъ. Многаго Дума не сможетъ сдѣлать, такъ какъ тому помѣшаетъ правительство—разные министры, генералы, земскіе начальники, богатые помѣщики и фабриканты: по многаго Дума и не имѣетъ права сдѣлать, если бы даже имѣла возможность. Напримѣръ, разрѣшить земельный вопросъ теперешняя

Дума не полномочна, она можетъ только положить начало его разрѣшенію, создавъ, какъ то предлагаютъ депутаты Трудовой группы, народный земельный фондъ для надѣленія безземельныхъ и малоземельныхъ, желающихъ личнымъ трудомъ обрабатывать землю. Государственная Дума,—лишь первый шагъ въ борьбѣ народа за землю и волю.

17 мая. *Черм.*

Что-же дальше будетъ?

Государственная Дума заявила государю въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь, что трудящемуся на землѣ народу необходимо передать всѣ земли, пригодныя для земледѣлія: казенныя, удѣльныя, кабинетскія, монастырскія, церковныя, а также и частновладѣльческія, то-есть принадлежащія теперь помѣщикамъ (изъ дворянъ, изъ купцовъ, изъ богатыхъ мужиковъ—теперь всякихъ помѣщиковъ много). Необходимо это сдѣлать потому, что иначе народъ разорится въ конецъ: и безъ того уже Россія—самая бѣдная страна, а потому и самая необразованная; а въ послѣдніе годы довели дѣло до того, что Россія сдѣлалась самой несчастной страной на всемъ свѣтѣ! Такъ жить дальше нельзя, а поправить дѣло иначе невозможно, какъ устроивъ такіе порядки, чтобы у каждаго земледѣльца земли было достаточно.

Но правительство иначе думаетъ, о чемъ Думѣ торжественно заявилъ 13 мая предсѣдатель совѣта министровъ. Онъ сказалъ, что такъ устроить земельное дѣло, какъ Дума предполагаетъ—*безусловно недопустимо*. На это ему въ Думѣ возразили такъ: «если вы несогласны съ мнѣніемъ Думы, то вы уйдите изъ министровъ, и пускай будутъ вмѣсто васъ назначены такіе, которые съ Думой согласны и которые будутъ Думѣ помогать, а не препятствовать».—Но министры изъ Думы то ушли, а съ своихъ министерскихъ мѣстъ едва-ли согласятся добровольно уйти, и какъ теперь дальше пойдетъ—пока неизвѣстно...

Вотъ это самое и называется—*конфликтомъ*; 13 мая произошелъ между Думой и правительствомъ *конфликтъ*, о чемъ хорошо

сказалъ крестьянскій депутатъ Аникинъ, закончивъ свою рѣчь словами: «или—мы, или—вы». Пословица говоритъ: «два медвѣдя въ одной берлогѣ не живутъ»,—поэтому во всѣхъ государствахъ, гдѣ уже давно существуетъ народное представительство (*парламентъ*, а по нашему—Государственная Дума), тамъ вездѣ такой обычай, что если министры несогласны съ тѣмъ, чего хочетъ Дума, или—наоборотъ—если Дума не одобряетъ то, что предлагаютъ министры, то эти послѣдніе тотчасъ-же выходятъ въ отставку, безъ разговоровъ. Да иначе и быть не можетъ: Государственная Дума для того и созывается, для того и существуетъ, чтобы волю народа выражать изданіемъ законовъ; ей принадлежитъ власть *законодательная*; а министры для того существуютъ, чтобы *исполнять* волю народа, выраженную въ законѣ, который изданъ и утвержденъ народными представителями. Въ этомъ вся суть государственныхъ порядковъ, которые называются *конституціоннымъ образомъ правленія*. И наша первая Государственная Дума полагала, что если Думу собрали, то вовсе не затѣмъ, чтобы она ходила на поводу у министровъ, а наоборотъ, чтобы министрамъ указывать, какъ страной править. И вотъ 13 мая оказалось, что правительство на такіе порядки несогласно, что оно желаетъ, чтобы Дума ему подчинилась. Въ сущности, оно желаетъ всѣ старые порядки и впредь сохранить. Но какіе-же это *порядки?* Кабы это были «порядки», такъ и былъ-бы въ нашей странѣ порядокъ, а его—нѣтъ. Тысячи лѣтъ назадъ наши предки сказали: «Страна наша велика и обильна, а порядку въ ней нѣтъ»,—то же самое и теперь приходится сказать. Но надо-же когда-нибудь завести настоящій порядокъ, а со старыми порядками окончательно и безповоротно раздѣлаться. Не пришло-ли этому время? Народъ такъ и думалъ: «вотъ соберется Государственная Дума, начнетъ издавать законы, какіе народу надо, какіе его интересъ ограждаютъ,—и все пойдетъ по другому, по хорошему, «народу на радость и счастье»—такъ народъ думалъ и этого ждалъ. И чего-же мы дождались? Вотъ чего дождались: вышелъ передъ Думою министръ Горемыкинъ и сказалъ: «раньше вы горе мыкали и впередъ будетъ то же». Не этими словами сказано, да таковъ именно смыслъ *правительственной деклараціи*, прочитанной въ Думѣ 13 мая. Такъ всѣ и поняли...

А что-же дальше? Какъ Думѣ быть и что дѣлать? На этотъ воп-

росъ она свой отвѣтъ высказала: онъ заключается въ такъ называемой «формулѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ», которую Дума голосовала и приняла всѣмъ своимъ составомъ—около 400 человѣкъ противъ 11 несогласныхъ,—и смыслъ этой формулы такой: «насъ послалъ сюда народъ затѣмъ, чтобы мы добывали народу землю и волю,—и мы свое дѣло будемъ дѣлать, пока насъ силой не разгонятъ».

Вотъ что сказала Дума въ отвѣтъ министрамъ, а что будетъ дальше,—кто доживетъ—увидитъ...

Депутатъ *Л.*

17 мая.

Что дѣлала Дума.

Съ 27 апрѣля по настоящій день Дума пережила три ряда событій.

Первый рядъ занимаетъ время отъ историческаго дня открытія Думы до столь же историческаго дня 13 мая.

За это время опредѣлялись взгляды отдѣльныхъ членовъ Думы, ея общій характеръ и настроеніе депутатовъ, привезенное изъ самыхъ различныхъ угловъ Россіи.

Это настроеніе вскорѣ стало совершенно яснымъ: вся страна охвачена мощнымъ порывомъ сбросить оковы прежняго произвола и найти пути къ своему обновленію.

Это настроеніе вылилось въ отвѣтномъ адресѣ Думы на тронную рѣчь.

Дума высказала настойчивое желаніе получить землю, свободу, новыя права, ограничить произволъ чиновниковъ и положить предѣлъ расхищенію народной казны. Дума желала амнистіи для борцовъ за свободу, прекращенія незаконныхъ арестовъ, смертныхъ казней, военнаго положенія, карательныхъ экспедицій.

Затѣмъ, путемъ отдѣльныхъ запросовъ къ министрамъ, Дума старается показать ему, что она намѣрена неуклонно слѣдить за закономѣрностью дѣйствій властей и обуздывать произволъ самовластнаго и безотвѣтнаго чиновничества.

За то же время появились тревожные слухи о заговорахъ гвар-

дейскихъ офицеровъ противъ Думы, о роспускѣ Думы, о диктатурѣ Трепова и о готовящемся отвѣтѣ министровъ на адресъ Думы.

Росло и крѣпло настроеніе Думы дать всему этому достойный отпоръ, помня великія требованія народа.

Съ такимъ крѣпкимъ настроеніемъ встрѣтила Дума заявленіе предсѣдателя совѣта министровъ Горемыкина—и это было вторымъ моментомъ Думской дѣятельности. Безстрастно сидѣли министры на креслахъ, а съ каѳедры читалъ Горемыкинъ заявленіе своего кабинета; читалъ внятно, не громко, не отрываясь отъ печатнаго листа,— и только одинъ разъ, поднявъ голову, заявилъ торжественно и громко: отчужденіе частной собственности на земли *недопустимо!*

На скамьяхъ среди депутатовъ ропотъ.

Горемыкинъ, не отрывая глазъ отъ печатнаго листа, съ небольшими перерывами, чтобы выпить стаканъ воды, продолжаетъ негромко читать все о тѣхъ же усиленныхъ охранахъ, все о тѣхъ же пресѣченіяхъ свободъ, о старомъ приказномъ строѣ и все о той же сладкой надеждѣ чиновниковъ—о безотвѣтственномъ министерствѣ.

Кончилъ. При гробовомъ молчаніи Думы сходитъ министръ съ каѳедры и побѣдоносно, закинувъ назадъ голову, садится на свое кресло въ министерской ложѣ, гдѣ безстрастно сидятъ всѣ министры.

А на каѳедру, одинъ за другимъ всходятъ ораторы, и всѣ говорятъ слово живое объ одномъ: объ угнетеніи и разореніи страны чиновниками; о томъ, что вѣра народа исчерпана; и что единственное, что сама совѣсть и честь самихъ министровъ требуетъ отъ нихъ, это ихъ немедленный выходъ въ отставку для блага страны.

Буря восторга несется въ отвѣтъ рѣчамъ ораторовъ; одинъ за другимъ поднимаются на каѳедру депутаты, а ряды министровъ рѣдѣютъ; оставшіеся сидятъ все такъ же безстрастно, и только министръ Бирилевъ обнаруживаетъ живое любопытство къ рѣчамъ: о немъ, однако, не упоминаютъ депутаты, и вскорѣ онъ исчезаетъ. Остались министръ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ.

На каѳедру поднимается министръ юстиціи Щегловитовъ и мягко разсказываетъ объ устарѣвшихъ законахъ, по которымъ приходится дѣйствовать министрамъ; говоритъ объ обновленіи законовъ—и при гробовомъ молчаніи Думы сходитъ съ каѳедры.

Выходитъ рабочій: министры быстро поднимаются съ мѣстъ,

отходятъ къ дальнему краю ложи,—и исчезаютъ къ концу рѣчи рабочаго.

Выходитъ крестьянинъ Лосевъ и съ болью въ сердцѣ говоритъ о рухнувшихъ надеждахъ народа; о сильномъ, но подобно Самсону, темнотой ослѣпленномъ народѣ; объ этомъ изстрадавшемся, но могучемъ народѣ, въ которомъ уже изсякла вѣра въ чиновниковъ, и теперь, послѣ заявленія министровъ, ея не можетъ быть больше; но тогда сильный народъ—Самсонъ—самъ купитъ себѣ лучшую жизнь,—хотя бы дорогой цѣной, но купитъ: «умри душа моя съ филистимлянами!»

Поднимается старый графъ Гейденъ, одинъ изъ наиболѣе вѣрныхъ «союзниковъ» твердой власти; старый человѣкъ съ уныніемъ разбираетъ нелѣпость и непріемлемость министерской программы и, разводя руками, сходитъ съ каѳедры, заявляя: «а эти министры должны немедленно уйти въ отставку».

Такъ въ знаменательный день 13 мая столкнулись представители царящаго произвола съ представителями народа; стройными рядами подошли послѣдніе къ первымъ и ясно сказали:

«Довольно! Въ своихъ рукахъ вы долго имѣли тяжелый молотъ власти и выковали вы имъ для народа оковы и разореніе. Теперь мы беремъ этотъ молотъ—и въ сознаніи своей связи съ народомъ и отвѣтственности передъ нимъ—могучимъ молотомъ власти мы разобьемъ позорныя оковы и выкуемъ благо и счастье народа!»

Теперь Дума переживаетъ третій моментъ, тяжелый, томительный, напряженный; впереди на своихъ постахъ все еще пребываютъ лишенные довѣрія народа министры и чиновники, а позади—море народной нужды.

Что же дальше?

Мы уперлись въ эту стѣну, но море народное выслало насъ, какъ передовую рать, какъ своихъ сыновей,—и, вѣрная великимъ завѣтамъ своего народа, Дума должна непоколебимо стоять стражѣ на его интересовъ, какъ бы эта стѣна угнетенія ни была сильна и грозна.

18 мая. Депутатъ *С. Бондаревъ*.

Письмо въ редакцію.

Что можетъ сдѣлать Государственная Дума по главному своему вопросу—о переустройствѣ земельныхъ порядковъ (*аграрной реформѣ*)? Что можетъ она въ этой области сдѣлать при тѣхъ *правахъ*, какія ей даны законами объ учрежденіи Думы и Государственнаго Совѣта? Но прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, надо еще спросить: а какія-же у Думы права?.. Здѣсь не мѣсто ихъ перечислять,—кто хочетъ знать во всѣхъ подробностяхъ, тотъ долженъ прочитать объ этихъ правахъ въ этихъ законахъ; а сейчасъ мы скажемъ только одно—Думѣ принадлежитъ право *говорить*,—и она должна сказать свое слово по аграрному вопросу. Кому сказать? Всѣмъ, кто прислушивается къ ея голосу: и царю, и министрамъ, и всему народу, и, наконецъ, всему міру. Она должна сказать: вотъ какъ по нашему мнѣнію должны быть перестроены всѣ земельные порядки въ Россіи, чтобы это было для всего народа полезно. А какъ думаетъ объ этомъ самъ народъ,—весь тотъ народъ, который самъ на землѣ работаетъ и не можетъ жить безъ земли, какъ объ этомъ думаетъ самъ народъ,—объ этомъ его и надо спросить. Надо его выслушать, прежде чѣмъ издавать новые законы о землѣ. Развѣ нельзя его спросить? Можно—значитъ и должно. Да развѣ Дума вправѣ предписывать народу—какъ ему свою жизнь устраивать? Наоборотъ, Дума должна прислушиваться къ голосу народа.—Недаромъ сказано: «гласъ народа—гласъ Божій»,—и когда Дума будетъ выражать именно то, что ей народъ наказывалъ,—она будетъ не безполезна и даже будетъ въ нѣкоторой степени—сила, даже при всѣхъ своихъ урѣзанныхъ правахъ. Такъ думаютъ если не всѣ поголовно, то очень-очень многіе депутаты и сообразно съ этимъ себя ведутъ.

Пока это такъ будетъ, пока Дума будетъ стараться выражать мнѣніе народа, нельзя сказать что она «совсѣмъ ни къ чему». Вотъ когда она все *выскажетъ*, что неотложно требуется для государственнаго благоустройства въ Россіи, и для хозяйственнаго подъема трудящагося народа—крестьянъ и рабочихъ, тогда, дѣйствительно, *этой* Думѣ ничего болѣе не останется дѣлать, такъ какъ прави-

тельство заявило, что оно не намѣрено исполнять то, чего Дума требуетъ, а будетъ править страной по своему, какъ ему нравится.

А что сулитъ даже ближайшее будущее, неизвѣстно. Можетъ быть хоть не сразу, а уступитъ правительство, и тогда вѣроятно сейчасъ-же будутъ назначены новые выборы въ Думу, уже болѣе правильно поставленные: всеобщіе, прямые и для всѣхъ равные, съ закрытымъ голосованіемъ. Или можетъ случиться то, чего никто не хочетъ: снова поднимется по всей Россіи смута великая, кровопролитная, людей будутъ приносить въ жертву, народъ будетъ въ конецъ разоряться—однимъ словомъ наступитъ временная *анархія*...

Многіе депутаты въ своихъ рѣчахъ въ Думѣ и въ газетахъ не разъ обращались къ правительству съ горькимъ предупрежденіемъ: «не становитесь поперекъ дороги народу,—подумайте: къ чему это можетъ повести. Неужели вамъ не жаль Россію?»...

Какъ-бы не пришлось Думѣ закончить тѣмъ, чтобы сказать: «Государственная Дума съ своей стороны все сдѣлала, что могла, чтобы конфликтъ народа съ правительствомъ разрѣшился мирно, благополучно. И если Думѣ этого не удалось достигнуть, то *не она* въ этомъ виновата»...

21 мая. Депутатъ *Л.*

НАРОДЪ и ДУМА.

Отношеніе народа къ Думѣ вообще простое. Одна часть народа соединяетъ съ этой простотой глубокую задушевность. Эта часть народа говорила и теперь продолжаетъ писать своимъ депутатамъ: ходатайствуйте о землѣ и волѣ; охлопочите намъ ихъ; защитите насъ отъ насилій казаковъ и произвола чиновниковъ.

Иной разъ глубоко-задушевное отношеніе къ Думѣ даже не выражается словами: «ходатайствуйте», «защитите», но населеніе шлетъ своимъ депутатамъ телеграммами, письмами простое описаніе своей нужды и горя, какъ бы подразумѣвая, что они, депутаты, тамъ представятъ ее сейчасъ же по принадлежности. Иной разъ глубоко-задушевное отношеніе къ Думѣ становится столь же глубоко-трогательнымъ. Какъ въ прежнее время, не находя правды у своего бли-

жайшаго начальства, селенія и общества снаряжали ходока въ далекій Петербургъ, чтобы высокому начальству надъ начальствомъ представить положеніе дѣлъ и у него уже навѣрное добиться справедливости—такъ и теперь, когда создалась «Державная Дума», крестьянство снаряжаетъ къ ней своихъ ходоковъ, чтобы они прислушивались, дѣлаютъ ли депутаты дѣло народа; чтобы они появленіемъ своимъ и присутствіемъ своимъ побуждали депутатовъ скорѣе и рѣшительнѣе ходатайствовать о землѣ и правдѣ.

Другая часть трудящагося народа относится къ Думѣ и просто, и рѣшительно; эта часть говорила и продолжаетъ въ письмахъ, телеграммахъ и наказахъ говорить своимъ депутатамъ: *требуйте*, добывайте народу землю и волю.

Таковы два вида крестьянскаго отношенія къ Думѣ: простое задушевное и простое рѣшительное; таковы тѣ двѣ волны жизни, которыя готовы влиться въ засѣданія Думы.

А Дума? Которой изъ этихъ двухъ волнъ можетъ отдаться она? На путь ходатайствъ или на путь требованій и завоеваній можетъ и должна будетъ она вступить?

Посмотримъ на путь ходатайствъ. Мы говоримъ: трудящіеся классы единственные производители богатства страны; они имѣютъ за собой право на полноту гражданскихъ и политическихъ правъ и свободъ; они имѣютъ право на землю, которая благодаря ихъ трудамъ кормитъ всякую власть и всякихъ праздныхъ людей; имѣютъ право на охрану труда, страхованіе труда и на полную заработную плату.

Имѣютъ право, т. е. они не нищіе, которымъ изъ милости, снисхожденія, жалости даютъ подачки: нѣтъ!

Дающіе другимъ возможность жить трудящіеся классы заявляютъ права свои,—и для закрѣпленія за собою этихъ правъ выслали своихъ депутатовъ. Депутаты трудового народа должны сумѣть закрѣпить за народомъ путемъ закона права его, но не должны осмѣливаться просить, ходатайствовать: тогда они унизятъ народъ, который самъ, трудомъ своимъ, пріобрѣлъ себѣ прежде всѣхъ другихъ—право на матеріальное благосостояніе и духовное развитіе.

Да и къ кому направить ходатайства и просьбы? Конечно, къ правительству. Но, вѣдь, вѣка народъ обращался къ ближайшему

начальству, — и эти вѣка просьбъ и униженій только испепелили вѣру народа въ правду начальства.

Да и быть не могло иначе: вѣдь вся сила правительства и его союзника-помѣщика и капиталистовъ въ невѣжествѣ, разореніи и безправіи трудящихся. Значитъ, путь ходатайствъ и просьбъ не только унизителенъ, но и безполезенъ для народа и его представителей.

Посмотримъ на другой путь. «Требуйте, добывайте намъ землю, права и свободу!»—несется кличъ народа къ его депутатамъ.

Но какъ требовать? О, народъ!.. Ты силенъ, какъ Самсонъ; но пока, какъ и онъ, ты еще ослѣпленъ. Посмотри хорошенько; въ какихъ путахъ бьется Дума, созванная правительствомъ подъ напоромъ требованій народа.

Пусть 30 членовъ Думы внесутъ заявленіе о законѣ: смертная казнь не примѣняется за преступленія. Это заявленіе будетъ обсуждаться въ Думѣ, скажемъ, одинъ день; потомъ оно передается въ комиссію, гдѣ обсуждается пять дней; затѣмъ, министру, который можетъ держать его мѣсяцъ для исправленій и дополненій, допустимъ, что министръ сдѣлалъ маленькія поправки такъ, что Дума не будетъ на него въ обидѣ; тогда законопроектъ Думы идетъ въ Государственный Совѣтъ на неопредѣленный срокъ для поправокъ и измѣненій и вновь возвращается въ Думу.

Вотъ сколько времени должно путешествовать коротенькое заявленіе Думы. Легко понять, сколько понадобится времени, если внесется проектъ о земельной реформѣ, особенно такой проектъ, который говоритъ о передачѣ всей земли трудящимся. Пусть предъявятъ такое требованіе о землѣ: противъ него выступятъ много членовъ Думы—землевладѣльцевъ; противъ него министры, которые рѣшительно сказали, что такое требованіе недопустимо; противъ него Государственный Совѣтъ, призванный защищать интересы властныхъ и имущихъ.

Что же получится отъ требованій даже самыхъ справедливыхъ?

Останется непріемлемость и пепелъ.

Справедливы требованія трудящихся классовъ; но страшно то горнило, черезъ которое должны они пройти, страшно это горнило и безнадеженъ путь.

Представители трудящихся сознаютъ безнадежность этого пути; въ тоскѣ сжимается сердце ихъ,—боль сердца выковываетъ изъ души ихъ иной путь.

Сыны и братья народа, они сильны пониманіемъ правъ народа и единеніемъ своимъ съ народомъ: и въ минуту, когда впереди станетъ совсѣмъ темно и безнадежно, когда ослабѣютъ силы ихъ, они обратятся къ источнику силы своей — къ народу, и скажутъ ему: мы исполняли велѣнія твои, но мы безсильны осуществить ихъ. Насталъ твой часъ.

24 мая. Депутатъ *С. Бондаревъ.*

„Въ отставку"!

(Засѣданіе Думы 29 мая).

Еще наканунѣ, до засѣданія мы знали, что передъ Думой сегодня выступятъ съ своими рѣчами товарищъ министра Гурко и министръ Стишинскій, и еще до ихъ рѣчей мы также прекрасно знали, что скажутъ они народу; мы знали, что и сегодня, такъ же какъ и вчера, будутъ они говорить, гдѣ сколько земли; какъ трудовому крестьянству будетъ невыгодно отчужденіе частновладѣльческой земли; какъ при этомъ погибнетъ работа крестьянина на помѣщиковъ и лишится крестьянинъ заработка, и т. д., и т. д.

Что же намъ дѣлать? И мы рѣшили: въ отвѣтъ на неправду, въ отвѣтъ чиновникамъ, которымъ Дума уже выразила свое великое недовѣріе и которые все-таки не желаютъ считаться съ нимъ — въ отвѣтъ имъ мы рѣшили правдиво и громко сказать наболѣвшее въ насъ: «въ отставку, министры, въ отставку уходите скорѣе»!

Засѣданіе открыто; всѣ на мѣстахъ; всѣ ждутъ напряженно, нетерпѣливо. Смѣло, съ храбрымъ видомъ, быстро поднимается на трибуну товарищъ министра Гурко. Руками опирается на перила трибуны, смѣло поднимаетъ голову кверху, готовъ начать говорить неправду—а въ упоръ ему, со скамей депутатовъ, рѣшительно и дружно несутся возгласы десятковъ членовъ Трудовой группы: «въ отставку, въ отставку»!

Смѣлый человѣкъ смутился; храбрость оставила его; мягкимъ, нерѣшительнымъ тономъ начинаетъ онъ комкать свою рѣчь,—но еще разъ раздается со скамей: «въ отставку, въ отставку»!

Поднимается шумъ, хлопанье сидѣній отъ креселъ: часть членовъ

Трудовой группы покидаетъ залъ засѣданія. Недолго говорилъ товарищъ министра Гурко; ушедшіе депутаты возвращаются на свои мѣста и говорящимъ застаютъ уже министра Стишинскаго.

Депутаты садятся, а министръ говоритъ. Министръ говоритъ о недопустимости, непріемлемости; министръ говоритъ: «министерство со своей стороны вноситъ въ Государственную Думу»...

— Отставку, отставку!—несутся десятки голосовъ со скамей депутатовъ.

«Министерство со своей стороны для пользы народа считаетъ необходимымъ»...

— Отставку, отставку!—требуютъ тѣ же депутаты.

Кончили. Въ министерской ложѣ сидитъ товарищъ министра Гурко и смотритъ уже не на членовъ Думы, а въ потолокъ; рядомъ съ нимъ сидитъ Стишинскій, сидитъ угрюмый и смотритъ въ упоръ Думѣ.

На каѳедру выходитъ депутатъ Петрункевичъ. Онъ говоритъ о министрахъ; о томъ, какъ много для блага родины они могли бы сдѣлать,—но не сдѣлали ничего; о патріотизмѣ, который никогда не горѣлъ въ груди министровъ, говоритъ Петрункевичъ, и во имя великой любви къ родинѣ заявляетъ имъ: «да, если бы въ васъ жилъ патріотизмъ, своимъ первымъ долгомъ сочли бы вы скорѣе оставить мѣста свои»!

Громъ привѣтствій несется ему, а въ громѣ привѣтствій слышны голоса: «въ отставку, въ отставку»!

Старый графъ Гейденъ выходитъ на каѳедру; онъ тоже долженъ коснуться министровъ. Старый человѣкъ разводитъ руками и въ изумленіи спрашиваетъ: «зачѣмъ говорить съ министрами? имъ выражено недовѣріе,— и нашего вниманія къ себѣ они не должны уже больше приковывать».

Громъ привѣтствій несется ему, а въ громѣ привѣтствій все то же, все то же: «въ отставку, въ отставку»!

Успокаивается Дума, переходитъ къ дѣламъ своимъ; и едва замѣтно для кого-либо, стараясь не привлечь къ себѣ ничьего вниманія, тихо покидаютъ министерскую ложу министры.

Депутатъ.

Дѣло жизни и формальность.

Уже въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь Дума выразила свое непреклонное желаніе—навсегда отмѣнить смертную казнь; а недѣлю тому назадъ, въ виду разстрѣла въ Ригѣ 8 лицъ, котораго — увы! не въ силахъ была предотвратить, сочла своимъ прямымъ долгомъ выработать законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни навсегда.

Думская комиссія выработала законопроектъ.

Но его нужно предварительно сообщить министрамъ для полученія заключеній съ ихъ стороны.

И министры отвѣтили.

Министры, которые еще продолжаютъ держать въ рукахъ своихъ и правосудіе, и охраненіе неприкосновенности личности и жизни гражданъ, министры, которымъ одинаково хорошо извѣстны и всѣ законы о смертной казни, и настойчивое желаніе Думы уничтожить смертную казнь, — министры отвѣтили Думѣ, что министерство еще не готово; что свои заключенія по вопросу о смертной казни оно можетъ дать только по истеченіи установленнаго мѣсячнаго срока.

Итакъ, поставленъ вопросъ и на этомъ вопросѣ столкнулись двѣ силы, двѣ воли. Сила и воля жизни живой, что полными тревожной надежды очами смотритъ на Думу, къ ней обращаетъ трепетъ своего сердца, мучитъ душу до боли и ужаса, и не даетъ Думѣ спокойно работать.

А навстрѣчу силѣ и волѣ «жизни живой» несется сила и воля другой жизни, что не внемлетъ ни мольбамъ, ни страданіямъ, память которой не тревожится мукой раскаянія, и чья рука движется только повелѣніями правды формальной бумажной.

Поставленъ неотложный вопросъ о жизни и смерти; но его хотятъ оттянуть еще на одинъ мѣсяцъ, — и отъ этой оттяжки сжимается сердце; сжимается сердце отъ одной только возможности предоставить судьбу людей въ руки тѣхъ, чей безконечный произволъ измучилъ и истощилъ всю Россію.

Мучительно бьется Дума и съ достоинствомъ пытается выйти она съ того перепутья, на которое поставила ее судьба: цѣпи формальностей связали ей руки, а дыханіе жизни живой вливается въ

нее отовсюду, властно требуетъ отъ нея живого отвѣта себѣ; и жизнь закипаетъ вокругъ нея, и жизнь властно твердитъ ей: когда же? Когда же ты дашь намъ и волю, и лучшую долю?

Мучительно бьется Дума, и пытается дать свой отвѣтъ жизни.

Одинъ за другимъ входятъ депутаты на каѳедру, и одинъ за другимъ исповѣдуютъ свою вѣру: вѣрю, что на-дняхъ министерство выйдетъ въ отставку; вѣрю, что отмѣнится смертная казнь; вѣрю, что на нашей сторонѣ великая правда; вѣрю, что миръ и счастіе засіяютъ надъ родиной.

А въ упоръ вѣрующимъ смотрятъ депутаты трудящихся, и на вѣру ихъ отвѣчаютъ сомнѣніемъ, качаютъ головой и говорятъ: нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Вѣра! Да, она движетъ горами, но даже вѣра не сдвинетъ министровъ съ ихъ мѣстъ; даже вѣра не ускоритъ отмѣны казней, и даже вѣра самаго пламеннаго сердца ни на одинъ шагъ не приблизитъ къ намъ дивнаго солнца мира и счастія для изстрадавшейся родины.

Вѣра! Но безъ дѣлъ и вѣра мертва! И за депутатами, по «вѣрѣ» живущими, выходятъ на кафедру депутаты трудящихся, и къ творенію во имя жизни, вокругъ насъ собирающей право, печали и надежды живыхъ,—къ творенію во имя жизни этой зовутъ они Думу.

Вѣрьте, но съ вѣрой соединяйте и дѣло! Вѣрьте, что казни должны быть отмѣнены; но сдѣлайте хотя одинъ шагъ впередъ, и примите въ окончательномъ видѣ законъ: отнынѣ навсегда отмѣняется смертная казнь! Пусть принятая вами отмѣна не встрѣтитъ сочувствія у министровъ; пусть потонетъ она въ глубинахъ Государственнаго Совѣта, но, призванные творить волю народа и утолить страданія его, вы свершите дѣло человѣческаго сердца и благую вѣсть пошлете въ страну—«отъ смерти къ жизни!»

Напрасно! Были тщетны рѣчи депутатовъ трудящихся, рѣшено было ждать установленнаго черезъ мѣсяцъ отвѣта, — и впереди передъ нами еще цѣлый мѣсяцъ, тяжкій, мучительный, томительно-страшный, какъ и предыдущіе мѣсяцы, когда вопросы о жизни и смерти рѣшались такъ просто, такъ быстро, легко...

27 мая. Депутатъ *С. Бондаревъ*.

ЗАПРОСЫ.

Каждый разъ въ каждомъ засѣданіи Думы запросы, запросы.. Въ субботу ихъ было особенно много—сразу 32 запроса!

Тихо сидятъ депутаты на скамьяхъ; слышится шелестъ бумаги; съ предсѣдательскаго мѣста, отчетливо, громко читается одинъ запросъ за другимъ, — и, кажется: черезъ окна, сквозь спущенныя сторы, съ шелестомъ бумаги, съ телеграммами и письмами, что такъ отчетливо читаются съ предсѣдательскаго мѣста, въ затихшее зало Таврическаго дворца, съ тоской и надеждой, съ укоромъ и ропотомъ о попранной правдѣ, торжественно-мощно вливается жизнь.

И суровая жизнь говоритъ объ одномъ: о насиліяхъ, задавившихъ ее; о попраніи правосудія вопіетъ жизнь; истощенная, сама себя обрекающая на голодную смерть въ тюрьмахъ, смотритъ жизнь въ окна Таврическаго дворца; смотритъ съ укоромъ, смотритъ съ печалью,—и бьется въ неволѣ.

Со всѣхъ сторонъ несется къ намъ голосъ жизни и все объ одномъ, все объ одномъ говорится: что разрушается жизнь, что попрана жизнь, что нельзя уже ни свободно дышать, ни свободно двигаться, ни свободно говорить, ни быть обезпеченнымъ на улицѣ, дома, отъ усмотрѣнія власти и вооруженнаго произвола ея исполнителей.

Сотнями глазъ смотритъ жизнь на депутатовъ, сотнями голосовъ говоритъ она имъ; слабые просятъ и молятъ, сильные протестуютъ и требуютъ — раскрыть двери тюремъ, вернуть свободу отдавшимъ свою свободу за свободу народа, укрѣпить права человѣка и гражданина.

Молча наклоняются къ столамъ головы депутатовъ, слышится шелестъ бумаги,—а сердце сжимается мучительной болью.

На каѳедрѣ стоитъ старикъ — депутатъ. Говоритъ—и недоумѣваетъ, и изумляется.

«Мирные люди, мы пришли сюда для мирной работы, для устроенія мира въ нашей изстрадавшейся родинѣ. Только съ миромъ и правдой пришли мы. И что же намъ дали. Вмѣсто амнистіи—молчаніе и прежнія преслѣдованія.

«Вмѣсто отмѣны смертной казни—молчаніе и рядъ новыхъ смертныхъ приговоровъ.

«Вмѣсто отмѣны усиленныхъ охранъ и военныхъ положеній—молчаніе и произволъ вооруженныхъ командъ».

Старикъ депутатъ говоритъ; прежде онъ вѣрилъ, теперь дрожитъ его вѣра, но за нее онъ еще хочетъ держаться.

«Вооруженная команда топчетъ арестованныхъ, бьетъ прикладами, сломаны ребра, пробитъ черепъ... арестованные истекаютъ кровью.

«Господа, это должно кончиться! Мы должны немедленно запросить министра, извѣстны ли ему эти событія... Господа! министръ, можетъ быть, не знаетъ объ этомъ; можетъ быть, онъ не вооруженъ достаточнымъ средствомъ пресѣченія зла—мы поможемъ ему!»

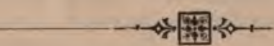
Старый человѣкъ хочетъ вѣрить въ желаніе министровъ пресѣкать насиліе и зло; старый человѣкъ все еще хочетъ вѣрить, что министры понимаютъ зло такъ же, какъ и онъ; что также, какъ и онъ, одушевлены они любовью къ родинѣ. И въ тоскѣ по вѣрѣ своей предлагаетъ онъ Думѣ обратиться къ министру для водворенія правды!

Пусть! Доколѣ и онъ не извѣрится... Депутаты трудящихся уже извѣрились, и всю глубину своего недовѣрія вкладываютъ въ выраженное Думой недовѣріе къ кабинету министровъ. Но запросы къ министрамъ будутъ дѣлать и депутаты трудящихся.

Только не по «вѣрѣ» въ готовность министровъ переродиться,—нѣтъ, нѣтъ!

Но во имя обнаженія всего зла безотвѣтственнаго передъ Думой министерства; во имя страданія родины, во имя попранныхъ правъ и свободы ея, — *во имя страны и для страны* будутъ дѣлать запросы къ министрамъ депутаты трудящихся.

30 мая. Депутатъ *С. Бондаревъ*.

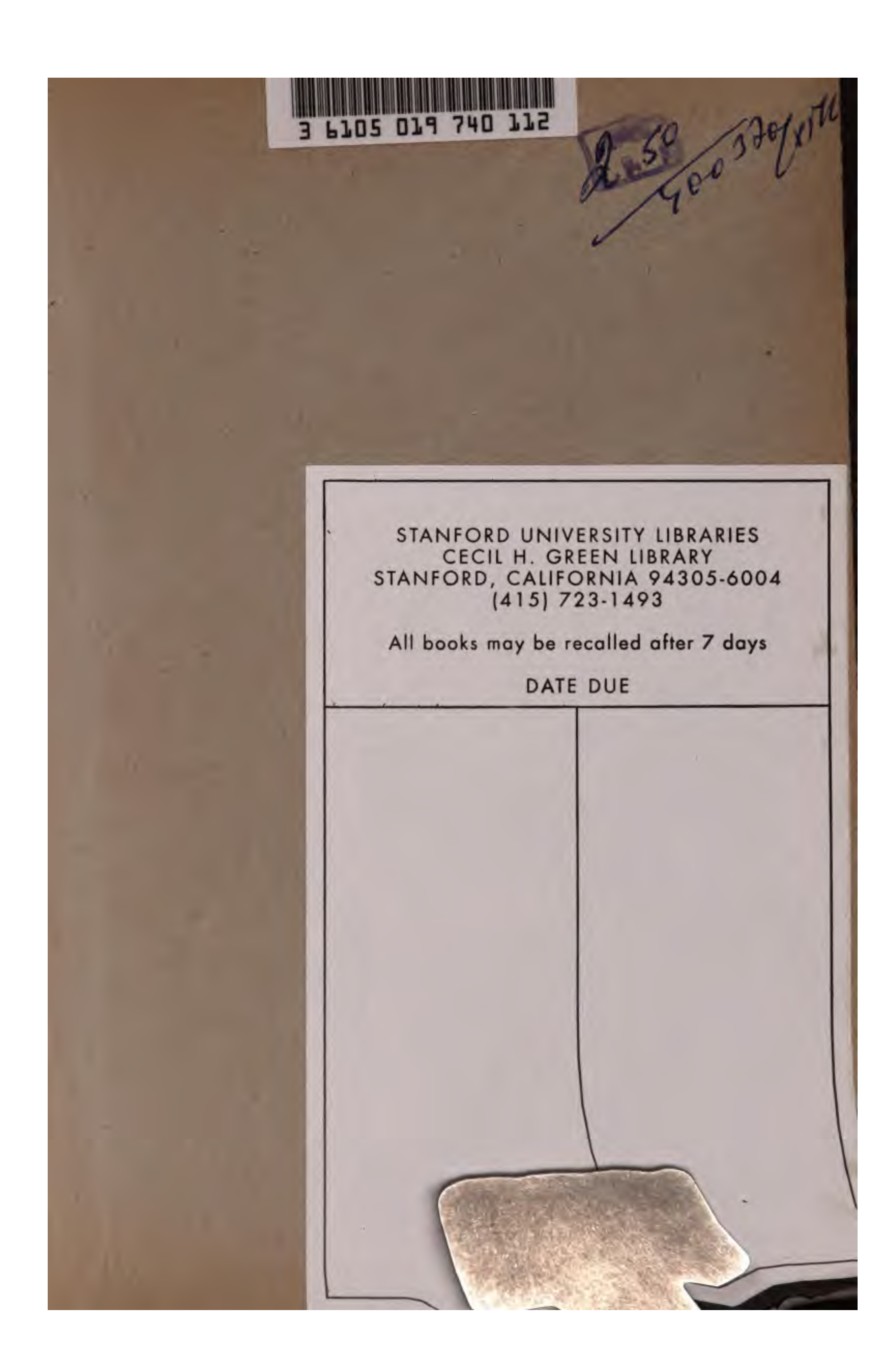
СОДЕРЖАНІЕ.

Беллетристика.

Земельный вопросъ.

Крестьяне и рабочіе.

Правительство.

3 6105 019 740 112
2.50
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493
All books may be recalled after 7 days
DATE DUE

